А. И. ЕРЕМЕНКО

НА ЗАПАДНОМ НАПРАВЛЕНИИ

А. И. ЕРЕМЕНКО

НА ЗАПАДНОМ НАПРАВЛЕНИИ

МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

А. И. ЕРЕМЕНКО

НА ЗАПАДНОМ НАПРАВЛЕНИИ

Воспоминания о боевых действиях войск Западного, Брянского фронтов и 4-й ударной армии в первом периоде Великой Отечественной войны

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1959

Книга Маршала Советского Союза Еременко А. И. представляет собой воспоминания о боевых действиях советских войск на западном направлении в первый период Великой Отечественной войны.

Автор, командовавший Западным и Брянским фронтами и 4-й ударной армией, на основе богатого личного опыта, а также используя большой архивный материал, рассказывает о боевых действиях на западном направлении в период с 22 июня 1941 г. по февраль 1942 г.

В книге показаны трудности, с которыми пришлось столкнуться Советской Армии в первый период войны, героизм и мужество советских воинов. Большое место отводится показу деятельности генералов и офицеров по руководству войсками.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ОТ АВТОРА

Предлагаемая вниманию читателей книга «На западном направлении» ни в коей мере не претендует на полноту охвата событий первого периода Великой Отечественной войны.

В книге освещаются в основном лишь те события, непосредственным участником которых был автор, а именно: действия Западного, Брянского фронтов в 1941 г. и 4-й ударной армии в 1942 г.

Кроме личных воспоминаний, автор использовал и архивные данные, труды Военно-исторического отдела Военно-научного управления Генерального Штаба, статьи из периодической печати, а также работы зарубежных авторов, касающиеся первого периода войны.

В распоряжение автора были любезно предоставлены некоторые материалы о боевых действиях 20-й армии Западного фронта бывшим командующим этой армией генерал-полковником П. А. Курочкиным, которому приносится сердечная признательность.

Автор выражает также благодарность майору В. К. Печоркину, собравшему и систематизировавшему дополнительный материал к книге, и полковнику Г. И. Оськину, принявшему участие в подготовке схем.

С целью восполнения пробелов и исправления возможных неточностей книги автор был бы очень благодарен тем из участников описываемых событий, которые сочли бы возможным прислать на нее свои отзывы.

А. ЕРЕМЕНКО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

ГЛАВА 1

ВОЙНА НАЧАЛАСЬ

(Схема 1)

В воскресенье 22 июня, в день моего отъезда в Москву[1], мне в 12 часов дня позвонил начальник штаба Дальневосточного фронта генерал-лейтенант Смородинов И. В. Забыв об обычном приветствии, он взволнованно сообщил: «Немцы сегодня с утра начали бомбить наши города! Война началась!»

Мне, как человеку, безраздельно посвятившему себя военной профессии, часто приходилось размышлять о возможной войне, особенно о ее начальном моменте. Казалось, что мы сумеем заблаговременно разгадать замыслы врага и не будем захвачены врасплох.

И вот теперь, слушая Смородинова, я понял, что начавшаяся война будет для нас неимоверно тяжелой, особенно в начальный период. Действительно, ведь если мне, в то время генерал-лейтенанту, командарму, почти ничего не было известно о приближении войны, то какой внезапной она должна была оказаться для солдат, для младшего и среднего комсостава, для всего советского народа.

Я считал тогда, что основной причиной неожиданности нападения на нас является плохо организованная на наших западных границах разведка.

---

[1] За два дня до начала войны мне было приказано сдать командование 1-й Краснознаменной отдельной дальневосточной армией и прибыть в Москву.

Однако и после звонка Смородинова мне все-таки не стало ясно, почему меня отзывают с Дальнего Востока, тем более, что одновременно я получил приказание Наркома обороны собрать по тревоге весь руководящий состав армии и дать указание о немедленном приведении войск в полную боевую готовность. «Следовательно, — думал я, — не исключено вероломное нападение и со стороны японских милитаристов».

Как известно, в силу ряда причин это нападение так и не состоялось, но в те дни оно казалось вполне вероятным.

Теперь мы знаем, что в начальный период войны Гитлер не требовал от своего союзника — Японии непосредственной помощи в борьбе с Советским Союзом. Опьяненный своими успехами в Европе, Гитлер не желал ни с кем делить будущей славы разгрома «русского гиганта». Японские империалисты в свою очередь были довольны тем, что их не втягивают в войну с СССР, так как они в это время активно готовились к войне с США и Англией.

В ходе войны против Советского Союза под влиянием ряда поражений немецких войск на советско-германском фронте, и прежде всего в боях под Москвой, а затем под Сталинградом, фашистские главари пришли к выводу о необходимости вступления Японии в войну против СССР. Но Япония не рискнула выступить.

Возвращаясь к своему рассказу о последних днях моего пребывания на Дальнем Востоке, хочу сказать, что я был доволен тем, что мне предстояло драться на Западе, а не на Востоке; я знал Западный театр военных действий и германскую армию. Оставалось лишь неясным, какую именно задачу мне предстояло получить в Москве.

В голове проносились мысли, связанные с предстоящей борьбой. Я принимал участие в походе по освобождению Западной Белоруссии и беседовал с польскими офицерами, которым пришлось сражаться с гитлеровскими войсками. Правда, их панические рассказы не могли быть вполне объективными, но, тем не менее, они давали представление о мощи созданной фашистами военной машины. Сам я знал германскую армию периода первой мировой войны, участником которой был.

Из сообщений газет и радио вырисовывалась также совсем иная перспектива — перспектива долгой тяжелой войны. Было ясно, что боевые действия развернутся не на вражеской территории, а на нашей земле и что победа нам будет стоить немалой крови.

Суровая правда смотрела в глаза: пылают советские города, под бомбами варваров гибнут сотни и тысячи мирных граждан. Закованная в броню, снабженная отличным современным оружием, вымуштрованная, фашистская армия широким потоком разливается по советской земле.

Мне казалось, что поезд идет слишком медленно. Хотелось как можно скорее быть там, где решалась судьба Родины. И как бы во исполнение этого моего страстного желания по прибытии поезда в Новосибирск начальник военных сообщений Сибирского военного округа передал мне приказ наркома сойти с поезда и лететь в Москву самолетом.

Итак, из Новосибирска я продолжал путь уже по воздуху.

28 июня прямо с аэродрома я явился в Наркомат обороны к маршалу Тимошенко С. К.

— Ждем вас, — сказал он и сразу же приступил к делу.

Из краткого сообщения наркома об обстановке я понял, что положение на фронтах еще более серьезно, чем мне представлялось.

Причины наших неудач нарком связывал главным образом с тем, что командование приграничных округов оказалось не на высоте положения. В этом была, конечно, известная доля правды.

Когда Тимошенко показал на карте, какую территорию мы уже потеряли, я, что называется, не поверил своим глазам.

Товарищ Тимошенко отрицательно охарактеризовал деятельность командующего Западным фронтом генерала армии Павлова Д. Г. и выразил сильное беспокойство за судьбу войск этого фронта.

— Вот, товарищ Еременко, — сказал он мне в заключение, — картина вам теперь ясна.

— Да, печальная картина, — ответил я.

После некоторой паузы Тимошенко продолжал:

— Генерал армии Павлов и начальник штаба фронта отстранены от занимаемой должности. Решением правительства вы утверждены командующим Западным фронтом. Начальником штаба фронта назначен генерал-лейтенант Маландин Г. К. Немедленно выезжайте оба на фронт.

— Какова задача фронта? — спросил я.

— Остановить наступление противника, — ответил нарком.

Товарищ Тимошенко вручил мне предписание о назначении меня командующим Западным фронтом, и в ночь на 29 июня я вместе с Маландиным выехал под Могилев, где в лесу находился штаб фронта.

Но прежде чем рассказать о нашем приезде на командный пункт Павлова, я позволю себе, хотя бы очень кратко, изложить ход военных действий в первые дни войны. Это поможет лучше понять дальнейшее развитие событий.

Гитлеру удалось перед началом войны сосредоточить у наших границ 190 дивизий, в их числе 152 германские, 18 финских, 18 румынских и 2 венгерские. Эту огромную сухопутную армию должен был поддержать воздушный флот в составе 5000 самолетов.

Наши западные приграничные округа: Прибалтийский, Западный и Киевский — были в начале войны преобразованы в Северо-Западный, Западный и Юго-Западный фронты. Кроме того, был вновь создан Южный фронт. Фактически это являлось не преобразованием, а простым переименованием. От этого преобразования ничто не изменилось: силы фронтов не были ни сосредоточены, ни тем более развернуты для ведения боевых действий и не могли оказать существенного противодействия стремительно наступающему врагу.

Значительно превосходя на главных направлениях наши войска, ударные группировки противника, особенно подвижные соединения, рассекали спешно развертывавшиеся в боевые порядки советские части, углубляясь на нашу территорию все дальше и дальше.

В беспрестанно меняющейся обстановке часто нарушалась всякая связь между командованием и войсками, что, естественно, крайне затрудняло управление во всех звеньях, а подчас делало его и вовсе не возможным.

Большой ущерб причиняла нам вражеская авиация. Нанося мощные удары на большую глубину, она выводила из строя объекты стратегического значения, уничтожала боевую технику и живую силу.

Все это вместе взятое еще более увеличило перевес сил в пользу врага. За первую неделю войны враг захватил значительную территорию в Прибалтике, на Украине и в Белоруссии.

Наиболее опасными направлениями были западное и северо-западное, где враг наносил удары на Москву и Ленинград.

Сейчас, когда с тех пор прошло уже много лет, особенно ясно сознаешь, что необходимо глубоко изучить и тщательно учесть этот неимоверно горький опыт и не допустить повторения чего-либо подобного.

Наша армия не имела достаточного опыта, она не была отмобилизована, наши новые западные границы не были достаточно укреплены, а приграничный район, ставший театром военных действий, не был к ним подготовлен. Можно указать и еще на ряд непосредственных причин наших поражений.

Эти просчеты, совершенные до начала войны, вытекали из переоценки наших сил и были связаны с предположениями, что гитлеровцы не посмеют на нас напасть.

Так, считалось, что заключением пакта о ненападении с Германией нам удалось избежать войны на весьма продолжительный срок. Никто не может оспаривать положительного значения этого шага Советского правительства. Война для нашего народа оказалась, таким образом, на некоторое время отодвинутой. Тем не менее неизбежность столкновения в самом ближайшем будущем оставалась несомненной.

Удар агрессора оказался, таким образом, для наших пограничных округов неожиданным, враг сразу же нанес нам большой урон и захватил огромную территорию. Это выглядит особенно трагично, если учесть, что наши войска, прежде всего те, которые находились близ западных рубежей страны, были укомплектованы отличными воинами, хорошо обученными, свято преданными Родине. При правильном руководстве действиями войск агрессор сразу получил бы отпор.

В свое время довольно оживленно дискутировался вопрос о том, насколько внезапным было нападение гит-

леровцев на нашу страну. Я считаю, что для нашей армии, в том числе и для командующих войсками округов, это нападение было внезапным, поскольку армия не была своевременно приведена в боевую готовность. В результате этого гитлеровская армия захватила инициативу, добилась определенного военного преимущества и вынудила советские войска к отходу.

За четыре месяца наступления немецко-фашистские войска подошли к Ленинграду, Москве и Ростову, оккупировав большую территорию, богатую в промышленном и сельскохозяйственном отношении.

Рассчитывая закончить войну против Советского Союза в возможно короткий срок, немецко-фашистский генеральный штаб согласно плану «Барбаросса» намечал одновременно нанести удары на трех основных направлениях.

Первый удар планировалось нанести из Восточной Пруссии на Псков, Ленинград силами группы армий «Север». В группу армий «Север» входили 16-я и 18-я полевые армии и 4-я танковая группа. Их поддерживал 1-й воздушный флот.

Второй удар немецкое командование собиралось нанести из района Варшавы на Минск, Смоленск и далее на Москву силами группы армий «Центр» в составе 4-й и 9-й полевых армий, 3-й и 2-й танковых групп. Группу армий «Центр» поддерживал 2-й воздушный флот.

Третий удар предстояло нанести группой армий «Юг» из района Люблина на Житомир, Киев и далее на Донбасс.

В группу армий «Юг» входили 6, 17 и 11-я полевые армии и 1-я танковая группа. Группу армий «Юг» поддерживал 4-й воздушный флот.

Группе армий «Север» должна была оказать содействие финская армия, а группе армий «Юг» — венгеро-румынские войска. На крайнем северном фланге немецкого стратегического фронта развернулась 20-я немецкая армия «Норвегия», которая получила приказ овладеть нашими северными портами в Баренцевом море и захватить Кировскую железную дорогу.

Особое значение придавалось действиям группы армий «Центр». В директиве Гитлера № 21 от 18 декабря 1940 г. указывалось: «Овладение Москвой означало бы

решающий политический и экономический успех и, кроме того, потерю русскими наиболее важного узла дорог».

Надо отдать справедливость германским генштабистам — они учитывали, что от результатов первых ударов по советским войскам в Белоруссии, в так называемом белостокском выступе в значительной степени зависит дальнейшее развитие военных событий.

Следует сказать, что довольно крупные силы нашей армии прикрытия находились вправо и влево от линии Белосток — Ломжа. Этот район, выдававшийся тупым клином далеко на запад, лишал непосредственной связи вражеские группировки, которым предстояло действовать в Прибалтике и на Украине, и угрожал их флангам и тылу. Противник[1], понимая огромную стратегическую ценность района Белостока для всего дальнейшего наступления, сосредоточил здесь наиболее сильную группировку. Он намеревался двумя ударами по сходящимся направлениям окружить наши войска в Белоруссии. Это должно было создать предпосылки для поворота танковых войск на север, уничтожения (совместно с группой армий «Север») советских войск, находившихся в Прибалтике, и овладения Ленинградом.

Лишь после выполнения этой важнейшей задачи гитлеровское командование намеревалось развернуть наступательные операции по овладению Москвой.

Операция по окружению и уничтожению советских войск в Белоруссии была возложена на группу армий «Центр» (под командованием фельдмаршала фон Бока), насчитывавшую до пятидесяти дивизий, в том числе 15 танковых и моторизованных. Группе было придано большое количество артиллерийских, саперных и других специальных частей и соединений. Уже к исходу 21 июня эти войска развернулись вдоль нашей границы между Сувалками и Брестом.

На сосредоточение такой массы войск потребовалось значительное время: переброска войск к нашим грани-

---

[1] Командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Бок принял даже решение остановить дальнейшее продвижение танковых групп Гудериана и Гота и следующих за ними армейских корпусов, закрепиться на фронте вокруг Белостока и выждать, пока наша группировка капитулирует (см. Г. Гудериан. Воспоминания солдата, стр. 154).

цам производилась поэшелонно с февраля до июня 1941 года.

Из документов, опубликованных в послевоенное время, известно, что силы группы армий «Центр» были развернуты следующим образом: в так называемом сувалковском выступе, а также на участке от Августува до Остроленки (270 км) — 3-я танковая группа генерала Гота и 9-я армия генерала Штрауса, далее на юго-восток вдоль Западного Буга вплоть до Влодавы (280 км) — 2-я танковая группа генерала Гудериана и 4-я армия фон Клюге.

Совершенно ясно, что эта группировка войск была создана для нанесения двух одновременных ударов в направлениях: Сувалки — Минск и Брест — Барановичи.

Наступление в Белоруссии планировалось германским генштабом следующим образом.

3-я танковая группа во взаимодействии с войсками 9-й армии прорывает нашу оборону северо-восточнее Сувалки и, двигаясь через Вильнюс, выходит к Минску. 9-я армия частью своих сил наступает вслед за 3-й танковой группой для очистки и закрепления занятого района, а оставшимися силами двигается в общем направлении Гродно с целью расчленения и уничтожения наших окруженных войск. 2-я танковая группа, также взаимодействуя с пехотой, преодолевает укрепленную линию вдоль границы северо-западнее и южнее Бреста, а в дальнейшем наступает в общем направлении Барановичи, Минск, чтобы в районе Минска соединиться с 3-й танковой группой. Так завершается окружение советских войск в Белоруссии.

Одновременно 3-я танковая группа наносит удар на Белосток, с тем чтобы при поддержке 9-й армии «срезать» белостокский выступ.

От Минска немецко-фашистские войска должны были наступать на Смоленск, с ходу преодолевая водные преграды: Березину, Западную Двину, Днепр. При этом 3-я танковая группа и 9-я армия наступают в северо-восточном направлении и занимают Полоцко-Витебский район, а 2-я танковая группа вместе с 4-й армией действует непосредственно против Смоленска.

После падения Смоленска 3-я танковая группа вливается в группу армий «Север» для действий на ленинградском направлении.

Задача прикрытия мобилизации, подтягивания и развертывания наших войск в районе западных областей Белоруссии, естественно, возлагалась на войска Западного особого военного округа под командованием генерала армии Павлова Д. Г. Непосредственными исполнителями этой задачи являлись 3, 10 и 4-я армии. В первый эшелон этих армий выделялись стрелковые дивизии, а во второй — механизированные корпуса. Стрелковые дивизии должны были развернуться вдоль границы от Копцово до Влодавы (450 км), чтобы прикрыть минское и бобруйское направления. Воздушное прикрытие наземных войск возлагалось на авиацию округа.

Война застала войска округа в гарнизонах и лагерях в 50—200 км от границы. Граница охранялась лишь пограничниками. Правда, на многих участках границы саперы вместе с подразделениями, выделенными им в помощь из общевойсковых соединений, вели работы по укреплению новой границы.

Незадолго до войны в войсках округа началось перевооружение и связанное с ним обучение личного состава владению новыми образцами оружия и техники. Особенно большая работа проводилась нашей партией и правительством по созданию механизированных и танковых соединений. Чтобы ускорить создание механизированных корпусов, они формировались на базе танковых бригад, отдельных танковых батальонов, кавалерийских и других частей. На первых порах в механизированных корпусах оставалось то же вооружение, что и в танковых бригадах и батальонах. Но уже с 1940 года в корпуса стали поступать новые танки КВ и Т-34, правда, этих танков к началу войны было еще немного.

Некоторые части получили новую технику перед самой войной и, естественно, не успели еще ее освоить. К началу войны мы имели значительное количество танков (хотя нам и не хватало их для того, чтобы укомплектовать механизированные корпуса), но многие марки их считались к тому времени устаревшими (Т-26, БТ-5, БТ-7).

Авиация накануне войны также получала новую технику. Авиационные части, имевшие на вооружении истребители И-16, И-15, И-153 («Чайка»), бомбардировщики СБ, ДБ-3, начали перевооружаться истребителями МиГ-3, ЛаГГ-3, Як-1, бомбардировщиками Пе-2 и штурмовиками Ла-2.

Войска противника, наступавшие в полосе Западного фронта, превосходили войска фронта в два раза, а на направлениях главных ударов, в частности на брестско-барановичском, имели четырехкратное превосходство.

В 4 часа утра 22 июня артиллерийским обстрелом нашей границы враг начал военные действия на западном направлении. Артиллерийский обстрел продолжался 1—2 часа. Одновременно были совершены удары с воздуха по городам: Гродно, Лида, Белосток, Волковыск, Барановичи, Бобруйск, Брест, Пинск и другим. Глубина авиационного воздействия достигала 300 км.

Войска округа, для которых начало войны явилось полной неожиданностью [1], вступали в бой разобщенными группами и вследствие этого несли огромные потери, особенно в технике. Инициатива сразу же оказалась в руках противника. Уже в первый день его танковые части на ряде участков проникли в глубь нашей территории на 50—60 км. Связь между штабами и войсками была парализована, руководство частями и соединениями чрезвычайно затруднялось. В особенно тяжелом положении оказались соединения, находившиеся на флангах Западного фронта.

3-я армия, которой командовал генерал-лейтенант Кузнецов В. И., была глубоко обойдена с правого фланга соединениями 3-й танковой группы противника, действовавшей против Северо-Западного фронта (бывший Прибалтийский округ). 56-я дивизия 3-й армии, оборонявшаяся на фронте до 40 км, оказалась в полосе наступления трех немецких дивизий. Дивизия оставила

---

[1] Весьма характерное свидетельство того, насколько внезапным для наших войск было нападение гитлеровцев, мы находим в книге Гудериана «Воспоминания солдата», стр. 146.

Он, в частности, пишет:

«... 20 и 21 июня находился в передовых частях моих корпусов, проверяя их готовность к наступлению. Тщательное наблюдение за русскими убеждало меня в том, что они ничего не подозревают о наших намерениях. Во дворе крепости Бреста, который просматривался с наших наблюдательных пунктов, под звуки оркестра они проводили развод караулов...

Перспективы сохранения момента внезапности были настолько велики, что возник вопрос, стоит ли при таких обстоятельствах проводить артиллерийскую подготовку в течение часа, как это предусматривалось приказом».

Об этом же свидетельствуют и наши достоверные архивные данные. (Архив МО СССР, ф. 208, оп. 45317, д. 1, л. 2).

Гродно и откатилась на юго-восток. На второй день войны она вела бои уже севернее Немана. Отошли и соседние две дивизии, 87-я и 27-я, создав оборонительный рубеж южнее и юго-западнее Гродно.

В результате отхода 3-й армии между смежными флангами Северо-Западного и Западного фронтов образовалась брешь шириной более 100 км, которую использовал враг, продвинувшийся здесь за двое суток на 120 км.

Не лучше обстояло дело и на левом фланге Западного фронта, где оборонялась 4-я армия под командованием генерал-майора Коробкова А. А. Здесь действовали 2-я танковая группа противника (командующий генерал Гудериан) и один из армейских корпусов 4-й армии. В полосе наступления этих войск противника оказалась 4-я армия Западного фронта, точнее — ее четыре дивизии (6, 42, 49 и 75-я). Под напором численно превосходящего противника, имевшего в первом эшелоне десять дивизий, в том числе четыре танковые (во втором эшелоне было шесть дивизий), наши части начали отход.

Генерал Коробков приказал командиру 14-го механизированного корпуса генерал-майору Оборину С. И. нанести контрудар из района Пружаны, Кобрин. Контрудар не удался, так как дивизии корпуса находились на большом расстоянии друг от друга и объединить их в единый мощный кулак не удалось.

4-я армия вынуждена была отойти за р. Ясельда.

Одной из главных причин неуспеха явилось то, что командарм не сумел правильно оценить противника и поэтому не смог принять необходимых мер, чтобы преградить ему путь; местность же благоприятствовала организации обороны, да и войск было достаточно.

Отступление наших войск на флангах Западного фронта создало тяжелые условия для соединений, оборонявшихся в центре — в белостокском выступе. Здесь оборонялась 10-я армия под командованием генерал-майора Голубева К. Д. На армию наступали четыре армейских корпуса противника: 7, 9, 13 и 47-й.

Отступление соседей и особенно 4-й армии создало для войск 10-й армии критическое положение. Так, 13-й механизированный корпус генерал-майора Ахлюстина П. Н., дислоцированный в Бельске, попытался

было закрепиться на рубеже р. Нужец, но, имея большой некомплект материальной части, уже 23 июня вынужден был начать отступление

Войска, расположенные на правом фланге и в центре белостокского выступа, оказали врагу яростное сопротивление, однако в связи с катастрофическим положением на флангах фронта вынуждены были отойти на рубеж р. Бобр.

Командование Западного фронта в соответствии с директивой Наркома обороны вечером 22 июня решило силами двух механизированных и одного кавалерийского корпусов с рассветом следующего дня нанести удар из района Гродно во фланг группировке противника, наступавшей из сувалковского выступа.

В эту конно-механизированную группу должны были войти: 11-й механизированный корпус 3-й армии (командир генерал-майор Мостовенко Д. К.), 6-й механизированный корпус 10-й армии (командир генерал-майор Хацкелевич М. Г.), 6-й кавалерийский корпус (командир генерал-майор Никитин И. С.). Возглавлял группу заместитель командующего Западным фронтом генерал-лейтенант Болдин И. В.

Однако нанести по противнику фланговый удар оказалось весьма трудной задачей. Дело в том, что в районе исходного положения для удара (южнее Гродно) находился лишь 11-й механизированный корпус, в то время как штаб 6-го кавалерийского корпуса был в районе Белостока, а его дивизии разбросаны на большом удалении друг от друга (36-я — в районе Волковыска, а 6-я — у Ломжи).

В назначенный срок (23 июня) начал действовать лишь 11-й механизированный корпус, остальные войска при попытке занять исходный для контрудара район подверглись ожесточенным ударам авиации противника и в значительной мере утратили свою боеспособность.

На следующий день, 24 июня, войска 11-го механизированного корпуса и часть сил 6-го механизированного корпуса, которым удалось подойти, нанесли удар по противнику южнее Гродно и добились некоторого успеха, сковав в районе Гродно четыре пехотные дивизии противника и задержав на несколько дней их выдвижение на Лиду.

Однако уже 25 июня наше наступление захлебнулось. Это явилось следствием почти полного отсутствия авиации и недостаточного артиллерийского, в первую очередь зенитного, прикрытия. Наши потери в личном составе и материальной части от авиации и артиллерии противника были очень велики. В условиях непрекращающихся ударов противника с воздуха не могло быть налажено и снабжение войск боеприпасами и горючим.

Результаты этого контрудара оказались, к сожалению, весьма незначительными; удалось всего на несколько дней задержать наступление четырех вражеских дивизий в юго-восточном направлении.

3-я танковая группа противника, захватившая Вильнюс, двинулась на Молодечно и, по существу не встречая сопротивления, вышла к Минскому укрепленному району.

Такой успех врага был отчасти связан с тем, что командование Западного фронта приняло не соответствовавшее сложившейся обстановке решение о наступлении в сторону Лиды войск, находившихся к северо-западу от Минска.

Плохо были организованы боевые действия войск и на левом крыле фронта — на барановичском направлении. Войска 4-й армии, в значительной степени уже обескровленные, поспешно отходили на восток.

Для организации рубежа обороны на этом направлении была выгодна р. Шара. Однако находившиеся здесь войска (до трех дивизий) действовали разрозненно. Танковые соединения врага легко преодолели этот рубеж и вышли в район Барановичи.

Таким образом, несмотря на мужество и героизм советских воинов, стойкость многих частей и соединений, приграничное сражение окончилось для нас неудачно. Навсегда останутся в памяти советского народа бессмертные подвиги героических защитников Брестской крепости и многих других воинов, погибших в первые дни войны.

3-я танковая группа противника за четыре дня наступления продвинулась в глубь нашей территории более чем на 200 км. Заняв Вильнюс и не встретив здесь организованного сопротивления, она повернула основные силы на Молодечно, Минск и охватила соединения Западного фронта с севера и северо-востока. В то же время 2-я танковая группа, взаимодействуя с 4-й ар-

мией, охватила войска фронта своей мотопехотой с юга и юго-востока, углубившись на нашу территорию также примерно на 200 км.

В связи с поворотом 3-й танковой группы к Минску количество войск противника в полосе Западного фронта увеличилось еще на 12 дивизий. Продолжало возрастать и превосходство противника в боевой технике, поскольку мы несли большие потери в материальной части от ударов вражеской авиации и артиллерии.

Все это создало крайне неблагоприятную обстановку не только для организации более или менее стабильной обороны (о сколько-нибудь значительных контрударах в этот момент не могло быть и речи), но и для отступления наших войск, приказ о котором, наконец, был отдан командующим Западным фронтом.

Так, для отхода войск в направлении Белосток — Новогрудок свободной оставалась лишь полоса шириной до 50 км, где, к несчастью, не было ни одной шоссейной дороги. По обеим сторонам этой полосы действовал неприятель.

Можно представить себе, в каких условиях происходило отступление при непрерывных арьергардных и фланговых боях.

Плохие дороги затрудняли использование автотранспорта, горючего не было, большое количество автомобилей было потеряно, не хватало и лошадей. Отступавшие походным порядком войска подвергались беспрерывной жестокой бомбардировке с воздуха.

С каждым днем обстановка все более осложнялась. Моторизованные части врага уже к вечеру 25 июня, наступая на север, вышли на дорогу Волковыск — Слоним и перерезали наиболее удобный и прямой путь отступления. Почти одновременно пехота противника (9-я и 4-я армии) создала угрозу расчленения войск, находившихся западнее Слонима.

Войска нашей 10-й армии при отходе с трудом обеспечивали свой левый фланг от непрерывных ударов противника с юго-запада. Нелегко им было удерживать и дорогу, по которой наши части отступали на Белосток — Волковыск.

Кровопролитная борьба шла юго-восточнее и восточнее Волковыска, где противник хотел отрезать скопив-

шимся здесь в большом количестве отступавшим войскам пути дальнейшего отхода на юго-восток через Ружаны и на восток на Слоним и Барановичи.

3-я армия, отходившая в направлении на Новогрудок, вынуждена была вести беспрерывные бои с частями 8-го армейского корпуса с целью не позволить противнику выйти через Лунна на Мосты для встречи с 47-м моторизованным корпусом 2-й танковой группы.

К 26 июня относится начало активных боевых действий в Минском укрепленном районе. Здесь оборонялись сведенные в 13-ю армию (командующий генерал-лейтенант Филатов П. М.) три корпуса (2-й и 44-й стрелковые и 20-й моторизованный). Они и завязали ожесточенные бои с вышедшими сюда к этому времени танковыми силами 39-го моторизованного корпуса 3-й танковой группы противника.

28 июня, то есть в тот день, когда я приехал в Москву, противник добился окружения ряда частей 10-й армии под Белостоком (правда, в последующем большинству из них удалось прорваться на восток).

29—30 июня положение еще более ухудшилось — 47-й моторизованный корпус противника прорвался к Минску и соединился здесь с 39-м моторизованным корпусом. Так произошло соединение 2-й и 3-й танковых групп противника. Наша 13-я армия, действовавшая в этом районе, почти в полном составе отступила на линию Борисов — Смолевичи — р. Птичь.

В результате соединения 3-й и 2-й немецких танковых групп восточнее Минска наши войска, отступавшие из Гродно и Белостока, оказались в окружении. В частичное окружение попали и части, оборонявшиеся в Минском укрепленном районе.

Окруженные войска организовали оборону в районе Налибокская пуща, Новогрудок, Столбцы.

Завершив окружение наших войск восточнее Минска, противник продолжал развивать наступление на восток — к Днепру. Сил для отпора врагу, двигавшемуся из района Минска к Днепру, у нас фактически не было. Осуществить важнейшую в тех условиях задачу создания фронта обороны восточнее Минска на имевшихся там природных рубежах, в частности на р. Березина, не было почти никакой возможности. Противник мог бес-

препятственно выйти на Березину, а затем и на Днепр, до которого оставалось не более 150 км. И, таким образом, сосредоточившиеся в это время на рубеже Днепра свежие силы, подвозимые из тыла, могли, не успев развернуться, попасть под удар.

Вот в такой обстановке, когда требовались самые решительные и неотложные меры, чтобы выиграть время для создания обороны по Западной Двине и Днепру, и прибыли мы с генералом Маландиным на фронт.

На командный пункт Западного фронта, находившийся в лесу недалеко от Могилева, мы приехали рано утром. Командующий в это время завтракал в небольшой, отдельно стоящей палатке. Я зашел в палатку, а генерал Маландин пошел искать начальника штаба фронта. Генерал Павлов приветствовал меня по своему обыкновению довольно шумно, забросав множеством вопросов и восклицаний:

— Сколько лет, сколько зим! Какими судьбами к нам вас занесло? Надолго ли?

Вместо ответа я протянул ему предписание. Пробежав глазами документ, Павлов, не скрывая недоумения и некоторого беспокойства, спросил:

— А меня куда же?

— Нарком приказал ехать в Москву, — ответил я.

Павлов пригласил меня к столу.

Я отказался от завтрака и сказал ему:

— Нам нужно поскорее разобраться в обстановке на фронте, выяснить состояние наших войск, осмыслить намерения противника.

Павлов после непродолжительной паузы заговорил:

— Что можно сказать о создавшейся обстановке? Ошеломляющие удары противника застигли наши войска врасплох. Мы не были подготовлены к бою, жили по-мирному, учились в лагерях и на полигонах, поэтому понесли большие потери, в первую очередь в авиации, артиллерии, танках, да и в живой силе. Враг глубоко вторгся на нашу территорию, заняты Бобруйск, Минск.

Павлов ссылался также на позднее получение директивы о приведении войск в боевую готовность.

Как стало теперь известно, действительно, если бы директива по приведению войск в боевую готовность была получена несколько раньше, а командование фронта со своей стороны предприняло ряд мер по поднятию боевой

готовности, войска не понесли бы таких потерь и противник получил бы должный отпор.

Опоздание с распоряжением о приведении войск в боевую готовность связано с тем, что И. В. Сталин, будучи главой правительства, верил в надежность договора с Германией и не обратил должного внимания на поступавшие сигналы о подготовке фашистов к нападению на нашу страну, считая их провокационными. Сталин полагал, что Гитлер не решится напасть на СССР по крайней мере в ближайшее время. Поэтому он не давал в нужное время согласия на проведение срочных и решительных оборонительных мероприятий, опасаясь, что это даст повод гитлеровцам для нападения на нашу страну.

В конце разговора с Павловым было решено созвать руководство штаба фронта.

Пока собирались генералы и офицеры штаба фронта, я пошел представиться маршалам К. Е. Ворошилову и Б. М. Шапошникову, недавно прибывшим в штаб фронта. Цель их приезда заключалась в том, чтобы на месте разобраться в обстановке и помочь командованию фронта. Посмотрев на меня внимательно своими добрыми, усталыми от бессонных ночей глазами, Климент Ефремович сказал:

— Дела очень плохи, сплошного фронта пока нет. Имеются отдельные очаги, в которых наши части стойко отражают яростные атаки превосходящих сил врага. Связь с ними у штаба фронта слабая. Павлов плохо руководит войсками. Нужно немедленно подтягивать резервы и вторые эшелоны, чтобы закрыть образовавшиеся бреши и задержать наступление противника; по-настоящему организовать управление войсками.

В заключение Климент Ефремович дал мне еще ряд практических указаний.

Маршал Шапошников Б. М., присутствовавший при этом разговоре, указал мне, на какие направления необходимо безотлагательно бросить резервы.

После этого разговора я имел беседу и с членом Военного совета фронта секретарем ЦК КП Белоруссии тов. Пономаренко П. К., который, как и маршалы, дал отрицательную оценку управления войсками со стороны штаба и командования фронта.

Беседа с тов. Павловым, с членом Военного совета тов. Пономаренко и, главное, указания и советы марша-

лов товарищей Ворошилова и Шапошникова позволили мне в известной степени сориентироваться в обстановке и осмыслить происходящие события.

Вместе с маршалом Шапошниковым, первым секретарем ЦК КП Белоруссии Пономаренко и генералом Маландиным мы прошли в палатку оперативного управления, где за это время собрались командующие родами войск, начальники управлений и служб фронта, офицеры и генералы штаба. Вначале до сведения присутствующих было доведено решение правительства о смене руководства фронта, затем были заслушаны информации начальника разведотдела фронта о противнике и начальника оперативного отдела о положении своих войск. Сведения о противнике и действиях войск были скудные и показывали, что в деле разведки и управления войсками имеется много недостатков. Однако было ясно, что противник, нанеся своими танковыми и подвижными войсками, при массированной поддержке авиации, удар на минском и бобруйском направлениях, продолжает движение на восток.

Я в своем выступлении кратко подвел итоги по данным о сложившейся обстановке и сказал, что мы должны принять все меры, чтобы остановить дальнейшее продвижение противника на минском и бобруйском направлениях. Для этого необходимо было усилить эти направления, в частности, ускорить выдвижение Московской моторизованной дивизии в район Борисова, а также направить туда для помощи штабных офицеров.

На бобруйском направлении необходимо было удержать переправу через р. Березина, для этого требовалось усилить части, которые вели там напряженные бои, отрядами заграждения. Кроме того, был отдан ряд других распоряжений по организации обороны на р. Березина и других рубежах.

В заключение я особо подчеркнул, что Центральный Комитет нашей Коммунистической партии и Советское правительство принимают все меры к тому, чтобы организовать отпор врагу, вероломно напавшему на нашу страну. Партия проявляет большую заботу о нашем фронте, посылает нам свежие силы, подтягивает крупные резервы: одни еще на подходе, а другие уже подошли.

Наша задача, задача всех командиров и политработников, всех воинов заключается в том, чтобы выполнить приказ Родины, остановить врага и нанести ему пораже-

ние. Нужно проявить больше организованности в работе и больше упорства в бою.

После этого совещания тов. Пономаренко П. К. коротко информировал Военный совет и руководящий состав штаба фронта о том, что предпринимают сейчас ЦК КП и правительство Белоруссии в решении вопросов оборонной работы и хозяйственной деятельности, и подчеркнул при этом, что они поднимают людей на всемерное оказание помощи Советской Армии в борьбе с коварным врагом, напавшим на нашу Родину.

Основной задачей войск фронта в сложившейся обстановке было не дать противнику помешать сосредоточению и развертыванию наших войск, прибывающих из внутренних округов страны. Эти войска должны были подготовить новый оборонительный рубеж, прикрыв мобилизационное развертывание страны и армии. Нужно было любой ценой, любыми средствами задержать противника, выиграть время, необходимое для занятия новыми силами рубежей рек Западная Двина и Днепр.

Положение было не из легких. Фронт почти не имел авиации (насчитывалось всего 60 машин). На другой день, 1 июля, нам доставили еще 30. Из 90 самолетов 29 были истребители. Было принято решение: имеющейся авиацией нанести удар по двум группировкам противника — сначала по 2-й танковой группе Гудериана, действующей в направлении Бобруйск — Могилев, а затем по группе немецких войск (9-я армия и 3-я танковая группа), наступающей на борисовском направлении.

В те дни авиация противника абсолютно господствовала в воздухе. Не встречая сопротивления, она действовала небольшими группами на бреющих полетах, обстреливала дороги, бомбила скопления наших войск, разрушала города, истребляла мирное население. Враг наглел с каждым днем, все более вырисовывался его звериный облик. В те тяжелые дни и бессонные ночи, стиснув зубы, мы отыскивали пути и возможности организации отпора фашистам.

1 июля по моему приказанию был произведен первый налет нашей авиации. Первую половину дня самолеты использовались на бобруйском, вторую половину дня — на борисовском направлениях. На переправы через Березину, наведенные войсками Гудериана, мы послали

15 штурмовиков под прикрытием звена истребителей. Зная, что противник сейчас же поднимет в воздух свою истребительную авиацию, мы через 7—8 минут послали в район боя остальные 24 истребителя. Наш тактический прием полностью оправдался, как и расчет во времени. Как только наши штурмовики начали бомбить переправы и аэродромы в Бобруйске, немцы сейчас же выслали бомбардировочную и истребительную авиацию. Наши истребители завязали с самолетами противника воздушный бой. Сколько было радости для войск и населения, когда над Могилевом на глазах у всех за несколько минут было сбито пять немецких самолетов, а шестой загорелся и тоже пошел на снижение. В районе Бобруйска мы уничтожили 30 самолетов. А за два дня воздушных боев противник потерял не менее 60 самолетов. Когда я сообщил об этом в Москву, Начальник Генерального Штаба даже переспросил меня по телефону, не ошибся ли я.

Но это не было ошибкой. Мы действительно уничтожили 60 немецких самолетов и нанесли удары по вражеским войскам, переправам, по скоплениям моторизованных и пехотных сил Гудериана. Сами мы потеряли лишь 18 машин. До этого времени авиация противника, почти не встречая в воздухе наших самолетов, действовала на широком фронте небольшими группами. Мы же использовали свою немногочисленную авиацию массированно и поэтому имели успех. Эти двухдневные воздушные бои имели немаловажное значение для решения дальнейших задач. Немцам был нанесен на этом участке фронта первый серьезный урон с воздуха. Наши летчики воспрянули духом: они поняли, что врага надо побеждать мастерством и высокой организованностью. Воодушевилась и пехота, так как весть о нанесении немцам потерь в воздухе передавалась из уст в уста.

Вместе с начальником штаба фронта генералом Маландиным Г. К. мы решали в те дни и ряд других неотложных проблем. Начальнику Инженерного управления было дано указание укрепить район Могилева. За 3—4 дня была создана сильная полоса заграждений. Немцы в течение десятидневных боев (с 1 по 10 июля) не могли преодолеть наши противотанковые рвы, лесные завалы, минные поля. В результате мы выиграли время и развернули подходившие резервы.

Вплотную занялись мы и вопросом применения зажигательных средств как эффективного в тот момент способа борьбы с танками. В мирное время мне приходилось присутствовать на занятиях, где проверялось действие КС (горючая жидкость). Узнав, что под Гомелем есть химический склад с запасами этой смеси, мы организовали доставку ее на самолетах на фронт. Привезли не менее 10 тысяч бутылок. Тотчас же был отдан приказ частям о проведении инструкторских занятий с командным составом и о скорейшем обучении специальных противотанковых истребительных команд.

Широко развернули мы организацию партизанских отрядов. ЦК КП Белоруссии подбирал из партийного актива в отряды людей, а командование фронта инструктировало их, одевало, вооружало винтовками, гранатами и ручными пулеметами. 30 июня было создано 28 партизанских отрядов. Задачи отрядам поставил Военный совет фронта. Отрядам предстояло на бобруйском и минском направлениях сжигать самолеты на вражеских аэродромах, истреблять летчиков, разрушать железнодорожное полотно, взрывать мосты и склады. Так замечательное движение советских патриотов, родившееся в тылу врага, вступало в свою организованную стадию на западном направлении.

Отрадно вспомнить, как резко изменилась к лучшему работа штаба фронта и даже внешний облик командиров. Люди с воодушевлением взялись за дело, повысили дисциплину и, главное, улучшили руководство войсками.

В результате десятидневных боев в районе Могилева и пятидневных в районе Борисова врагу был нанесен немалый урон в живой силе и технике. Эти бои явились началом организованных действий наших войск, постепенно оправлявшихся от вероломного и внезапного удара немецких полчищ, но обстановка оставалась напряженной.

ГЛАВА 2

В 22-й АРМИИ

(Схемы 2 и 3)

Вскоре в командование Западным фронтом вступил сам Нарком обороны С. К. Тимошенко, ибо западное направление приобрело наиболее важное значение. Я стал его заместителем.

Прибытие Маршала Советского Союза Тимошенко и его последующая деятельность сыграли важную роль в усилении отпора врагу на западном направлении.

К этому времени особенно тревожной стала обстановка под Борисовом. Здесь развернулись ожесточенные бои. Противник значительно превосходил нас в силах, особенно в танках, вражеская авиация безраздельно господствовала в воздухе. Трудное положение защитников Борисова усугублялось почти полным отсутствием противотанковой артиллерии и недостатком других средств борьбы с танками. Город обороняло танковое училище под командованием корпусного комиссара Сусайкова И. З. Курсанты и офицеры училища во главе со своим начальником проявили много героизма и самоотверженности, но удержать город, естественно, не смогли [1]. 2 июля Борисов был захвачен гитлеровцами. Их танки переправились через р. Березина, так как мост по техническим причинам взорван не был.

После падения Борисова в этот район была срочно переброшена только что подошедшая своим ходом из Мо-

[1] Тов. Сусайков в этих боях был ранен.

сквы 1-я Московская мотострелковая дивизия. Немедленно и я отправился туда. В составе дивизии имелось до 100 танков, в том числе несколько Т-34, а остальные Т-26. Командовал дивизией генерал-майор Крейзер Я. Г. Силами этой дивизии, оставшимися подразделениями Борисовского танкового училища и другими отходившими частями удалось задержать врага, бешено рвавшегося вперед вдоль шоссе Минск — Москва. На одном из рубежей под Борисовом был организован контрудар, задержавший продвижение врага на двое суток [1].

Гудериан пишет об этом ударе: «18-я танковая дивизия получила достаточно полное представление о силе русских, ибо они впервые применили свои танки Т-34, против которых наши пушки в то время были слишком слабы» [2].

В дальнейшем, применяя тактику подвижной обороны, мы медленно отходили от рубежа к рубежу, используя каждый удобный случай для нанесения коротких контратак [3].

Таким образом мы сдерживали врага вплоть до Орши, на подступах к которой к этому времени развернулась 20-я армия генерал-майора Курочкина П. А. Армия сумела создать здесь прочную оборону и героически ее удерживала, пока не была обойдена противником с обоих флангов. После этого армия получила приказ отойти на новый рубеж.

6 июля меня вызвал из-под Борисова, вернее с борисовского направления, маршал Тимошенко. Встретились

[1] За умелое проведение контрудара и проявленный при этом личный героизм генерал Крейзер по моему представлению был удостоен звания Героя Советского Союза.

[2] Г. Гудериан. Воспоминания солдата, стр. 156.

[3] В донесении от 4 июля 1941 г. я сообщал: «13-я армия в течение дня продолжала вести бой за переправы на р. Березина. 50-я стрелковая дивизия, переправившись на вост. берег р. Березина, перешла к обороне на фронте Холхолец, Студенка. 1-я механизированная стрелковая дивизия и сводный отряд Борисовского гарнизона продолжали вести бой с переправившимся в районах Борисов и Чернявка мотомехчастями противника. В этом бою геройски сражалась 1-я моторизованная стрелковая дивизия, действовавшая на рубеже Крупки. Дивизия при этом несла большие потери. Полк дивизии, занимавший оборону севернее Борисова, понес большие потери от авиации противника.

...Противник же вел огонь только бронебойными снарядами, которые хотя броню КВ не пробивали, но рвали гусеницы. Дивизия перешла к обороне». (Архив МО СССР, ф. 208, оп. 70438, д. 1, л. 8.)

на перекрестке дорог севернее Орши. Кроме нас, были еще генерал-майор Курочкин П. А. и помощник командующего войсками по бронетанковым силам генерал-майор танковых войск Борзиков А. В.

Маршал Тимошенко рассказал об общей обстановке на фронте и изложил план действий на ближайшее время.

К 4 июля 3-я танковая группа Гота вышла в район Лепель, Улла, Полоцк. Одновременно часть сил 2-й танковой группы Гудериана прорвалась в район Быхов. Оба эти обстоятельства, в первую очередь успех 3-й танковой группы, создали серьезную угрозу всему правому крылу фронта, особенно 22-й армии, которая в это время еще не завершила развертывания.

В тот же день, 4 июля, позиции 22-й армии были атакованы двумя танковыми и одной моторизованной дивизиями противника (19-й танковой дивизией северо-западнее Полоцка, 18-й моторизованной дивизией — в районе Полоцка и 20-й танковой дивизией — в районе Улла).

Две танковые дивизии — 20-я и 7-я, заняв Лепель, наступали на Витебск, нацеливаясь в стык наших 22-й и 20-й армий.

В то же время танковая дивизия из 2-й танковой группы Гудериана, прорвавшаяся к Днепру в районе Быхов, вела бой за переправы, стремясь обеспечить развитие наступления моторизованным корпусам группы: 24-му — на Славгород (Пропойск), 46-му — на Горки, Починок, Ельня, 47-му — на Смоленск.

В этой обстановке командующий фронтом определил, что главной угрозой для войск фронта является 3-я танковая группа Гота, наступавшая из района Лепель, Полоцк в направлении Витебска и севернее.

4 июля в соответствии с указанием Ставки маршал Тимошенко отдал приказ[1] войскам, с содержанием которого он и познакомил меня. Суть приказа сводилась к следующему: прочно оборонять линию Полоцкого укрепленного района, рубеж р. Западная Двина, Сенно, Орша и далее р. Днепр и не допустить прорыва противника в северном и восточном направлениях.

22-я армия получила задачу оборонять Полоцкий укрепленный район и рубеж по р. Западная Двина до Бешенковичи включительно; 20-я армия — оборонять

[1] Архив МО СССР, ф. 208, оп. 70438, д. 1, л. 9.

Бешенковичи, Шклов; 21-я армия — Могилев, Быхов, Лоев.

Командующему 20-й армией тов. Курочкину была поставлена задача уничтожить главную группировку противника, наступавшую из района Лепель. С этой целью 5-му и 7-му механизированным корпусам приказывалось нанести контрудар из района севернее Орши в направлении Сенно, а затем развить наступление на Лепель и Кубличи во фланг наступавшим на Витебск войскам противника.

Приведу подлинную формулировку окончательного решения командующего фронтом: «Прочно удерживая рубежи р. Зап. Двина, Днепр, с утра 6.7.41 г. перейти в решительное наступление для уничтожения лепельской группировки противника» [1].

Глубина ударов была определена для 5-го корпуса до 140 км (из района Высокое, ст. Осиновка на Сенно, Лепель) и для 7-го — до 130 км (из района Рудня, ст. Крынки на Бешенковичи, Лепель). Глубина последующей задачи корпусов достигала 200 км.

Механизированные корпуса, предназначенные для контрудара, были в основном укомплектованы. Так, в 5-м корпусе насчитывалось свыше 300, а в 7-м — более 400 танков. Правда, это были, за малым исключением, машины устаревших конструкций (БТ-7 и Т-26). Противостоящий же корпусам противник имел свыше тысячи танков и абсолютное господство в воздухе. В непосредственном подчинении командующего фронтом имелось лишь 57 бомбардировщиков.

Идея решения на контрудар, подсказанная Ставкой, не соответствовала тем мероприятиям, которые предполагало осуществить командование фронта.

В этой обстановке целесообразно было бы сосредоточить 5-й и 7-й корпуса в треугольнике Смоленск — Витебск — Орша, чтобы подготовить их для контрудара в случае прорыва противником нашей обороны, созданной на линии Витебск — Орша. Если учесть при этом еще и то, что предстояло ввести в бой недостаточно подготовленные к наступлению механизированные корпуса, выбрасывая их вперед на несколько десятков километров за линию созданной нами обороны, в лесисто-болоти-

---

[1] Архив МО СССР, ф. 208, оп. 10169, д. 1, л. 140.

стый район, без поддержки авиации и пехоты, втянутой в изнурительный бой, то станет ясна вся рискованность этого плана. Управление корпусами в бою подготовлено не было. Предоставленные самим себе, они могли быть легко расчленены и разбиты сильным врагом. Далеко не благополучно обстояло с подвозом боеприпасов и продовольствия. В общем, корпусам предстояло решить очень трудную задачу.

Утром 6 июля 3-я танковая группа противника форсировала р. Западная Двина в районе Дисна (19-я танковая и 18-я моторизованная дивизии) и в районе Улла (20-я танковая дивизия). В результате этого противником были захвачены плацдармы на северном берегу реки. В полосе еще не развернувшейся окончательно 22-й армии сложилась крайне напряженная обстановка.

Утром того же дня нанесли контрудар 5-й и 7-й механизированные корпуса. Вначале их действия развивались довольно успешно: оба корпуса, преодолевая сопротивление врага, достигли района севернее и южнее Сенно. Противник выдвинул сюда 17-ю и 18-ю танковые дивизии. В течение двух дней наши корпуса отражали натиск этих соединений, чем задержали продвижение всей 3-й танковой группы противника к Днепру. Тем не менее дальнейшего развития контрудар не получил. Гитлеровцы бросили сюда крупные силы авиации, и наши механизированные корпуса. понеся потери, вынуждены были начать отход.

Основными причинами этого отступления были следующие: соединения корпусов, не имея авиационного и зенитно-артиллерийского прикрытия, подверглись массированному воздействию вражеской авиации; в ходе контрудара недостаточно было налажено взаимодействие танков с артиллерией и со стрелковыми частями; не было необходимой четкости и в управлении войсками.

Я считаю, что необходимость этого контрудара едва ли вытекала из сложившейся обстановки. В то время только создавался непрерывный фронт обороны. На некоторых направлениях части все еще вынуждены были отходить. Поэтому в первую очередь требовалось создать стабильный фронт обороны, построить оборонительные сооружения, упорядочить во всех звеньях управление войсками, научить их сложному искусству активного и стойкого сопротивления.

В таких условиях предпринимать контрудар двумя свежими, но несколоченными и необстрелянными корпусами было рискованно. Эти корпуса представляли огромную ценность в треугольнике Витебск — Смоленск — Орша, который мы пока удерживали. Отсюда корпуса в зависимости от обстановки могли бы нанести сильные контрудары в направлениях Витебска и Орши, куда двигались танковые и моторизованные группы противника.

В указанном треугольнике у нас имелись укрепления и достаточно артиллерии, мы бы сумели задержать и измотать врага на линии обороны, а механизированные корпуса в случае прорыва нашей обороны нанесли бы сильные контрудары из ее глубины. Большую пользу принесли бы эти корпуса при отражении немецких «клиньев», состоявших из подвижных групп танков, мотоциклистов и мотопехоты. Кроме того, наша пехота, занимающая оборону в первом эшелоне, зная, что позади нее стоят механизированные корпуса, более стойко и уверенно выполняла бы свою задачу. Вместе с тем и сами корпуса хорошо подготовились бы к предстоящим действиям, организовав взаимодействие с пехотой. Первый обстрел механизированные корпуса получили бы под прикрытием пехоты и чувствовали бы «уважение» к ней и обязанность ей помочь.

После совещания, получив от маршала Тимошенко ряд указаний, я выехал на крайний правый фланг фронта — на участок 22-й армии.

Ряд общевойсковых соединений армии был хорошо укомплектован, но некоторые соединения уже понесли потери и были малочисленны, например, в 126-й стрелковой дивизии насчитывалось всего 2355 штыков. В армии имелось немногим более сотни танков (из них Т-34 всего 15) и 698 орудий (в том числе 226 пушек калибра 45 мм[1]).

Командный пункт находился в лесу вблизи Невеля. Командовал армией генерал-майор Ершаков Ф. Н. — человек храбрый и добросовестный. В проведении принятых решений он был требователен и настойчив, характер имел спокойный, ровный. Его удачно дополнял начальник штаба армии — генерал-майор Захаров Г. Ф., оперативно хорошо подготовленный и очень волевой человек.

---

[1] Архив МО СССР, ф. 208, оп. 6740, д. 1, л. 33.

22-я армия в составе 51-го и 62-го стрелковых корпусов (шесть стрелковых дивизий) занимала оборону на фронте от Себежского укрепленного района до Витебска включительно. Линия фронта проходила дугой, выгибавшейся в сторону противника. Рубеж был выгоден для обороны, но полоса для армии была чересчур широка (210 км), так что на дивизию приходилось 26 км.

7 июля враг вошел в непосредственное соприкосновение с силами 22-й армии во всей ее полосе. Замысел противника заключался в том, чтобы уничтожить армию и выйти на фланг и в тыл всего Западного фронта. Для выполнения этого замысла наносились концентрические удары по трем направлениям: на правом фланге — через Себеж на Идрицу силами 10-го армейского корпуса; в центре — через Дисну и Ворковичи на Невель силами 57-го моторизованного корпуса и на левом фланге — через Городок на Великие Луки частями 39-го моторизованного корпуса. В центре удар носил вспомогательный характер. Он должен был сковать 22-ю армию с фронта, в то время как она будет окружена фланговыми ударами.

Это был в те дни излюбленный маневр немецких войск. Немцы называли его «котлом». Как правило, действия групп начинались или одновременно, или же центральная, сковывающая, группа начинала действовать на сутки, на двое раньше, чтобы заставить нас притянуть к центру резервы и ослабить фланги. В данном случае немцы начали действия в центре на сутки раньше.

Отражение атак противника началось неорганизованно. Противник перешел в наступление с утра 7 июля, а штаб армии не знал об этом до вечера, хотя имел связь со штабом корпуса и со штабами дивизий. 7 июля в 24.00 мы получили странную телеграмму от командира 62-го стрелкового корпуса генерал-майора Карманова И. П.: «В 23.00 противник атаковал 166-й полк 126 сд двумястами самолетами, нанес ему крупные поражения, и полк в беспорядке отходит».

Никто этой телеграмме не поверил, так как в то время немцы ночных воздушных налетов, да еще таким количеством самолетов, не совершали. Сообщение мне показалось неправдоподобным, и я решил лично выяснить все на месте.

Зак. 1317

Но на командном пункте командира 62-го стрелкового корпуса, куда я немедленно выехал, сделать это было нелегко, так как командный пункт находился в лесу в 50 км от передней линии, и генерал Карманов, к сожалению, очень мало знал о том, что происходит в войсках.

Вместе с тов. Кармановым я выехал в штаб 126-й стрелковой дивизии, который располагался в лесу, на расстоянии 25—30 км от полков. Мне удалось выяснить, что командир 166-го стрелкового полка после небольшого артиллерийского огневого налета противника по боевым порядкам полка оставил свой командный пункт. Сообщение же о 200 самолетах, как я и предполагал, оказалось вымыслом.

Командира 166-го стрелкового полка пришлось отстранить от должности. Одновременно было приказано собрать 166-й стрелковый полк, поддавшийся панике, и организовать силами двух резервных батальонов контратаку против гитлеровцев, уже подходивших к району расположения штаба дивизии. Этой контратакой руководил командир дивизии. Мы с командиром корпуса находились тут же.

Надо сказать, что наши артиллеристы работали мастерски и батальоны дрались отлично. Несмотря на массированный огонь врага, мы отбросили гитлеровцев на несколько километров. Теперь надлежало ввести свежие войска и занять новую линию обороны. Командующий 22-й армией отдал соответствующие распоряжения.

К этому времени был собран 166-й стрелковый полк. Людей набралось немало — более двух батальонов. Явился и сам командир полка. Я побеседовал с офицерами и установил, что потери полка в бою были совсем незначительными. Отход же начался потому, что полк лишился управления, ибо командир проявил малодушие.

Вновь назначенный командир полка уверенно повел часть в наступление. Батальоны устремились в решительную атаку и отлично дрались с врагом.

На этом участке в последующие дни оборона была устойчивой.

К концу второго дня нашего пребывания на участке 62-го стрелкового корпуса мне доложили, что на правом

фланге армии противник прорвал Себежский укрепленный район и в районе Себежа продвинулся на 30 км [1].

Мы немедленно выехали на участок 51-го стрелкового корпуса, которым командовал генерал-майор Марков А. М. Нам предстояло проехать около 200 км, маршрут лежал через Невель. По пути мы заехали в штаб армии, откуда я донес маршалу Тимошенко о мероприятиях, проведенных в районе Дисна — Ворковичи.

Не доезжая Себежа, мы встретили командира и комиссара Себежского укрепленного района. Они оставили расположение укрепленного района, так как считали, что не смогут его удержать. Пулеметные батальоны, составлявшие гарнизон укрепленного района, отступали.

Я приказал командованию укрепленного района приостановить отход и вернуться на оставленные позиции.

Через некоторое время мы уже были в районе боя за город Себеж на участке 717-го стрелкового полка 170-й стрелковой дивизии.

Командир полка доложил мне, что ведет бой с превосходящими силами противника и что положение угрожающее. Он передал мне карту, только что захваченную у немецкого офицера, на которой был нанесен план немецкого наступления.

Личным наблюдением и по захваченным документам я определил, что здесь, на себежском направлении, наступает не менее двух немецких дивизий с танками. Их удар принял на себя один 717-й стрелковый полк и геройски сражался, сдерживая превосходящие силы врага.

Я сказал командиру полка, что подчиняю ему пулеметные батальоны укрепленного района, и заверил его, что скоро подойдут резервы. Резервов же в действительности близко не имелось, кроме одного танкового батальона, который в тот момент находился в 50 км от места боя.

Через несколько минут мы были на командном пункте командира 170-й стрелковой дивизии генерал-майора Силкина П. К. Он являлся командиром боевого участка, ему подчинялись укрепленный район и все войска, оборонявшие этот район. Я помог Силкину и его заместителям

[1] Соседняя 27-я армия отошла. Это и поставило под удар правый фланг 22-й армии. Как стало известно теперь из немецких источников, против шести дивизий 22-й армии наступало шестнадцать немецких дивизий.

разобраться в обстановке и наладить управление войсками. Люди они были еще не обстрелянные и несколько растерялись в сложной обстановке.

К вечеру мы опять побывали на участке 717-го стрелкового полка, чтобы посмотреть, как там развиваются события, подошли ли танки, как действуют пулеметные батальоны укрепленного района.

Благодаря принятым мерам наступление противника в районе Себеж на некоторое время было задержано. Мы возвратились в штаб 22-й армии. Начальник штаба генерал-майор Захаров Г. Ф. доложил, что на левом крыле армии, в районе Витебска, то есть на стыке 22-й и 20-й армий, враг еще вчера (9 июля) перешел в наступление. 98-я стрелковая дивизия, оборонявшаяся на витебском направлении на широком фронте, отброшена и сосредоточивается в лесах северо-западнее Городок. Таким образом, направление Городок — Невель, по сути дела, осталось открытым.

— Какие есть резервы в районе Невеля? — спросил я Захарова.

— Есть четыре танка и четыре противотанковые пушки на быстроходных тракторах «Комсомолец» в составе отряда охраны штаба и один противотанковый полк, только что сосредоточенный севернее Невеля в армейский резерв.

После обмена мнениями и уяснения обстановки было решено подчинить противотанковому полку четыре танка и противотанковые пушки на тракторах «Комсомолец», усилить его ротой пехоты в количестве 40—50 человек и выбросить полк в направлении Городок с задачей задержать продвижение противника и не допустить его к Невелю до подхода наших резервов.

Противотанковый полк с приданным ему усилением выступил по тревоге в 16 часов 10 июля из района Невеля по шоссе Невель — Городок. Мы с группой офицеров выехали в этот полк уже в сумерках. Не доходя 20 км до Городка, противотанковый полк остановился, здесь мы его и нагнали. Командир полка доложил обстановку и свое решение организовать на достигнутом рубеже оборону. Ему было приказано оставить один дивизион на этом рубеже, который очень удачно прикрывался озерами и болотами, недоступными для танков, дефиле же между

непроходимыми участками местности могло простреливаться огнем орудий прямой наводки.

Оставив один дивизион на указанных позициях, полк и вместе с ним мы двинулись дальше. В 12 км от Городка на очень выгодной позиции была поставлена еще одна батарея. Она могла простреливать огнем дорогу и прилегающую к ней проходимую полосу местности. Таким образом, уже создавалась глубина нашей обороны, правда, пока что только вдоль дороги.

Дальнейшее продвижение оставшихся сил полка и средств усиления продолжалось так: танки двигались впереди, один из танков нес службу дозора (было светло— стояли белые ночи), за танками следовали две наши машины и командир полка. За нашими машинами двигались 45-мм пушки на тракторах «Комсомолец», за ними шел артиллерийский дивизион 85-мм пушек.

Вдруг дозорный танк передал, что обнаружил противника, и остановился. Три бронемашины противника вышли на северную окраину Городка и, заметив наш танк, открыли по нему огонь. Наши танкисты открыли ответный огонь. После четвертого выстрела одна бронемашина противника загорелась, а остальные попятились назад и скрылись за дома.

Мы решили организовать на этом рубеже оборону. В соответствии с этим решением артиллерийскому дивизиону, которым командовал капитан Чапаев (сын Василия Ивановича Чапаева), было приказано занять огневые позиции влево от дороги в 2,5 км севернее Городка, а 45-мм пушкам занять позиции вправо от дороги. Промежуток между артиллерийскими позициями на дороге заняли танки. Впереди были поставлены танки БТ-7 и Т-34, а в глубине, на удалении 150—200 м, — танки КВ и БТ-7. Огневые позиции артиллерии прикрывались ротой пехоты.

Немцы, обнаружив наше выдвижение к Городку, усилили свои передовые части. Появились 3—4 танка, 5—6 бронемашин и до роты мотопехоты.

Как только мы заметили их появление, наши огневые средства — артиллерия и танки, а также стрелки открыли сильный огонь. Мы оказались в выгодном положении: наши огневые средства к этому времени были уже изготовлены к бою, а противнику пришлось разворачиваться под их огнем.

В результате этого непродолжительного боя половина танков и бронемашин противника была подбита, а остальные повернули назад и скрылись в городе. Настроение у наших танкистов, артиллеристов и пехотинцев заметно поднялось, для них это была первая, хотя и небольшая, победа в первом в их жизни бою. Нужно было понимать, какое чувство гордости, какое волнение переживал каждый из воинов в эти минуты боя.

Наша задача заключалась в том, чтобы выиграть 15—18 часов, пока сюда подойдет 214-я стрелковая дивизия, выгружавшаяся из эшелонов между Невелем и Великими Луками. Я уже отдал ей приказ на выдвижение комбинированным маршем и выделил в распоряжение командира дивизии 100 автомашин. Дивизию отделяло от нас около 90 км.

Мы не знали точно, какими силами располагает враг в районе Городка, но решили держаться упорно, применяя военную хитрость. Как только мы сбили передовую группу бронемашин противника, я приказал открыть огонь по противнику. Огневой налет длился около 20 минут. Создавалось такое впечатление, что стреляет не менее 50 пушек и целый батальон пехоты, усиленный танками. Враг заметался, еще раз попробовал выдвинуться на восточную окраину Городка, но был снова смят и опрокинут артиллерийским огнем. Тогда немцы бросились из города в противоположную сторону. 20 часов наш отряд держал немцев на значительном расстоянии от города. За это время подошли и части 214-й стрелковой дивизии.

За время пребывания в 22-й армии я пришел к следующим выводам.

Во-первых, в условиях развертывания только что прибывающих и необстрелянных войск под ударами противника всему командному и политическому составу следует вести огромную организационную работу, чтобы навести порядок. Враг, окрыленный временными успехами, идет на всевозможные провокации, он заинтересован в панических настроениях, в разброде и бестолковщине, которые гибельны для любой армии. Его шпионы и провокаторы рыскают повсюду. Командиры всех степеней должны применять жесточайшие меры к преодолению паники.

Во-вторых, некоторые командиры действуют недостаточно инициативно, не знают, как добиться перелома в положении, надеются на что-то и на кого-то. Потом, спу-

стя некоторое время, я понял, что это неверие в свои силы и ожидание чего-то неожиданного, чуть ли не чудесного, было воспитано продолжительным господством культа личности. Люди, в том числе и довольно солидные руководители, считали, что все сколько-нибудь принципиальные решения придут сверху в готовом виде. Все это очень мешало нам в первые дни войны, когда требовалось порой малыми силами занимать и удерживать рубежи.

Командиры подразделений подчас ждали, как решит командир части, тот ждал решения командира соединения и т. д. А боец и сержант оставались в неведении, лишались возможности действовать. Надо было от всех командиров, начиная с командира взвода, потребовать со всей решительностью: где бы тебя ни поставили со своим подразделением, ты должен проявлять максимум инициативы, принимать бой, атаковывать противника, защищать каждый рубеж советской земли.

10 июля я вернулся в штаб фронта, который находился в населенном пункте Гнездово, под Смоленском. В штабе находились маршалы С. К. Тимошенко и Б. М. Шапошников. Я ознакомил их с обстановкой на участке 22-й армии и высказал приведенные выше соображения о действиях войск армии, с которыми они согласились.

ГЛАВА 3

БОИ ЗА СМОЛЕНСК

(Схема 3)

Положение на фронте оставалось для нас по-прежнему неблагоприятным. Из-за неудачного контрудара механизированных корпусов, о чем говорилось выше, фронт сильно ослабел. Враг продолжал наступать на витебском, смоленском и могилевском направлениях.

Командующий фронтом направил меня на участок 19-й армии, которой командовал генерал-лейтенант И. С. Конев. 19-я армия была переброшена с Юго-Западного фронта на Западный и должна была сосредоточиться и развернуться в районе Рудня — Демидов — Витебск.

В состав 19-й армии входили шесть стрелковых дивизий и 23-й механизированный корпус. Из этих соединений к 10 июля в назначенном районе сосредоточились лишь 220-я мотострелковая дивизия и два полка 134-й стрелковой дивизии.

К исходу 9 июля на стыке 22-й и 20-й армий нависла реальная угроза — противник мог легко выйти в тыл главным силам Западного фронта.

Катастрофы можно было избежать, лишь введя в бой второй эшелон фронта. Но резервов у фронта в связи с преждевременным и неудачным контрударом механизированных корпусов по существу уже не имелось. Оставалось бросить в бой еще не закончившую сосредоточения и не развернувшуюся 19-ю армию (главные силы армии еще следовали по железной дороге).

В этих условиях 19-я армия оказалась в самом невыгодном по сравнению с другими армиями положении. К этому времени у нее прибыли штаб, около двух дивизий, штаб одного корпуса и ряд отдельных частей. На участке развертывания армии складывалась весьма тяжелая обстановка. Противник занял Витебск и создал реальную угрозу выхода на фланги и в тыл нашей группировке войск, действовавшей на оршанско-смоленском направлении.

В этих невыгодных для 19-й армии условиях командованием фронта было принято решение — нанести контрудар на витебском направлении, для чего привлечь наличные силы 19-й армии и часть сил правофлангового корпуса 20-й армии.

Командующий 19-й армией генерал-лейтенант Конев И. С. быстро организовал этот контрудар и нанес его 10 июля прямо на Витебск. Результаты контрудара были, конечно, невелики, так как противник значительно превосходил нас в силах, но все же контрудар сыграл свою положительную роль: были отброшены назад к Витебску передовые части противника и задержано на некоторое время наступление его главных сил в направлении Витебск — Рудня, Витебск — Сураж-Витебский.

11 и 12 июля противник 7-й и 20-й танковыми дивизиями и другими частями при поддержке значительных сил авиации (главным образом пикирующих бомбардировщиков) продолжал оказывать сильное давление на участке 19-й армии, нанося сильный удар по двум направлениям: Витебск — Демидов и Витебск — Рудня.

В этой сложной обстановке я и прибыл в штаб 19-й армии, который находился в лесу севернее Рудня, и застал там генерал-лейтенанта Конева И. С., члена Военного совета 19-й армии дивизионного комиссара Шекланова И. П. и начальника штаба генерал-майора Рубцова П. Н.

Мы с командующим армией выехали в передовые части. Он — под Витебск, я — на правый фланг, под Сураж, где действовала одна стрелковая дивизия. Связи с этой дивизией уже не имелось, так как она вела бой в окружении. В районе Колышки я встретил стрелковый и артиллерийский полки другой дивизии, которые имели приказ выдвинуться на Сураж. Немцы уже захватили

этот населенный пункт, продвинулись к городу Велиж и заняли его. Правый фланг 19-й армии оказался открытым. Я приказал стрелковым и артиллерийским полками прикрыть рубеж Понизовье — Колышки, чтобы не допустить удара противника по открытому флангу армии, сам же вернулся в штаб, чтобы выяснить, как подходят войска.

Генерал-майор Рубцов доложил мне, что получен приказ, в котором для развертывания 19-й армии указывался новый рубеж, отнесенный вглубь на 50—60 км.

В приказе говорилось, что 19-я армия должна к такому-то сроку сосредоточиться (для каждой дивизии был указан район) на новых рубежах и организовать оборону. Приказ вносил страшную путаницу в управление войсками, так как некоторые дивизии уже вступили в бой, а теперь их нужно было отводить.

Я был удручен этим непонятным решением: армия без всяких на то оснований отводилась на новый рубеж, оставляя врагу территорию в 50—60 км глубиной.

Телефонной связи со штабом фронта не было, и я, немедля ни секунды, выехал туда. Еще не взошло солнце, как я уже был у маршала Тимошенко. Он только что лег спать, но я его разбудил и доложил о странном приказе.

— Андрей Иванович, — сказал маршал, — видимо, произошло какое-то досадное недоразумение, прошу вас, езжайте быстрее обратно и восстановите положение!

В это время его адъютант доложил, что прибыл и командующий 19-й армией генерал-лейтенант Конев И. С. Он тоже доложил о странном распоряжении и получил приказ восстановить прежнее положение.

Я немедленно выехал в район Рудни, чтобы задержать войска, которые еще были на месте, а начавших отход на новый рубеж — вернуть. Мои средства управления состояли всего из двух адъютантов — товарищей Хирных и Пархоменко и двух офицеров связи на автомашинах. По дороге я задержал 10 мотоциклистов и оставил их при себе в качестве связных.

Передвижение штабов, да частично и войск, происходило главным образом по магистрали Витебск — Смоленск, поэтому перехватывать части было легко.

Мы справились с задачей. Однако штаб 39-го стрелкового корпуса перехватить не сумели: командир корпуса,

оставив части под Витебском, отошел со штабом на 60 км, как и было приказано.

Мы обосновали свой передовой командный пункт в одном километре северо-западнее Рудни, в ста пятидесяти метрах от шоссейной дороги на Витебск. Оперативная группа 19-й армии находилась от меня в сторону Смоленска на удалении 18—19 км.

Противник наносил удар в двух направлениях: Витебск — Велиж — Демидов и Витебск — Рудня — Смоленск. У него было много танков, а 19-я армия их почти не имела. Наши войска не имели достаточного опыта борьбы с танками. Тяжелая артиллерия оказалась неповоротливой и вообще не знала, как бороться с танками. Пехота и кавалерия при появлении танков чаще всего уходили в недосягаемые для танков районы — в леса и болота.

В мирное время мы учили наши стрелковые войска укрываться от танков или в противотанковые районы, или в противотанковые щели и окопы, если таковые отрыты, и пропускать танки, чтобы затем с ними расправились противотанковая артиллерия, наши танки и другие средства. Пехота же должна лишь отсекать от танков вражескую пехоту и уничтожать ее. Так неправильно учили мы в мирное время наши войска борьбе с танками. В результате такой учебы пехота оказалась неподготовленной к активной борьбе с танками. Получив сигнал о появлении танков врага, наши роты, батальоны, полки метались в поисках укрытий, нарушали боевые порядки, скоплялись в противотанковых районах. Авиация противника, которая почти беспрерывно висела над полем боя и, активно взаимодействуя с наземными войсками, засекала места скопления нашей пехоты, наносила по ним сильнейшие удары. Все это приводило к тому, что наши части лишались маневренности, боеспособность их падала, нарушались управление, связь, взаимодействие.

Уже в те дни я пришел к выводу о необходимости обучать борьбе с танками все рода войск. Пехота на любом рубеже при появлении бронесил врага должна в течение 8—10 минут отрыть себе щели, а если это не удастся, начинать борьбу гранатами, зажигательными средствами, минами, бронебойными ружьями. Вся артиллерия должна вести по танкам огонь прямой наводкой,

вызванная штурмовая авиация — уничтожать и рассеивать боевые порядки вражеских танков.

В начале войны мы с танками противника так не боролись. Не удивительно, что они имели успех даже тогда, когда обстановка им не благоприятствовала.

...Солнце уже стояло совсем низко над горизонтом, когда в районе Рудни появились немецкие танки. Шли они по дороге в направлении города, вблизи которого был мой командный пункт. Услыхав стрельбу, не похожую на стрельбу полевой артиллерии, я послал офицера связи на легковой машине вперед, чтобы выяснить, что там происходит. В 3 км от моего командного пункта он столкнулся в упор с немецкой танковой колонной, впереди которой на легковой машине ехали три фашистских офицера.

Офицер связи, будучи находчивым человеком, выскочил из машины, бросил ручную гранату в машину фашистов и, нырнув в высокую рожь, бегом направился обратно, чтобы предупредить нас об опасности.

Взорвавшейся гранатой сидящие в машине были убиты либо ранены. Танки противника на короткое время задержались возле подбитой машины, затем снова двинулись на Рудню.

Пока офицер связи добежал до меня, вражеские танки вышли в район командного пункта. Передние из них обстреливали дорогу и обочины. Над нашими головами то и дело проносились немецкие самолеты, обрабатывая местность, лежащую на пути движения танков, бомбами и пушечно-пулеметным огнем.

Чтобы не дать танкам обнаружить себя, все находившиеся на командном пункте прижались к земле. Мы находились в густом кустарнике в ложбине, среди высокой ржи, в стороне от дороги. Машины и люди были отлично укрыты густой рожью, а выезд с командного пункта на шоссе был сделан далеко в стороне.

Когда прорвавшиеся через наш фронт и стремительно продвигавшиеся вдоль шоссе Витебск — Смоленск вражеские танки оказались в полукилометре от Рудни, из города навстречу танкам, не подозревая об опасности, выехали две военные легковые машины. Сидевшие в них люди, заметив танки, вышли из машин и подбежали к позициям противотанковой артиллерии, расположенным на подступах к городу. Две или три пушки немедленно

открыли огонь по танкам. Головной танк остановился, следовавшие за ним танки стали разворачиваться вправо и влево, открыв огонь по нашей батарее, но она продолжала стрелять, задерживая их продвижение. Люди, организовавшие борьбу артиллерии с танками, сели в машины и, свернув с шоссе, поехали по проселочной дороге.

Позже выяснилось, что в машинах ехали командующий 19-й армией генерал-лейтенант Конев И. С. и начальник политотдела армии бригадный комиссар Шустин А. М.[1]. Они направлялись в передовые части, попутно предполагая заехать и на наш командный пункт. Выехав из города и неожиданно натолкнувшись на вражеские танки, тов. Конев, быстро сориентировавшись в обстановке, организовал отпор танкам.

На непосредственных подступах к Рудне головные танки вновь задержались, открыв прицельный огонь по станции и городу. Остановилась и развернулась следовавшая за танками колонна мотопехоты. Заработали станковые пулеметы. Немецкие автоматчики двигались прямо на нас.

Оставалась единственная возможность: выбираться на север. Впереди было открытое пространство метров в 150—200. Я сказал шоферу Демьянову, чтобы он сделал несколько резких рывков в сторону, пока мы не въедем в рожь. Со мной сели Хирных и Пархоменко, остальные тоже приготовились к отходу, кто на машинах, кто на мотоциклах, кто пешком.

Фашисты никак не думали, что у них под носом находится командный пункт заместителя командующего фронтом. Орудия танков и пулеметы не были повернуты в нашу сторону, и наш «маневр» удался. Вслед нам раздалось лишь несколько автоматных очередей. Как это ни странно, спаслись все. Что и говорить, минуты были весьма неприятные! Товарищ Конев, например, считал меня уже погибшим, он так и донес в штаб фронта.

Из-под Рудни наш КП перешел в район сосредоточения и развертывания 16-й армии, которой командовал генерал-лейтенант Лукин М. Ф. Здесь я впервые близко познакомился с тов. Лукиным, мужественным и волевым генералом, хорошим организатором и требовательным командующим. Эти его замечательные качества прояви-

---

[1] Тов. Шустин в этом бою был ранен.

лись в последующих боях. Членом Военного совета армии был бригадный комиссар Лобачев А. А., опытный политработник, заботливый человек и храбрый воин.

В штабе 16-й армии, расположенном в совхозе Жаково (12 км севернее Смоленска), начальник штаба армии или его заместитель, точно не помню, вручил мне записку маршала Тимошенко. Содержание ее привожу дословно:

«Лично.

Тов. Еременко А. И.

Штаб фронта переходит в район Ярцево. Вам надлежит остаться в районе Смоленска для увязки действий 16, 20 и 19-й армий и оказания им помощи.

Тимошенко».

В связи с этими указаниями мы организовали рядом со штабом армии свой КП. На нем находилось всего четыре офицера (адъютант, порученец и два оперативных работника) и несколько связных на мотоциклах. Техническими средствами связи мы пользовались через штаб армии.

Но прежде чем продолжать рассказ о последующих событиях, следует коротко охарактеризовать общую обстановку, сложившуюся к этому моменту.

К 10 июля было создано Западное направление, главнокомандующим которого стал маршал Тимошенко[1], я был назначен его заместителем.

Главнокомандованию войск Западного направления были подчинены армии Западного фронта.

Войска продолжали сосредоточение и развертывание на рубеже Себеж, Улла, Орша, Шклов вдоль р. Днепр до Жлобин, Калинковичи. Господство авиации врага не позволило завершить переброску войск, а тем более их развертывание к назначенному сроку.

Всего к этому времени были развернуты тридцать одна стрелковая, семь танковых и четыре моторизованные дивизии, что составляло более половины сил, предназначенных для фронта.

К 10 июля в состав фронта входило семь общевойсковых армий (22, 20, 13, 21, 16, 4, 19-я[2]), из них в пер-

---

[1] Архив МО СССР, ф. 208, оп. 70438, д. 1, л. 33 (Приказ войскам Западного направления № 0058).

[2] Архив МО СССР, ф. 98, оп. 10169, д. 4, лл. 196—219.

вый оперативный эшелон были выделены 22, 20, 13, 21-я армии.

Во втором эшелоне в районе Кричев, Новозыбков собирались остатки 4-й армии, приводившей себя в порядок после тяжелых боев. В районе Смоленска начала сосредоточение 16-я армия.

Одновременно шла подготовка к развертыванию так называемого Резервного фронта на рубеже Осташков, Селижарово, р. Днепр, Дорогобуж, Ельня, р. Десна, Жуковка, а также Калинин, Волоколамск, Малоярославец.

В первом эшелоне фронта имелось всего 145 танков, 1200 орудий калибра 76 мм и выше, около 1700 минометов и 380 исправных самолетов.

Охарактеризуем несколько подробнее положение войск фронта. О правофланговой 22-й армии мы уже говорили, расскажем теперь о других.

Левее 22-й армии занимала оборону 20-я армия (командовал армией генерал-лейтенант Курочкин П. А.), насчитывавшая 15 дивизий, в том числе 4 танковые и 2 моторизованные. В состав армии входили 69, 20, 2-й стрелковые, 5-й и 7-й механизированные корпуса.

Следует сказать, что эта армия находилась в лучшем положении по сравнению с другими армиями, так как она была своевременно сосредоточена и более полно укомплектована личным составом. Оперативная плотность в полосе армии также была удовлетворительной — 10—12 км на дивизию.

На участке армии наступали моторизованные и танковые войска противника. Их удары на узком фронте приходились по флангам. Это создавало угрозу охвата и окружения армии, но вместе с тем и давало возможность маневрировать по внутренним линиям, снимая части с неатакованных направлений.

Южнее 20-й армии на фронте Шклов, Могилев, Быхов занимала оборону 13-я армия (61-й, 45-й стрелковые, 20-й механизированный корпуса) в составе восьми стрелковых, двух танковых и одной мотострелковой дивизии. Командовал армией генерал-лейтенант Ремезов Ф. Н., а с 14 июля — генерал-лейтенант Герасименко В. Ф. Ширина полосы обороны армии равнялась 90 км.

Общевойсковые соединения 13-й армии были в основном укомплектованы. Следует отметить, что в 20-м меха-

низированном корпусе не имелось танков, вследствие чего он был небоеспособен.

К 10 июля сосредоточились и заняли оборону только четыре дивизии этой армии. Оперативное построение армия имела в один эшелон. Оперативная плотность составляла 20—25 км на дивизию.

Войска армии вели упорные бои в районе южнее Шклова с 10-й танковой дивизией и в районе Быхова — с переправившимся через Днепр 24-м моторизованным корпусом противника.

И, наконец, на левом крыле фронта в полосе (иск.) Быхов, Рогачев, Речица занимала оборону 21-я армия в составе трех стрелковых корпусов (63, 66 и 67-го). Командовал армией генерал-полковник Кузнецов Ф. И. Армия обороняла полосу шириной 140 км, имея оперативное построение в два эшелона. Ее укомплектованность была примерно такой же, как и у 22, 20 и 13-й армий. Оперативная плотность составляла 19,5 км на дивизию.

Перед правым флангом армии в полосе примерно 60 км действовали передовые части 2-й немецкой армии (две дивизии).

Все общевойсковые армии первого эшелона Западного фронта были укомплектованы удовлетворительно: 8—10 тысяч человек в дивизии. Однако минометов, 76-мм пушек и 122-мм гаубиц было недостаточно. Противотанковая оборона состояла в основном из 45-мм пушек.

К описываемому периоду армии развернулись лишь на 50—60%, и их оперативное построение не имело необходимой глубины. Вторые эшелоны и резервы существовали лишь номинально, выделенные в них соединения либо еще только сосредоточивались, либо были небоеспособны.

Оборона занималась поспешно и потому была недостаточно подготовлена в инженерном отношении, особенно плохо обстояло дело с обеспечением стыков между армиями.

Средств радиосвязи почти не имелось. Поэтому осуществить устойчивое и достаточно оперативное управление войсками в условиях беспрестанно меняющейся обстановки было невозможно.

Недостаток и малые калибры зенитной артиллерии, а также недостаток в истребительной авиации не позволяли

организовать сколько-нибудь удовлетворительной противовоздушной обороны войск.

Перечисленным войскам Западного фронта предстояло отразить наступление группы армий «Центр», значительно превосходившей наши войска в силах и средствах. Против развернувшихся к этому времени 40 дивизий Западного фронта действовало 55 немецких дивизий. По живой силе противник превосходил нас в 2,4 раза, по орудиям и минометам — в 2,4 раза. В воздухе почти полностью господствовала вражеская авиация.

Немцы наносили одновременно несколько сильных ударов на широком фронте от Идрицы до Быхова. Это заставляло нас распылять и без того слабые резервы обороны, а врагу давало широкий простор для маневра.

Удары гитлеровцы наносили сильными танковыми кулаками на узких участках фронта при одновременном массировании всех сил и средств, особенно авиации. Так, 2-я танковая группа наступала на фронте 190 км, а удары наносила на двух направлениях на участках общим протяжением 70 км.

На направлениях главных ударов плотность танков противника достигала 30 единиц на 1 км, в результате чего на избранных направлениях враг добивался подавляющего превосходства в силах.

Так, 10 июля в полосе наступления 10-й, 18-й танковых и 29-й моторизованной дивизий (37 км) противник сосредоточил до 450 танков. В противостоящих же им наших 18, 53 и 110-й стрелковых дивизиях танков вообще не было.

13—14 июля продолжались напряженные бои.

22-я армия отходила на восток под угрозой глубоких фланговых ударов противника. Дальнейшее продвижение 3-й танковой группы врага на велижском направлении и севернее все более отрывало 22-ю армию от ее левого соседа — 20-й армии. Овладение Велижем и районом севернее Демидова позволило двум танковым дивизиям 3-й танковой группы выйти в тыл войскам 20-й и 16-й армий. 12-я танковая дивизия вклинилась в оборону 69-го стрелкового корпуса 20-й армии, однако усилиями армии прорыв вскоре был закрыт.

В это же время тяжелая обстановка создалась на стыке 20-й и 13-й армий. Танковая группа Гудериана, нанеся здесь удар, прорвала оборону этих армий. Наши

части, по которым пришелся удар, отошли и загнули свои фланги. В результате этого между 13-й и 20-й армиями образовался разрыв. Противник немедленно использовал его и развил наступление в направлении на Горки — Красное (вот когда пригодились бы для нанесения контрудара механизированные корпуса!).

Правда, 21-я армия в это время несколько продвинулась вперед в направлении Бобруйск.

В этой обстановке по настоянию Ставки был отдан приказ о наступлении. Войска получили задачу: «Отрезать прорвавшегося противника от его тыла на участках: Городок — Витебск и Орша — Шклов с закреплением устойчивого фронта. Активными действиями отбросить велижскую группировку и разгромить группировку мехвойск противника в районе Горки, Мстиславль и Шклов» [1].

22-й армии приказывалось нанести удар в направлении Городок, Витебск. 19-я армия должна была овладеть к исходу 16 июля городом Витебск. 20-й армии к этому же сроку надлежало ликвидировать прорыв на фронте Орша, Шклов, а в ночь на 15 июля нанести удар на Горки и отрезать прорвавшиеся туда танковые части противника. Эти действия с рубежа р. Бася должна была поддерживать 13-я армия. Предусматривался ввод в сражение 4-й и 16-й армий, которым предстояло содействовать разгрому горкинской группировки противника. 16-я армия, кроме того, получила задачу — двумя дивизиями воспретить выход противника на дорогу Смоленск — Ярцево.

С утра 15 июля некоторые наши соединения контратаковали противника, но не добились, однако, реального успеха. Лишь 1-я мотострелковая дивизия 20-й армии несколько потеснила 18-ю танковую дивизию в 20 км восточнее Орши. Действия же 69-го стрелкового и 5-го механизированного корпусов оказались безуспешными.

Войска 4-й и 13-й армий не только не смогли принять участия в контрударе, но, втянутые в тяжелые оборонительные бои на некоторых участках, вынуждены были отойти за реки Бася и Сож, где их объединили под общим командованием генерал-лейтенанта Герасименко В. Ф. (командующий 13-й армией).

---

[1] Архив МО СССР, ф. 208, оп, 70438, д. 1, лл. 54—55.

Перейду непосредственно к обстановке под Смоленском.

К исходу дня 15 июля противник силами 2-й и 3-й танковых групп и 9-й полевой армии стремился ударами по сходящимся направлениям завершить окружение 20, 19 и 16-й армий, захватить Смоленск и открыть путь на Москву. Для обеспечения этой операции с юга враг наступал на Ельню, Дорогобуж.

19-я армия частью сил отходила в направлении Смоленск, Ярцево, в то время как другие ее соединения продолжали сосредоточиваться восточнее Смоленска.

План гитлеровцев по разгрому нашей группировки в районе Смоленска имел целью создать здесь для наших войск новые «Канны». Для этого противник наносил сильные удары: с витебского направления танковыми войсками Гота на Духовщину — Ярцево, с юга с фронта Красное — Горки в направлении Смоленск — Заборье танковыми частями Гудериана.

В этой обстановке оперативное положение наших войск в районе Смоленска было крайне невыгодным, но, несмотря на это, они проявили много смелости, маневренности, упорства и не дали врагу осуществить его замысел.

20-я армия, наиболее укомплектованная и имевшая в наличии все свои соединения, при развертывании вела упорные бои западнее Смоленска с сильно загнутыми флангами.

16-я армия сосредоточивалась в районе Смоленска. К 15 июля туда из ее состава прибыли и вступили в сражение 4 дивизии, в том числе одна танковая.

К исходу 15 июля 7-я танковая дивизия 3-й танковой группы при сильной поддержке авиации вышла с севера к Ярцево и перерезала шоссе Смоленск — Москва. В тот же район противник выбросил и воздушный десант. Теперь наши войска в районе Смоленска были глубоко охвачены с востока и отрезаны от основной артерии снабжения.

В руках нашего командования в этом районе не имелось каких-либо резервов, чтобы нанести контрудары и укрепить оборону и таким образом предотвратить развитие наступления противника на Смоленск или Вязьму.

16 июля командующий Западным направлением донес в Ставку: «Подготовленных в достаточном количестве

сил, прикрывающих направление Ярцево, Вязьма, Москва, у нас нет. Главное — нет танков»[1].

Но вернемся к нашему повествованию.

Закончив свои дела в районе 16-й армии, я направился в Ярцево, еще не зная, что оно находится под угрозой захвата противником, чтобы доложить маршалу Тимошенко о положении дел. Едва я успел проскочить на рассвете 16 июля автостраду, как ее перерезали вражеские танки, наступавшие со стороны Духовщины. Штаб фронта уже перебазировался из Ярцево в район Вязьмы. Я передал донесение с офицером связи, а сам занялся организацией контратаки. Командиру 44-го стрелкового корпуса генерал-майору Юшкевичу В. А., находившемуся в районе Ярцево (фактически здесь было до трех полков пехоты и столько же артиллерийских полков), была поставлена задача создать оборону на правом берегу р. Вопь. Одновременно были собраны остатки 38-й стрелковой дивизии и других частей в группу под командованием комбрига Горбатова А. В., а в районе Смоленска из двух батальонов и нескольких танков создана группа под командованием начальника охраны тыла 20-й армии комбрига Киселева П. И. Этим группам удалось отбросить врага от автострады.

Ожидать более существенных результатов от действий этих малочисленных частей, наспех вооруженных и сведенных воедино из разрозненных соединений, не приходилось. Я запросил у командующего направлением подкреплений и получил разрешение взять из состава 16-й армии 110-ю танковую дивизию. Кроме того, Резервный фронт выделил нам еще 69-ю танковую дивизию, но для подхода этих соединений требовалось время, а враг стремился развить достигнутый успех.

К исходу 16 июля вражеские танки, ворвавшиеся в Смоленск с юга, овладели южной частью города. В тот же день 7-я танковая дивизия противника полностью захватила Ярцево.

Теперь 20-я и 16-я армии, боевыми действиями которых мне было поручено руководить, а также 19-я армия были отрезаны от основных коммуникаций и оказались в полуокружении. Связь с тылом можно было поддержи-

---

[1] Архив МО СССР, ф. 246, оп 12928, д. 2, л. 15.

вать лишь по лесисто-болотистой местности южнее Ярцево через Соловьево.

110-я и 69-я танковые дивизии получили задачу с рассветом 18 июля нанести удар на Духовщину, разгромить 7-ю танковую дивизию противника и выйти к Смоленску. Эту задачу дивизии не выполнили, так как их действия по ряду причин начались разновременно и с опозданием. Само собой разумеется, что враг продолжал развивать свой успех.

Попутно стоит рассказать здесь об одном весьма интересном случае, который относится к первой половине июля (к сожалению, точная дата не сохранилась в моей памяти).

Из Ставки была получена телефонограмма примерно следующего содержания:

«Предполагается широко применить в борьбе против фашистов «эресы» и в связи с этим испробовать их в бою. Вам выделяется один дивизион М-8. Испытайте его и доложите свое заключение».

Долго я размышлял после этого, что это за «эресы». Никто из окружающих меня командиров тоже никогда не слышал такого странного слова.

И лишь когда прибыл дивизион этих «эресов», я узнал, что это за оружие. Незадолго до войны, будучи председателем государственной комиссии по испытанию новых видов оружия, я видел эти «эресы», правда, в то время их не называли еще ни «эресами», ни «катюшами». Они прибыли к нам с минами фугасного действия.

Новое оружие мы испытали под Рудней. 15 июля 1941 г. во второй половине дня непривычный рев реактивных мин потряс воздух. Как краснохвостые кометы, метнулись мины вверх. Частые и мощные разрывы поразили слух и зрение сильным грохотом и ослепительным блеском.

Эффект одновременного разрыва 320 мин в течение 26 секунд превзошел все ожидания. Солдаты противника в панике бросились бежать в тыл. Попятились назад и наши солдаты, находившиеся на переднем крае вблизи разрывов (в целях сохранения тайны никто не был предупрежден об испытаниях).

Это было первое боевое испытание «эресов». После «опыта» я послал донесение в Ставку с подробным опи-

санием результатов. Фронтовики дали самую высокую оценку нашему новому оружию.

17 июля к Смоленску подошли главные силы противника и полностью овладели городом.

Непосредственная оборона Смоленска возлагалась на коменданта города. Он должен был вместе с местными властями привести город в оборонительное состояние, укрепить все высоты и выгодные пункты, забаррикадировать улицы, соорудить доты и дзоты. Следовало организовать сопротивление врагу достаточно многочисленными силами милиции и войск НКВД, а также привлечь к обороне рабочих и служащих. Костяком обороны должны были явиться входившие в гарнизон города два стрелковых полка. Тем временем к городу подошел бы 34-й стрелковый корпус, который выгрузился на станциях Починок и Пересна.

Но комендант города и местные власти пришли в замешательство, оборону как следует не организовали, и враг ворвался в Смоленск.

Посоветовавшись с командующим 16-й армией генерал-лейтенантом Лукиным М. Ф., мы решили нанести контрудар по войскам противника, захватившим Смоленск. Для этой цели можно было использовать 129-ю стрелковую дивизию, один полк 38-й стрелковой дивизии, а также одну из дивизий 34-го стрелкового корпуса.

18 июля после короткой артиллерийской подготовки (нам удалось использовать для этого 80 орудий) 129-я стрелковая дивизия, поддержанная полком 38-й стрелковой дивизии, устремилась в атаку. Командир 129-й дивизии генерал-майор Городнянский А. М. умело руководил боем. В самые критические моменты он находился в передовых подразделениях, проявляя личный героизм.

Преодолевая упорное сопротивление превосходящих сил врага, наши части овладевали все новыми кварталами города. К сожалению, дивизия 34-го корпуса смогла прибыть лишь к рассвету следующего дня, так как находилась на значительном удалении от Смоленска. Переправившись через Днепр, части дивизии повели наступление на город. Они заняли прилегающие деревни и вплотную подошли к Смоленску. Но противник тоже не дремал, он вводил в город все новые силы, срочно укреп-

лял оборону. Полностью овладеть Смоленском нам не удалось, хотя многие кварталы города по нескольку раз переходили из рук в руки.

Борьба разгоралась все сильнее. Отлично дрались соединения и части 20-й и 16-й армий. Большинство командиров руководили боем самоотверженно и умело. Достаточно вспомнить хотя бы такой случай (а их были сотни). Командир 57-й танковой дивизии полковник Мишулин В. А., будучи раненным, находился в госпитале. Вдруг он узнал, что одна из частей дивизии попала в окружение. Он оставил госпиталь, сел на бронемашину, пробрался к своей части и с боем вывел ее из окружения. Затем по собственной инициативе вступил в бой с врагом западнее Смоленска. В этом бою его соединение уничтожило разведотряд немецкой 39-й пехотной дивизии, что во многом способствовало разгрому главных сил этой дивизии. Своими действиями Мишулин прикрыл правый фланг 20-й армии, а также помог 16-й армии в ее борьбе за Смоленск.

В это время я находился на участке 20-й армии и частично наблюдал этот бой, но более подробно о подвиге Мишулина мне доложил лично командующий 20-й армией генерал-лейтенант Курочкин П. А. Полковник Мишулин был представлен к званию Героя Советского Союза и к воинскому званию генерала.

При этом имел место такой небезынтересный случай. Моя реляция на Мишулина заканчивалась следующими словами: «...Представляю полковника Мишулина к званию Героя Советского Союза и к воинскому званию генерала. Генерал-лейтенант Еременко».

При передаче этого текста шифром по телеграфу он «трансформировался» и стал выглядеть несколько иначе: «Представляю полковника т. Мишулина к званию Героя Советского Союза и к воинскому званию генерал-лейтенанта. Еременко».

Читая через несколько дней газету, я узнал, что тов. Мишулину В. А. присвоено звание не генерал-майора, а генерал-лейтенанта танковых войск и звание Героя Советского Союза.

Офицерский состав Советской Армии в то время в своем подавляющем большинстве уже обладал теми качествами, которые необходимы для ведения упорной борьбы с сильным врагом: преданность Родине, воля к победе,

самоотверженность, умение вести за собой подчиненных. В трудные дни вражеского наступления наш командный состав учился воевать с противником, имевшим высокую маневренность и подвижность войск. Что и говорить, наука была тяжелая, но необходимая.

Задача состояла в том, чтобы научить офицеров маневрировать своими соединениями, частями и подразделениями, организовывать взаимодействие войск, стойко обороняться, смело контратаковать. Кроме этого, я стремился воспитать в наших офицерах еще два качества, которые считал и считаю чрезвычайно важными. Первое качество — забота начальника о подчиненных войсках. Она должна проявляться прежде всего в том, чтобы ставить свои войска в выгодное положение по отношению к противнику, создавать этим преимущество над противником, лично организовывать бой, постоянно учить войска умению воевать, воодушевляя их своим присутствием, заботиться о непрерывном материальном обеспечении и снабжении боеприпасами.

Второе качество — непрерывная правдивая информация вышестоящего начальника о своих войсках и о противнике. Зная истинное положение дел, начальник примет наиболее выгодное решение и не поставит подчиненные войска под напрасный удар.

Мы, командиры, направленные партией на работу в войска, всегда чувствовали себя солдатами партии, она дала нам право повелевать войсками в интересах Родины. Мы глубоко сознавали, что наша сила — сила командиров — состоит в том, что наши приказы, исходят из интересов Родины, народа, партии и отдаются от их имени.

Роль командира велика, но ее нельзя переоценивать. Фактор общения с войсками, учебы у них является очень важным. Наши советские воины — это граждане социалистической державы, люди, волей и разумом которых творится история. Общение с ними дает новые силы и уверенность в успехе, учит многому и зачастую прямо подсказывает, как именно нужно действовать, как лучше организовать бой, осуществить операцию.

Вместе с тем сами воины воспринимают появление старшего начальника прежде всего как указание на возросшую важность их участка, рубежа, направления для решения всей боевой задачи. Появление командира говорит воинам о том, что их усилия высоко оценены, что их

действиям придается особое значение и что если их призывают к новым подвигам, к новому напряжению сил, то это совершенно необходимо для Родины.

Общаться с войсками, быть в гуще боевых событий важно еще и потому, что никакие донесения, сводки, информации и доклады не могут заменить живого ощущения событий, прощупывания их пульса. Конечно, все охватить нельзя, командир не вездесущ, но в том и заключается искусство руководства, чтобы определить, где именно надлежит быть, чтобы обеспечить успех. Это зависит от сложившихся обстоятельств и от того, какую именно задачу предстоит решить войскам и командованию. Нужно учесть также и то, что каждый военачальник имеет свой, лишь ему присущий стиль работы, характер, темперамент, поэтому не подыщешь одинаковых для всех методов и приемов руководства войсками. Это искусство, и в нем не терпим шаблон.

В двадцатых числах июля 1941 года я вновь был назначен командующим войсками Западного фронта, членом Военного совета фронта был назначен дивизионный комиссар тов. Лестев Д. А., а начальником штаба генерал-лейтенант Маландин Г. К.

Коротко остановлюсь на обстановке, сложившейся на Западном фронте в конце июля.

В это время упорные бои развернулись почти на всем протяжении Западного фронта. Особого ожесточения они достигли в районе Ярцево 19—20 июля. Город несколько раз переходил из рук в руки. Однако решительного успеха сражавшаяся здесь наша 101-я танковая дивизия добиться не смогла. В районе Ярцево противник превосходил нас в силах, особенно в авиации и минометах, и все атаки наших войск разбивались о его яростное сопротивление.

Тем не менее противник был здесь остановлен и скован, что не позволило ему в эти дни ни завершить окружение смоленской группировки советских войск восточнее Смоленска, ни развернуть наступление на Дорогобуж, Вязьму.

В период 19—21 июля значительно усложнилась обстановка в районе юго-восточнее Смоленска. 10-я танковая дивизия противника, наступавшая в направлении Вязьма, 19 июля своим передовым отрядом вышла к Ельне. 19-я стрелковая дивизия 24-й армии, оборонявшая

Ельню, не сумела обеспечить оборону города, и Ельня была сдана. Таким образом, противнику удалось создать здесь плацдарм, довольно далеко выдвинутый на восток.

Выход противника на линию Великие Луки, Ярцево, Ельня сделал еще более тяжелым положение Западного фронта, у которого почти не осталось резервов. В связи с этим Ставка Верховного Главнокомандования 20 июля издала директиву о вводе на западном направлении войск Резервного фронта [1]. Это изменяло на некоторых участках соотношение сил в нашу пользу.

Войскам 29, 30, 24 и 28-й армий, которые заканчивали сосредоточение и развертывание на рубеже Осташков, Ржев, Ельня, Брянск, приказывалось частью сил перейти в наступление с задачей во взаимодействии с войсками 20-й и 16-й армий разгромить противника севернее и южнее Смоленска.

29-я армия получила задачу наступать из района южнее Торопца силами трех стрелковых дивизий в юго-западном направлении и во взаимодействии с 30-й армией уничтожить смоленско-ярцевскую группировку противника.

30-я армия получила такую же задачу и должна была наступать силами трех стрелковых дивизий (группа генерал-майора Хоменко В. А.) из района юго-западнее Белый.

24-й армии силами трех стрелковых дивизий (группа Калинина) и группе генерал-лейтенанта Рокоссовского К. К. (три стрелковые дивизии) предстояло наступать из района Ярцево на Смоленск, тесно взаимодействуя с 30-й армией.

И, наконец, 28-я армия силами двух стрелковых дивизий (группа генерал-лейтенанта Качалова В. Я.) получила приказ наступать на Смоленск с юго-востока из района Рославль.

Вместе с тов. Лестевым я поехал в 30-ю армию, чтобы оказать ее командованию практическую помощь в организации наступления. Армией командовал, как уже говорилось, генерал-майор Хоменко В. А. Он и многие его офицеры ранее служили в пограничных войсках НКВД. Это были храбрые, дисциплинированные и глубоко преданные нашей Родине командиры. Кроме трех дивизий

[1] Архив МО СССР, ф. 219, оп. 36549, д. 5, л. 18.

30-й армии, в группу Хоменко для наступления привлекалась одна дивизия из состава 19-й армии и 107-я механизированная дивизия под командованием полковника Добручева, имевшая около 200 танков (более половины из них было устаревшего образца Т-26).

На подступах к исходным позициям вражеская авиация сильно потрепала дивизии 30-й армии, но сорвать их переход в наступление не смогла.

В тяжелых условиях непрерывного воздействия с воздуха и труднопроходимой местности наши части сосредоточились на исходных рубежах и начали наступление. Я побывал один — два раза в каждой дивизии и видел, что наши воины все больше приобретают боевой опыт. С радостью я думал о том, что скоро, очень скоро врагу не поздоровится.

Во время этой операции противник понес серьезные потери. На участке одной лишь 107-й механизированной дивизии, продвинувшейся за 4 дня боев на 20—25 км, осталось 700 вражеских трупов и более 200 подбитых танков и бронемашин. Командир дивизии полковник Добручев по моим указаниям применил следующую тактику наступления.

Вначале развернутым фронтом двигались танки. Они проходили исходное положение пехоты и сближались с врагом. Противник, конечно, начинал их обстреливать. В это время наша артиллерия засекала вражеские огневые точки и открывала по ним огонь, чтобы прикрыть танки и обеспечить их продвижение. Затем вступала в бой наша пехота, стараясь двигаться непосредственно за танками. Схематично получалось так. Впереди «движется» артиллерийский и танковый огонь, за ним следуют танки, за ними пехота, за пехотой артиллерия. Таким образом, артиллерия обеспечивала танки, танки обеспечивали пехоту, а та в свою очередь обеспечивала артиллерию. После скачка на 2—3 км делалась тактическая пауза, которая, однако, не представляла собой перерыва в бою. Пехота, закрепившись на достигнутом рубеже, вела прицельный огонь, артиллерия подтягивалась, организовывала новые наблюдательные пункты и огневые позиции, танки пополняли боекомплекты и вели огонь как огневые точки.

Теперь все это так понятно, а тогда боевого опыта было мало, многие командиры никогда еще не коман-

довали частями в бою, и важно было научить их организации взаимодействия различных родов войск и целеустремленному, организованному ведению наступательного боя.

Описанные выше построения боевых порядков и организация взаимодействия пехоты, танков и артиллерии вполне себя оправдали, так как глубокие боевые порядки вражеской обороны требовали организованного их преодоления, «с разбегу», одним ударом их нельзя было взять.

Вот так на поле боя начали практически вырабатываться приемы и методы взаимодействия родов войск в наступательном бою.

В этих боях многие части показали исключительно высокие боевые качества. У меня сохранился черновик одного документа, который я писал там же, на поле боя, командиру 237-го стрелкового полка. Привожу его полностью:

«Командиру 237 сп.
майору Добровольскому
Военкому ст. политруку Горбачеву
Начальнику штаба полка
капитану Кузьмину

За героические действия в течение 28—29 июля с. г. по разгрому фашистов Вы, комиссар и начштаба полка представлены к правительственной награде — орденам «Красное Знамя».

Действуйте и впредь с большевистской настойчивостью.

Командующий Зап. фронтом
Генерал-лейтенант
Еременко
Член Военного Совета
див. комиссар
Лестев
29.VII.41 г.»

В период 20—28 июля продолжались упорные напряженные бои. Сил для окружения смоленской группировки у нас, конечно, было недостаточно, но, тем не менее, мы ставили такую дерзкую цель. Осуществление ее имело бы важное значение — наступление противника на этом направлении было приостановлено, что во многом облег-

чило положение 16-й и 20-й армий, сражавшихся в полуокружении.

Наряду с действиями группы Хоменко, о которых я уже кратко рассказал, наступательные действия вели и группы 29-й, 24-й армий и группа Рокоссовского. Их общей задачей было уничтожить смоленскую группировку противника.

Вражеское же командование стремилось замкнуть с востока кольцо окружения вокруг наших войск, оборонявшихся в районе Смоленска и северо-западнее. С этой целью противник 26—27 июля нанес удар силами 7-й танковой и 20-й моторизованной дивизий из района северо-западнее Ярцево на юг, в направлении Соловьево, где находилась чрезвычайно важная для войск 20-й и 16-й армий переправа через Днепр. Одновременно с юга, из района западнее Ельни, в том же направлении нанесла удар 17-я танковая дивизия (частью сил). Противник оттеснил за реку батальон, оборонявший переправу, и овладел ею. Командир одного из полков 109-й мотострелковой дивизии майор Сахно подчинил себе всех располагавшихся в этом районе вооруженных солдат из тылов 5-го механизированного корпуса, а также отошедший от переправы батальон с семью танками и орудиями зенитной артиллерии и организовал оборону восточного берега Днепра в районе этой переправы.

После того как мы с группой офицеров побывали в районе Соловьевской переправы и выяснили обстановку на этом участке, командованием фронта был отдан приказ генералу Рокоссовскому нанести своей группой контрудар по противнику в районе Ярцево и Соловьевской переправы, уничтожить его, а затем наступать в направлении Духовщины [1]. Задачи контратаки в направлении Соловьевской переправы и правее ее мною были уточнены на местности. С этой целью мы вместе с тов. Рокоссовским К. К. выехали на рекогносцировку, где уточнили задачу и увязали взаимодействие.

Для поддержки наступления группы привлекалась вся фронтовая авиация. В донесении, посланном нами в штаб Западного направления, указывалось:

---

[1] Архив МО СССР, ф. 246, оп. 12928, д. 2, л. 122.

«Противник, встречая наше упорное сопротивление, в ярости бросается во все стороны и последним движением ярцевской группировки на юг преследует цель отрезать пути питания 16-й и 20-й армий»[1].

К вечеру 27 июля гитлеровцы начали окапываться на западном берегу Днепра южнее Ярцево; это было первым признаком последовавшего затем их отказа от наступления в восточном направлении.

28 июля группа Рокоссовского нанесла контрудар. В районе Соловьево завязались ожесточенные бои.

В то время как часть войск Западного фронта наносила контрудар по духовщино-ярцевской группировке противника, войска 20-й и часть сил 16-й армий продолжали вести упорные бои в полуокружении, а с 27 июля — в окружении в районах севернее и западнее Смоленска. Смоленская группировка, возглавляемая генерал-лейтенантом Курочкиным П. А., приковывала к себе значительные силы противника. Так, к 23 июля эта группировка, состоявшая из понесших тяжелые потери двенадцати дивизий, сковывала до десяти дивизий противника (из них три танковые и две моторизованные).

Кроме того, свыше шести вражеских дивизий было направлено на внешний фронт для обеспечения группировки, выполняющей задачи окружения, от ударов извне. По мере развертывания боев в районах Духовщина, Ярцево, Ельня вражеское командование вынуждено было усиливать свой внешний фронт и довести к 26 июля его состав до восьми дивизий[2].

Сковывание 20-й армией и частью сил 16-й армии столь значительных сил группы армий «Центр» не позволило последней развить успех из района Смоленска в направлении Дорогобуж, Вязьма и в конечном счете оказало решающее влияние на воссоздание сплошного фронта советских войск восточнее Смоленска, который на два с лишним месяца остановил противника на западном направлении. Действия войск 20-й и 16-й армий характеризовались сочетанием упорной обороны с решительными контратаками, проводившимися как днем, так и ночью. Командующий 20-й армией использовал

---

[1] Архив МО СССР, ф. 246, оп. 12928, д. 2, л. 122.

[2] По трофейным картам бывшего германского генерального штаба за период 23—26 июля 1941 года.

маневр в обороне. Так, 5-й механизированный корпус несколько раз осуществлял перегруппировку с целью создания прочной обороны, нанесения контратак и прикрытия фланга других контратакующих частей.

В ходе ожесточенных боев войска 20-й и 16-й армий несли тяжелые потери, главным образом от ударов авиации и артиллерийско-минометного огня. В последних числах июля в дивизиях этих армий осталось не более одной — двух тысяч человек[1]. В 20-й армии имелось всего 65 танков, 177 орудий полевой артиллерии и 120 орудий ПТО. Авиация армии насчитывала лишь девять исправных самолетов. Боеприпасы и горючее были на исходе, а снабжение войск осуществлялось только по воздуху, причем для этой цели командование фронта могло выделить из своей немногочисленной авиации лишь десять самолетов ТБ-3 на каждую ночь[2]. В дневных условиях транспортировка грузов исключалась вследствие господства в воздухе вражеской авиации. Тем не менее войска обеих армий продолжали упорно сражаться, нанося врагу тяжелые потери и медленно отходя к востоку.

В последних числах июля командование Западного фронта приняло решение вывести из окружения войска 20-й и 16-й армий. С этой целью был организован контрудар группы генерал-лейтенанта Рокоссовского в направлениях Ярцево, Духовщина навстречу выходящим из окружения войскам. Командующий 20-й армией, объединявший под своим командованием всю окруженную группировку, выдвинул часть сил 5-го механизированного корпуса и 229-ю стрелковую дивизию для освобождения Соловьевской переправы. В результате принятых мер выход из окружения прошел организованно. Соединениям были указаны направления ударов для выхода к переправам, назначены полосы отхода, намечены рубежи прикрытия, выделены войска для прикрытия отхода главных сил, а также указан порядок сосредоточения и занятия обороны по выходе за реки Днепр и Вопь.

Отход и переправа через р. Днепр начались в ночь на 4 августа. 5-й механизированный корпус не смог пробиться к Соловьевской переправе и был направлен

[1] Архив МО СССР, ф. 246, оп. 12928, д. 2, л. 132.
[2] Там же.

в район Ратчино, где с боями переправился через Днепр. Другие войска 20-й армии прорвали фронт окружения и вышли к Днепру в районе Заборье на фронте 20 км, где к 3 часам 3 августа были подготовлены четыре переправы. К утру 5 августа передовые части 20-й армии, опрокинув заслоны противника, переправились через Днепр и заняли оборону для прикрытия переправ. Главные силы 20-й армии, отходя с напряженными боями, по мере подхода к Днепру переправлялись на восточный берег и занимали оборону. Переправа, продолжавшаяся несколько дней, проходила под артиллерийским огнем и бомбардировками авиации противника.

На этом закончилось Смоленское сражение, продолжавшееся три недели. В ходе напряженной борьбы личный состав проявил самоотверженность и героизм. Нашим войскам в то время не удалось вернуть Смоленск и восстановить фронт обороны на Днепре, но и планы противника по дальнейшему развитию наступления были сорваны. Его войска понесли в районе Смоленска значительные потери, и гитлеровскому командованию пришлось отказаться от первоначальных планов дальнейшего развития операций. Полученный выигрыш времени позволил Советскому Верховному Командованию развернуть восточнее Духовщины, Смоленска и Ельни новый оперативный эшелон. В результате дальнейшее наступление противника было сорвано на продолжительное время.

Здесь уместно сказать несколько слов о генерал-лейтенанте Курочкине П. А. — командующем 20-й армией, как о волевом генерале, хорошем организаторе, умело и твердо управлявшем войсками армии в чрезвычайно сложных условиях. Следует отметить также плодотворную деятельность члена Военного совета армии корпусного комиссара Семеновского Ф. А.

Среди соединений 20-й армии особенно отличились 5-й механизированный корпус под командованием генерал-майора танковых войск Алексеенко К. И., 17-я танковая дивизия под командованием полковника Корчагина И. П. и 14-я танковая дивизия под командованием полковника Васильева И. Д.

30 июля вражеское командование признало, что «ранее намеченная задача — к 1 октября выйти на линию Онежское озеро, река Волга — уже считается теперь невыполнимой». Однако оно все же надеялось, что

«к этому времени войска достигнут линии Ленинград, Москва и районов южнее Москвы».

Как свидетельствует Гудериан, германское главное командование сухопутных войск и начальник генерального штаба находились в «исключительно трудном положении», так как руководство всеми операциями осуществлялось свыше и на 31 июля окончательное решение о дальнейшем ходе операций принято еще не было.

К первым числам августа противник вынужден был прекратить наступление на московском направлении и перейти к обороне на рубеже станция Ярцево, Соловьево, Ельня. Боевые действия продолжались лишь в районе Ельни, где войска 24-й армии по-прежнему упорно контратаковывали 10-ю танковую дивизию противника, закрепившуюся на ельнинском плацдарме. Этот плацдарм рассматривался как удобный исходный район для наступления противника на московском направлении. Немцам удалось взять Ельню лишь в начале сентября.

Срыв планов врага на московском направлении в ходе Смоленского сражения был достигнут благодаря упорной и стойкой обороне войск нашей смоленской группировки, а также ряду контрударов, нанесенных соединениями Резервного фронта, введенными в сражение в критический момент.

Учитывая возможность в ближайшем будущем дальнейшего наступления противника на московском направлении, Ставка Верховного Главнокомандования продолжала развертывать на этом направлении новые резервные формирования.

Подведем теперь кратко итоги боев, развернувшихся на Западном фронте во второй половине июля и в начале августа.

3-я танковая группа генерала Гота, действуя главными силами в направлении Сураж, Демидов, Духовщина, Ярцево, 14 июля передовыми частями перерезала магистраль Москва — Минск западнее Ярцево, поставив в тяжелое положение наши 16-ю и 20-ю армии, которые лишились кратчайшего и лучшего пути подвоза и эвакуации. Пришлось организовать фронтовую автомобильную дорогу через Дорогобуж, Заборье, Смоленск с плохой переправой у Заборья.

2-я танковая группа Гудериана, прорвав наш фронт на Днепре в районе Шклов, развивала удар по расходя-

щимся направлениям на Смоленск, Ельня и Рославль. Одна танковая и одна моторизованная дивизии, заняв 15 июля Красное, развили стремительное продвижение к Смоленску и овладели южной частью города. Наши части, взорвав мосты, отошли в северную часть города и заняли оборону по северному берегу Днепра, 19—20 июля 18-я танковая дивизия противника полностью овладела Ельней.

В результате продвижения этих двух танковых групп противника 16-я и 20-я армии Западного фронта, прикрывавшие смоленское направление, в начале второй половины июля оказались в оперативном «мешке».

Обстановка на смоленском направлении осложнялась еще и тем, что действовавшая здесь 19-я армия, не успев закончить сосредоточения, вынуждена была принять бой в невыгодных для себя условиях (силы вводились в бой по частям).

Такое положение создалось в связи с тем, что у командования фронта не было иного выхода в условиях, когда противник не только имел подавляющее превосходство в силах и средствах, но также и полную свободу маневра, в то время как у фронта отсутствовали резервы.

Как указывалось ранее, 19-я армия вынуждена была уже в условиях военного времени, когда важнейшие коммуникации подвергались ожесточенным вражеским ударам с воздуха, передислоцироваться с юга в район Смоленска, в связи с этим не только были нарушены установленные сроки прибытия ее отдельных эшелонов, но ее части понесли существенные потери еще до прибытия в район боевых действий. Воздействие авиации противника вынуждало производить выгрузку из эшелонов на сравнительно большом удалении от намеченных районов сосредоточения.

В последующем же удары врага в районе Смоленска пришлось отражать в основном 16-й и 20-й армиям. Тем не менее эти армии, ведя упорные бои, наносили врагу тяжелые потери, с боями отходя с рубежа на рубеж, задерживали продвижение противника.

Лишь когда были исчерпаны все возможности обороны в районе Смоленска, а дальнейшее пребывание здесь армий могло привести к их полному уничтожению, смоленская группировка по приказу командования вышла из оперативного окружения.

После того как 5 августа основные силы 16-й и 20-й армий переправились на левый берег Днепра, управление 16-й армии было передано в группу Рокоссовского, которая впредь стала именоваться 16-й армией, части же бывшей 16-й армии влились в 20-ю армию.

Несмотря на все это, 19-я армия благодаря энергичным действиям ее командования приняла участие в боях в районе Смоленска на первом этапе.

В эти дни 22-я армия на правом крыле фронта активной обороной прикрывала великолукское направление. 29-я армия главными силами вышла к р. Западная Двина и приступила к ее форсированию, развивая наступление в юго-западном направлении на Севастьяново, Ильино (35 км северо-восточнее Велиж). 30-я и 19-я армии в новом составе, а также группа Рокоссовского вели малоуспешные наступательные бои на рубеже Черный Яр, Яковцево (100 км юго-восточнее Белый), р. Вопь.

Таким образом, на главном операционном направлении (Смоленск, Ярцево, Вязьма) в начале августа фронт стабилизировался на рубеже р. Вопь, р. Днепр. Войска 28-й армии (группа Качалова) отошли в состав Резервного фронта; левая граница Западного фронта была отнесена на север.

Противник, выйдя на р. Вопь и р. Днепр и будучи измотан предыдущими боями с 20-й и 16-й армиями, истощил свой наступательный порыв и перешел к обороне [1].

Огромные потери германской армии подтверждались многими документами, попавшими в наши руки [2]. Вот рапорт командира 3-го батальона 53-го мотопехотного полка, в котором командир батальона молит о помощи: «Дело дошло до того, что лейтенант Оллзнер-Воллер вынужден был назначить на пост командира взвода унтер-офицера. (А это у немцев никогда не допускалось. — **А. Е.**) Батальон за последние дни потерял: офицеров — 5, унтер-офицеров — 15, рядовых — 106. Боеспособность батальона ухудшается. Необходимо пополнение в рядовом и офицерском составе. Мастерские не имеют запасных частей. Много автомашин вышло из

---

[1] Архив МО СССР, ф. 208, оп. 45317, д. 3, лл. 2—4.

[2] По данным германского генштаба, общие потери в боях под Смоленском достигли четверти миллиона человек.

строя подбитыми и из-за отсутствия запасных частей. Требуется замена цилиндров. Испытывается острая нужда в горючем. Одежда значительно изношена».

Не дождавшись, как видно, ответа на этот рапорт, командир батальона через несколько дней посылает еще более тревожное донесение: «За последние четыре дня положение стало очень напряженным. Необходимо пополнение. Сообщаю о потерях за эти дни: убитых офицеров — 3, раненых — 1, убитых унтер-офицеров — 3, тяжело раненных — 2, один пропал без вести. Рядовой состав: убитых — 33, раненых — 56, тяжело раненных — 19, больных — 18, пропавших без вести —11. Сообщаю о подкреплении: офицеров — 0, унтер-офицеров — 0, рядового состава — 0. Вследствие больших потерь за последние дни батальон не в состоянии регулярно действовать. Боеспособность — трагическая. С личным руководством со стороны офицерского состава дело обстоит очень опасно. Эта напряженная сбстановка привела к тому, что батальон можно заставить идти в наступление только принудительно, силой оружия».

Документ красноречиво говорит о положении дел в немецких частях. По нему можно судить о том, как выглядели фашистские войска после многочисленных контрударов наших частей за время 30-дневных боев на смоленском и невельском направлениях. Сотни тысяч убитых и раненых, сотни сожженных и разбитых боевых машин, весьма ощутительный урон в артиллерии, в стрелковом оружии и особенно в минометах, которые выводились из строя целыми батареями, — таковы были безотрадные для фашистов итоги этих боев. Они-то и заставили немецкое командование изменить свои планы и начать лихорадочную переброску войск, подтягивание резервов. Некоторые немецкие дивизии буквально стали метаться из стороны в сторону. В частности, 13-я и 14-я мотопехотные дивизии двигались сначала на восток, потом повернули на северо-восток, но уже в пути их нагнал приказ идти на север. Офицеры и штабы были охвачены нервозностью. Иными стали и приказы германского командования: из них стали исчезать слова «внезапность», «молниеносность». В последних приказах все чаще говорилось о потерях, о бережном отношении к материальной части, об экономии горючего и боеприпасов. Командиров предупреждали,

чтобы они не рассчитывали на прибытие танков и автомашин, на пополнение живой силой.

«Русские контратакуют и обороняются упорно и храбро и часто гибнут на том месте, куда они были поставлены приказом своего командира. Если уничтожают всю первую волну, продолжают двигаться вторые и третьи волны русских», — так писал о наших солдатах враг.

Сотни участников боев на смоленском и невельском направлениях получили высокую награду правительства за мужество и воинскую доблесть. Звание Героя Советского Союза было присвоено семи человекам, награждены орденами и медалями — 928 человек.

В захваченных нами немецких приказах и донесениях часто попадались жалобы на ущерб, причиненный партизанами. Фашисты всюду сталкивались с народной ненавистью. Враги боялись останавливаться в лесах, в стороне от дорог, тревожно проводили дни и ночи в захваченных деревнях и городах. На каждом шагу их ожидала опасность, везде их мог настигнуть выстрел партизана.

В июле — августе мы добились на Западном фронте самого важного — научили войска драться по-настоящему, упорно и настойчиво.

Молниеносную войну, расчет на которую лежал в основе фашистской военной доктрины, мы превратили в затяжную. Под Смоленском враг, неся огромные потери, вынужден был топтаться на месте почти в течение всего времени, которое было отведено им по плану «Барбаросса» на всю войну.

Мы нанесли врагу значительные потери, и это не прошло бесследно для немецко-фашистской армии. Июльскими и августовскими боями было выиграно время, необходимое тогда нам как воздух. Благодаря выигрышу времени мы эвакуировали свои заводы, фабрики и другие предприятия в районы, недосягаемые для фашистской авиации, и сумели отмобилизовать крупные резервы для отпора врагу.

Упорная борьба наших войск в районе Смоленска сорвала намерение врага ударом на Осташков, Бологое частью сил группы «Центр» содействовать группе армий «Север» в ее наступлении на Ленинград, чем была оказана существенная помощь войскам, оборонявшим го-

род Ленина. Более того, ослабление войск противника в районе Смоленска вынудило его впоследствии перебрасывать соединения 4-й танковой группы с ленинградского направления для усиления группировки, наступающей на Москву.

В этих же боях были заложены основы разгрома немцев под Москвой. За период летних сражений 1941 года наши бойцы, командиры, политработники, генералы приобрели военный опыт, изучили тактику врага, в первую очередь его танковых и моторизованных соединений, систему его огня в наступлении и обороне, научились уничтожать вражеские танки и самолеты.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
БРЯНСКИЙ ФРОНТ

ГЛАВА 4

НОВЫЙ ФРОНТ СОЗДАЕТСЯ

(Схема 4)

12 августа я опять приехал на Соловьевскую переправу. Она все время подвергалась ударам наземных войск и авиации противника. Нормальная работа переправы была крайне необходима, так как выход из окружения соединений 20-й и 16-й армий еще не закончился. Решительной контратакой наших войск противник, подошедший вплотную к переправе, был отброшен. Связь с частями, выходящими из окружения, восстановилась, а переправы начали действовать нормально.

Я собирался ехать на другой участок боевых действий войск фронта, когда мне пришел вызов явиться в штаб фронта, который находился тогда в Каспля.

Когда я прибыл в штаб фронта, маршал Тимошенко сообщил, что меня вызывают в Ставку Верховного Главнокомандования для нового назначения и что на Западный фронт я больше не вернусь.

Ночью я прибыл в Москву и вскоре был принят в Ставке Сталиным в присутствии других членов ГОКО и Начальника Генерального Штаба Советской Армии Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова.

Вместе со мной был принят бывший командующий Северо-Западным фронтом генерал-полковник Кузнецов Ф. И.

После того как мы представились присутствующим, Маршал Советского Союза Шапошников сделал краткий обзор положения на фронтах. В ближайшее время

ожидались удары противника на юге на Крым, а на Центральном участке фронта из района Могилев — Гомель на Брянск, а в дальнейшем — на Орел и Москву.

После доклада маршала Шапошникова И. В. Сталин показал нам с Кузнецовым направления главных ударов врага на своей карте. Он повторил некоторые положения, высказанные Шапошниковым, и подчеркнул, что нужно остановить продвижение противника как на брянском направлении, так и в Крыму. Затем он сказал, что именно для этой цели создаются Брянский фронт и Отдельная армия на правах фронта в Крыму. Закончил Сталин неожиданным вопросом, обращенным ко мне:

— Куда бы вы желали поехать: на Брянский фронт или в Крым?

Я ответил, что готов ехать туда, куда он сочтет нужным меня направить. Сталин пристально взглянул на меня, и в выражении его лица мелькнула неудовлетворенность. Стремясь получить более конкретный ответ, он спросил кратко:

— А все-таки?

— Туда, — быстро сказал я, — где обстановка будет наиболее тяжелой.

— Она одинаково сложна и трудна и в Крыму и под Брянском, — последовал ответ.

Стремясь выйти из этого своеобразного тупика, я сказал:

— Пошлите меня туда, где противник будет применять мотомехчасти, мне кажется, там я сумею принести больше пользы, так как сам командовал механизированными войсками и знаю их природу и тактику действий.

— Ну хорошо! — сказал Сталин удовлетворенно. И тут же обратился к Кузнецову, спрашивая о его намерениях.

Кузнецов ответил весьма кратко:

— Я солдат, товарищ Сталин, буду воевать там, куда меня направят.

— Солдат-то солдат, — несколько растянуто проговорил Сталин, — но у вас есть же какое-то свое мнение?

Кузнецов повторил:

— Я солдат, товарищ Сталин, и всегда готов служить и работать в любом месте, куда меня пошлют.

Тогда, обращаясь снова ко мне, Сталин объявил:

— Вы, товарищ Еременко, назначаетесь командующим Брянским фронтом. Завтра же выезжайте на место и немедленно организуйте фронт. На брянском направлении действует танковая группа Гудериана, там будут происходить тяжелые бои. Так что ваши желания исполняются. Встретите там механизированные войска вашего «старого приятеля» Гудериана, повадки которого должны быть вам знакомы по Западному фронту.

Заканчивая со мной разговор, Сталин просил меня зайти к Начальнику Главного политуправления Красной Армии тов. Мехлису Л. З. и решить вопрос о кандидатуре члена Военного совета фронта.

Товарищу Кузнецову было объявлено, что он назначен командующим Отдельной Приморской армией.

Приказы по этим решениям были написаны тут же.

Брянский фронт должен был выполнять ответственную задачу: прикрывать Московский стратегический район с юго-запада. Ближайшей задачей войск фронта являлось: прикрытие брянского направления, а затем разгром мощных ударных группировок противника в районе Брянска.

Новый фронт приходилось создавать в неблагоприятных условиях обстановки, ведя бои с многочисленными и технически оснащенными войсками противника. Мы приступили к сколачиванию войск и штабов, к сооружению оборонительных полос, организации тылов.

Брянскому фронту предстояло отразить удары танковых и моторизованных сил врага под Кировом, Людиновом, Брянском, Трубчевском, Новгород-Северским и другими городами и важными населенными пунктами. Нужно было остановить войска противника, значительно превосходящие нас, особенно в танках, измотать и истощить их, а затем нанести им сокрушительный удар.

16 августа я и член Военного совета фронта дивизионный комиссар Мазепов П. И. прибыли в Брянск и обосновали свой КП в 14 км юго-восточнее города в лесистом районе. Наиболее важные отделы штаба фронта расположились в довольно ветхом одноэтажном здании; второе здание меньших размеров заняло политуправление, а все остальные службы разместились в палатках и землянках. Начальником штаба фронта был назначен генерал-майор Захаров Г. Ф., начальником полити-

ческого управления — дивизионный комиссар Пигурнов А. П., моим заместителем — генерал-майор Ермаков А. Н., командующим ВВС фронта — генерал-майор авиации Полынин Ф. Г. Штаб фронта формировался на базе штабов 20-го стрелкового и 25-го механизированного корпусов, оказавшихся к этому времени без войск.

16 августа был подписан приказ о создании фронта [1]. Первоначально по этому приказу в Брянский фронт включались всего две армии (50-я и 13-я).

50-я армия развертывалась из двух корпусов в составе восьми стрелковых (217, 279, 258, 260, 290, 278, 269, 280-я) и одной кавалерийской (55-й) дивизий.

Управление армии формировалось на базе управления 2-го стрелкового корпуса. Штаб армии разместился в районе Выгоничи. Командующим армией был назначен генерал-майор Петров М. П., членом Военного совета — дивизионный комиссар Шляпин Н. А., начальником штаба — полковник Пэрн Л. А.

13-я армия состояла из восьми стрелковых (137, 121, 148, 132, 6, 155, 317, 285-й) и двух кавалерийских (21-й и 52-й) дивизий, а также 50-й танковой дивизии. В 13-й армии только числилось много соединений, людей же и техники в этих соединениях было крайне мало. Штаб армии до нашего прибытия располагался в районе Костюковичи (14 августа этот пункт заняли немцы).

13-я армия ранее входила в Западный, а потом в Центральный фронт. Вначале она действовала в районе Могилева, затем в районе Кричева — Рославля, а теперь отходила с боями к востоку на Унечу. Пришлось затратить немало усилий, чтобы удержать ее на оборонительных позициях и привести в порядок.

Командовал 13-й армией генерал-майор Голубев К. Д., членом Военного совета был бригадный комиссар Фурт П. С., начальником штаба — комбриг Петрушевский А. В.

Боевой участок Брянского фронта занимал (по прямой) 230 км по фронту. Справа действовали войска Резервного фронта. Разграничительная линия с ним была Жиздра — Смоленск. Левым соседом был Центральный фронт, разграничительная линия с ним — Новгород-Северский — Могилев.

---

[1] Архив МО СССР, ф. 202, оп. 5, д. 63, л. 2.

Местность района боевых действий Брянского фронта имела в основном лесисто-болотистый характер со значительным количеством рек. Среди них были и большие реки — Днепр, Сож, Десна и их многочисленные притоки: Беседь, Ипуть, Судость, Болва и другие. Наиболее свободным от лесов и болот являлся треугольник Брянск — Мглин — Почеп.

На территории фронта находился район Унечи, где в 1918 г. легендарный начдив Щорс формировал свой славный Богунский полк и со своими бойцами бил немецких интервентов.

Боевой участок фронта пересекало несколько рокадных железных дорог: с юга на север — Дмитриев-Льговский — Брянск — Зикеево; с юго-запада на северо-восток — Клинцы — Почеп — Брянск; с востока на запад — Киров — Рославль — Могилев, а также две магистрали, проходившие почти параллельно друг другу по всей территории фронта с юго-востока на северо-запад: Орел — Смоленск и Унеча — Орша. Имелось и несколько неплохих шоссейных дорог, в том числе Орел — Брянск — Смоленск, Славгород (Пропойск) — Могилев — Витебск и Смоленск — Витебск.

Наиболее крупными населенными пунктами на территории фронта были Брянск, Дятьково, Людиново, Карачев, Кромы, Фатеж, Дмитриев-Льговский, Дмитровск-Орловский, Севск, Льгов, Рыльск, Новгород-Северский, Трубчевск, Рославль, Почеп, Мглин, Стародуб, Унеча. Это была древняя русская земля, на которой еще восемь столетий назад происходила борьба русских с иноземными захватчиками, так трогательно воспетая автором «Слова о полку Игореве».

Промышленность, в том числе и заводы оборонного значения, имелась главным образом в районе Брянск — Бежица. Заводы и склады готовились к эвакуации. Населению прифронтовой полосы также было рекомендовано выехать. Движение гражданского населения происходило главным образом по шоссе Брянск — Орел.

Урожай с полей был в основном убран. В Брянске, несмотря на бомбардировки врага, продолжалась нормальная жизнь.

Командованию фронта удалось наладить работу двух хлебозаводов, остановившихся в связи с эвакуацией ра-

бочих. Продовольствием войска фронта снабжались удовлетворительно.

К 16 августа группировка противника, ожидаемая в полосе фронта, еще не была установлена. Имелись предположения о возможности скорого появления немцев перед фронтом 50-й армии в районе Рославль с целью дальнейшего продвижения его на Брянск[1]. Перед фронтом 13-й армии были замечены 23-я и 7-я пехотные и 3-я и 4-я танковые дивизии. Эти соединения противника 13-я армия сдерживала до 9 августа, затем гитлеровцам удалось прорваться на правом фланге армии в районе Кричева и открыть тем самым для себя путь на Рославль.

В этот период атаки противника носили ярко выраженный авантюристический характер: прорвавшись на каком-либо участке фронта, немцы всеми средствами пытались создать видимость полного окружения наших частей; мчавшиеся по дорогам мотоциклисты и танки вели беспорядочную стрельбу, за танками, как правило

---

[1] О подготовке этого наступления Гудериан в своей книге «Воспоминания солдата», стр. 175, пишет следующее:

«Наступление на Рославль с целью ликвидации угрозы фланга было организовано следующим образом.

На 24-й танковый корпус возлагалась задача силами двух дивизий 7-го армейского корпуса (10-й моторизованной и 7-й пехотной) обеспечить растянутый правый фланг от действий противника, находящегося в районе Климовичи, Милославичи. Указанные выше две дивизии вместе с 3-й и 4-й танковыми дивизиями должны были овладеть городом Рославль и установить связь с 9-м армейским корпусом, действовавшим севернее, в районе между реками Остер и Десна.

7-му армейскому корпусу была поставлена задача силами 23-й и 197-й пехотных дивизий из района Петровичи, Хиславичи наступать в направлении Рославль, где соединиться с 3-й танковой дивизией и развивать наступление в направлении на шоссе Рославль, Стодолище, Смоленск. 78-я пехотная дивизия находилась во втором эшелоне.

9-й армейский корпус силами 263-й пехотной дивизии должен был наступать с севера на юг между вышеуказанными шоссе и р. Остер, а силами 292-й пехотной дивизии — между реками Остер и Десна, нанося главный удар своим левым флангом в направлении шоссе Рославль, Екимовичи, Москва. Левый фланг 9-го корпуса должна была обеспечить 137-я пехотная дивизия, переброшенная из Смоленска. Кроме того, 9-й армейский корпус усиливался частями 47-го танкового корпуса, главным образом его артиллерией.

Начало наступления было назначено для 24-го танкового корпуса и для 7-го армейского корпуса на 1 августа, а для 9-го армейского корпуса на 2 августа».

на машинах, двигалась пехота. Война шла по дорогам и вдоль дорог. Лесов и болот враг избегал. Мотоциклисты и танки «прочесывали» огнем лежащие на их пути леса, не нанося этим огнем нашим частям существенного урона.

Враг стремился путем охвата и обхода («клещи») любыми, хотя бы незначительными силами, идущими по дорогам, отрезать наши части. Во многих случаях это приводило к тому, что некоторые наши части, обойденные противником, теряли свои боевые порядки и начинали лесами выбираться из окружения.

При выходе из окружения многие части вели упорные бои с противником, нанося урон частям и штабам, уничтожая его солдат и офицеров. Так, в эти дни из окружения вышла довольно большая группа солдат и офицеров под командованием командира 132-й стрелковой дивизии генерал-майора Бирюзова С. С.[1].

Ночных боевых действий гитлеровская армия боялась. На многих участках немцы отводили на ночь свои части на значительное расстояние от переднего края, оставляя на нем лишь сторожевые посты боевого охранения.

В день нашего с товарищем Мазеповым прибытия (16 августа) было созвано совещание офицеров корпусных штабов, на базе которых создавался штаб фронта. На этом совещании были поставлены не только вопросы, непосредственно связанные с задачами, которые предстояло решать войскам фронта, но также вопросы повышения боеспособности войск и организации целеустремленной боевой подготовки, что нашло затем отражение в приказе № 5 от 24 августа. Приказ гласил:

«1. Опыт боевых действий показал ряд слабых сторон войск противника. К ним относятся:

а) неумение драться ночью;

б) неумение вести ближний бой мелкими подразделениями;

в) пехота без танков, как правило, в атаку не идет;

г) противник не принимает штыковых атак и боится крика «ура!»

2. Задача всех командиров подразделений, частей и соединений использовать слабые стороны противника.

---

[1] Архив МО СССР, ф. 202, оп. 5, д. 63, л. 7.

С этой целью необходимо продолжать боевую подготовку войск, используя каждую минуту.

ПРИКАЗЫВАЮ:

а) внедрить в сознание всему личному составу, что танки для хорошо организованных, стойких и дисциплинированных частей, особенно для пехоты, — не страшны;

во всех частях под ответственность командиров частей провести показные занятия по отражению атаки танков противника, для чего использовать имеющиеся в соединениях технические средства (танк, трактор); показать, как пехота, укрывшаяся в щелях, пропускает танки противника, поражая их гранатами и бутылками «КС», с последующим отрезанием пехоты от танков и окружением последней;

б) научить всех бойцов и командиров бросать связки гранат и бутылки «КС»;

в) всему личному составу привить упорство в бою, способность вести бой в окружении с превосходящими силами противника, доводя бой до штыкового удара;

г) научить артиллеристов умело бороться с танками противника, для чего, как правило, в обороне требовать, чтобы на каждое орудие и батарею, кроме основных огневых позиций, они имели бы запасные, открытые для стрельбы по танкам прямой наводкой. Стрельбу по танкам, как правило, производить косоприцельным и фланговым огнем с дистанцией 500—800 метров;

д) старшему и среднему начсоставу артиллерии непосредственно на поле боя совершенствовать вопросы управления огнем батареи, дивизиона и группы во взаимодействии с огнем пехоты и танками. Полностью овладеть методами создания массированного огня;

е) научить весь личный состав отрывать окопы одиночные и на отделение, отрывать щели, противотанковые ловушки и препятствия и уметь маскировать;

ж) научить весь личный состав пользоваться индивидуальными и коллективными средствами химзащиты;

з) в каждой роте, батальоне и полку организовать штатные подразделения минометчиков, с которыми тщательно изучить материальную часть соответствующих систем минометов и, главное, практические приемы стрельбы;

и) произвести технический осмотр всему стрелковому оружию, неисправности устранить;

к) всю боевую подготовку в подразделениях, частях и соединениях проводить непосредственно на поле боя, исходя из боевой готовности войск. Повседневно и настойчиво вести работу по укреплению воинской дисциплины и разъяснению сущности приказа НКО № 270.

Командующий войсками Брянского фронта генерал-лейтенант (Еременко)	Член Военного совета Брянского фронта дивизионный комиссар (Мазепов)

Начальник штаба фронта
генерал-майор (Захаров)» [1].

С первых же дней организации фронта враг проявил большую активность, стремясь разгромить брянскую группировку наших войск и в первую очередь окружить и разгромить 13-ю армию.

17 августа противник танками и мотопехотой, прорвав фронт 13-й армии и выйдя в ее тылы, перерезал железную дорогу Брянск — Гомель и занял Унеча. 13-я армия оказалась в чрезвычайно тяжелом положении, но дралась упорно, нанося противнику немалый урон.

С 18 августа немецко-фашистские войска продолжали развивать успех в направлении на Стародуб, Новгород-Северский и в восточном направлении на Почеп. Сухая погода и хорошее состояние дорог благоприятствовали действиям танков и мотомехчастей противника. 18 августа танковые части противника заняли г. Стародуб, а 21 августа сильной атакой 300 танков с мотопехотой — Почеп.

Массированными ударами танков немцы стремились с ходу прорвать нашу оборону, а затем ввести в прорыв крупные мотомеханизированные силы для быстрого продвижения в глубь страны.

Против войск Брянского фронта наступала армейская группа Гудериана, действовавшая ранее в составе танковых и механизированных соединений. С 27 июля [2]

---

[1] Архив МО СССР, ф. 202, оп. 5, д. 63, лл. 52—54.

[2] До этого момента, как известно, 2-я танковая группа Гудериана входила в 4-ю армию фельдмаршала фон Клюге (группа армий «Центр», командующий — фельдмаршал фон Бок). В танковую группу Гудериана в начале ее действий на советско-германском фронте входили следующие соединения: 24-й танковый корпус, командир — генерал танковых войск барон Гейер фон Швеппенбург; 3-я танковая дивизия — генерал-лейтенант Модель; 4-я танковая ди-

это объединение в связи с предстоящим наступлением на Рославль было пополнено армейскими корпусами: 7-м в составе 7, 23, 78 и 197-й пехотных дивизий и 20-м в составе 15-й и 268-й пехотных дивизий.

В процессе развертывания боевых действий продолжалась напряженная работа по организации и формированию штаба фронта, по подтягиванию и сосредоточению резервов, формированию штаба 50-й армии. Из Москвы прибывали командиры и политработники для замещения должностей в штабе фронта и в других штабах.

19 августа был отдан боевой приказ[1] уничтожить противника, прорвавшегося в район Унеча и стремящегося перерезать магистраль Брянск — Гомель.

Для уничтожения врага, прорвавшегося в район Унеча, привлекались 13-я армия и 55-я кавалерийская дивизия 50-й армии. Они должны были нанести удар в направлении Мглин — Унеча — Клинцы.

Остальным соединениям 50-й армии было приказано продолжать выполнение прежней задачи по сосредоточению частей и обороне фронта Жуковка, Почеп.

13-й армии приказывалось во взаимодействии с 55-й кавалерийской дивизией уничтожить противника, прорвавшегося в район Унеча, закрепиться на рубеже Шелудьки, ст. Песчаники, Клинцы, Ущерпье и прочно его удерживать.

ВВС фронта[2] во взаимодействии с 50-й и 13-й армиями должны были уничтожить противника, прорвавшегося в район Унеча, нанеся в 13.40 19 августа удар по колоннам и сосредоточениям противника в районе Мглин, Унеча, Стародуб, имея в виду, что наши части

визия — генерал-майор фон Лангерман унд Эрленкамп; 10-я мотодивизия — генерал-майор фон Лепер; 1-я кавалерийская дивизия — генерал-лейтенант Фельдт; 46-й танковый корпус — генерал танковых войск барон фон Фитинггоф (Шеель); 10-я танковая дивизия — генерал-лейтенант Шааль, мотодивизия СС «Рейх» — генерал-лейтенант Гауссер, пехотный полк «Великая Германия» — генерал-майор фон Штокгаузен; 47-й танковый корпус — генерал танковых войск Лемельзен; 17-я танковая дивизия — генерал-майор фон Арним; 18-я танковая дивизия — генерал-майор Неринг; 29-я мотодивизия — генерал-майор фон Больтенштерн (Г. Гудериан. Воспоминания солдата, стр. 138).

[1] Архив МО СССР, ф. 202, оп. 5, д. 63, лл. 20—21.

[2] В составе ВВС фронта имелось 159 самолетов.

западнее Мглин, Унеча получили задачу наступать на Мглин — Унеча с запада.

Всем командирам и штабам приказывалось вести разведку для установления группировки противника.

Задача, поставленная армиям, полностью выполнена не была. Штаб 13-й армии, к сожалению, не всегда имел связь с частями, и командование не смогло в достаточной степени влиять на ход операции.

Несмотря на благоприятную для действий конницы обстановку, не оказала помощи и 55-я кавалерийская дивизия, направленная в рейд по тылам противника. Ее действия были нерешительными и не принесли желаемого успеха.

ГЛАВА 5

УДАР ПО ТАНКОВОЙ ГРУППЕ ГУДЕРИАНА

(Схема 4)

19 августа противник продолжал активное выдвижение танков и моторизованных колонн в направлении Рославль — Брянск и на юг в направлении Мглин — Унеча — Стародуб. К исходу 20 августа немцы новыми частями вышли на линию Пеклина — Стародуб — Почеп. С занятием района Мглин — Унеча — Стародуб создавалась угроза полного окружения 13-й армии в районе Высокое — Стародуб — Унеча. Кроме того, гитлеровцы развернули наступление на Почеп. В создавшейся обстановке мы вынуждены были принять следующее решение: только что прибывшие части 307-й и 282-й стрелковых дивизий выдвинуть на рубеж р. Десна для обеспечения сосредоточения остальных прибывающих войск, предназначенных для формирования 3-й армии. Предполагалось через 5—6 дней перейти в общее наступление, нанося главный удар с фронта Жуковка — Почеп в направлении Сураж — Гомель силами десяти стрелковых, одной кавалерийской и двух танковых дивизий, а вспомогательный удар — на Стародуб силами пяти — шести дивизий.

Однако наступательная операция, как я и доложил в Генеральный Штаб, могла быть успешной лишь при условии тесного взаимодействия с Резервным фронтом, которому, по моему мнению, надлежало выступить на один — два дня раньше Брянского фронта при под-

держке всей авиации Западного и Брянского фронтов, после чего вся авиация переключилась бы на Брянский фронт. Центральный фронт в период наступления Резервного и Брянского фронтов должен был осуществлять жесткую оборону.

21 августа противник продолжал активизировать свои действия. На направлении Рославль — Жуковка сосредоточивались части 47-го механизированного корпуса противника (18-я и 17-я танковые и 29-я механизированная дивизии). В то же время немцы силой до 300 танков и двух полков мотопехоты повели наступление на Почеп и к исходу дня овладели им. Положение на правом крыле фронта и в центре становилось все более угрожающим.

23 августа войскам фронта был отдан приказ № 03[1], предписывавший 50-й армии прочно оборонять занимаемый ею рубеж западнее Брянска, а 13-й армии удерживать рубеж Почеп, восточный берег р. Судость, Погар, Борщево, Лужки, захватить Стародуб и иметь в нем не менее усиленного стрелкового полка.

Разгорелись упорные бои в районе Погар — Стародуб. Прорвавшийся противник был отбит от Почепа на рубеж Красный Рог, Пьяный Рог, понеся при этом большие потери.

13-й армии не удалось овладеть Стародубом и Унечей, так как гитлеровцы имели там значительные силы и занимали выгодные позиции по реке Судость.

Во время этих боев отлично действовали наши летчики. Помню такой случай. Во время налета нашей авиации на колонны противника один самолет СБ был подожжен зенитной артиллерией противника. Тогда летчик направил горящий самолет в скопление вражеских бронеавтомашин и, врезавшись в него, уничтожил несколько машин. Командир этого самолета сержант Сковородин, летнаб лейтенант Ветлужский и стрелок-радист младший сержант Черкашин погибли смертью героев. Всем им было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Захваченные в боях 23 августа пленные показали, что 3-я немецкая танковая дивизия, занявшая Старо-

---

[1] Архив МО СССР, ф. 202, оп. 5, д. 63, лл. 45—48.

дуб, имеет задачу наступать на юг для соединения с группой генерала Клейста. 4-я танковая дивизия, судя по тем же показаниям, должна была наступать правее, параллельно 3-й танковой дивизии. Эти показания пленных подтвердились 25 августа данными авиационной разведки, которая обнаружила мотомеханизированную колонну противника (более 500 машин), двигавшуюся по шоссе Унеча — Стародуб и далее на юг. Авиация нашего фронта успешной бомбардировкой нанесла этой колонне большие потери.

Одновременно с движением на юг противник активно действовал в районе Почеп. Гитлеровцы сильной атакой танков и мотопехоты потеснили левофланговые части 260-й стрелковой дивизии. Здесь было обнаружено не меньше 100 танков и машин с мотопехотой.

Из действий противника в этом районе я сделал вывод, что противник сильными передовыми частями, поддержанными мощными танковыми средствами, ведет активную разведку, имея, возможно, целью в ближайшее время нанести удар на Брянск. Однако гитлеровцы не нанесли этого удара. По-видимому, они узнали, что на подступах к Брянску мы создали оборону, состоявшую из трех оборонительных полос, усиленную противотанковыми рвами. Отказавшись от наступления на Брянск, немцы повернули 47-й танковый корпус на Трубчевск, обеспечивая тем самым удар 24-го танкового корпуса на Новгород-Северский.

Ставка Верховного Главнокомандования ориентировала нас, что главная группировка Гудериана нацелена против правого фланга Брянского фронта, то есть против 217-й и 279-й стрелковых дивизий 50-й армии. В разговоре со мной 24 августа товарищ Шапошников предупредил, что этого удара нужно ждать уже завтра или послезавтра, и указал на необходимость принятия срочных мер по усилению обороны угрожаемого направления.

Однако предположение об ударе противника по правому флангу фронта не оправдалось. Противник повел наступление на юг, частично захватывая наш левый фланг. Этот серьезный просчет Генерального Штаба поставил нас в крайне тяжелое положение.

В действительности же, как стало известно впоследствии, Гитлер отдал 21 августа следующий приказ:

«Предложение ОКХ[1] от 18 августа о развитии операций в направлении на Москву не соответствует моим планам.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Важнейшей целью до наступления зимы считать не захват Москвы, а захват Крыма, индустриального и угольного района Донбасса и лишение русских доступа к кавказской нефти; на севере важнейшей целью считать блокирование Ленинграда и соединение с финнами.

2. Исключительно благоприятная оперативная обстановка, которая сложилась благодаря достижению нами линии Гомель, Почеп, должна быть использована для того, чтобы немедленно предпринять операцию, которая должна быть осуществлена смежными флангами групп армий «Юг» и «Центр». Целью этой операции должно явиться не простое вытеснение 5-й армии русских за линию Днепра только силами нашей 6-й армии, а полное уничтожение противника до того, как он достигнет линии р. Десна, Конотоп, р. Сула. Это даст возможность группе армий «Юг» занять плацдарм на восточном берегу Днепра в районе среднего течения, а своим левым флагом во взаимодействии с группой армий «Центр» развить наступление на Ростов, Харьков.

3. Группа армий «Центр» должна, не считаясь с дальнейшими планами, выделить для осуществления указанной операции столько сил, сколько потребуется для уничтожения 5-й армии русских, оставляя себе небольшие силы, необходимые для отражения атак противника на центральном участке фронта.

4. Овладеть Крымским полуостровом, который имеет первостепенное значение для беспрепятственного вывоза нами нефти из Румынии...»[2].

Результатом этого приказа и явились изменения в направлении действий войск противника.

Ставка и командование фронта в то время не имели сведений об изменении направления удара группы армий «Центр» на юг. Об этом свидетельствуют переговоры между штабом фронта и Ставкой, состоявшиеся 24 августа 1941 г. В ходе переговоров нам сообщили о том, что

---

[1] Главное командование сухопутных войск.

[2] Г. Гудериан. Воспоминания солдата, стр. 194.

фронт будет усилен самолетами У-2, ТБ-3 и Пе-2, а также двумя бригадами и двумя батальонами танков. Это было очень ободряющее сообщение.

Главной темой переговоров был вопрос о расформировании Центрального фронта. Ставка сообщила, что в связи с расформированием этого фронта войска 21-й и 3-й армий объединяются управлением 21-й армии (командующим назначался генерал Кузнецов В. И.). Эта армия передавалась в состав Брянского фронта, причем Ставка обещала послать пополнение для 21-й армии в количестве 27 тысяч человек. Бывший командующий Центральным фронтом генерал-майор Ефремов назначался моим заместителем.

Мы согласились со всеми предложениями Ставки, хотя управление 21-й армией было крайне затруднено в связи с ее большой удаленностью. Одновременно мы просили, чтобы управление 3-й армии, остававшейся без войск, было также передано Брянскому фронту для формируемой новой армии. Эту армию мы поставили на участке между 50-й и 13-й армиями, подчинив ей по две фланговых дивизии от каждой из этих армий. Мы просили также ускорить назначение командующим 13-й армией генерал-майора Городнянского А. М. (командира 129-й стрелковой дивизии), а командующим 3-й армией — генерал-майора Крейзера Я. Г. (командира 1-й Московской мотострелковой дивизии). Свою просьбу мы мотивировали тем, что оба генерала проверены в боях на Западном фронте и показали себя волевыми начальниками. Ставка с нами согласилась.

В заключение переговоров я дал высокую оценку действий штурмовиков Ил-2, недавно поступивших в наше распоряжение, но уже отлично проявивших себя, и заверил Ставку, что фронтом будет предпринято все возможное, чтобы нанести серьезное поражение войскам Гудериана.

Как видно из этих переговоров, Ставка предприняла расформирование Центрального фронта, оборонявшего тот участок, на который, как выяснилось позже, противник переносил направление главного удара. Последующее развитие событий показало, что с расформированием этого фронта, по-видимому, поспешили. Справедливости ради нужно сказать, что Ставка часто советовалась с командованием фронтов, сделала она это и сейчас, пра-

вда, уже после принятия решения. Мы согласились с этими предложениями, так как тоже не знали об изменении направления удара врага. По-видимому, Ставка Верховного Главнокомандования не получила сведений об этом и позднее. Об этом, в частности, свидетельствует ее директива от 30 августа о наступлении войск Брянского и Резервного фронтов, которой предусматривался удар 50-й армии на Рославль.

Здесь уместно отметить, что отдельные историки считают, что Брянский фронт 16 августа был создан Ставкой якобы в предвидении возможного развития наступления врага в направлении Чернигов, Конотоп, Прилуки. Это толкование искажает реальные исторические факты. Общеизвестно, что по плану «Барбаросса» гитлеровцы стремились как можно быстрее овладеть Москвой, нанося удар на смоленском направлении. Но упорное сопротивление и контрудары наших войск в районе Смоленска, Ярцево, Ельни заставили врага оттянуть танковую группу Гудериана несколько южнее с целью захватить Брянск. Ставка своевременно поняла этот замысел и весьма обоснованно решила создать Брянский фронт с задачей — прикрыть с юга Московский стратегический район, не дать гитлеровцам возможности прорваться через Брянск на Москву и нанести им поражение. Эта задача была поставлена мне устно Верховным Главнокомандующим при моем назначении командующим Брянским фронтом. Именно эта задача подчеркивалась Ставкой и в последующих ее директивах. Таким образом, приведенное выше мнение об иной задаче фронту совершенно не соответствует действительности. К сожалению, на основании этого домысла, хотя и намеком, командование Брянского фронта упрекается в том, что оно допустило поворот и удар вражеской группы армий «Центр» на юг.

Войска Брянского фронта, действовавшие против Гудериана, за исключением 50-й армии, которая по указанию Ставки наступала в северном направлении на Рославль, были малочисленны (войска противника, совершавшие поворот на юг — 2-я армия и танковая группа Гудериана, имели многократное превосходство и сильной группировкой прикрывали направление на Брянск). Несмотря на это, выполняя приказ Ставки, войска фронта продвинулись на 10—12 км и к 12 сентября вышли на рубеж: восточный берег р. Десна, Рековичи, Столбы, Дмит-

рово, восточный берег р. Судость до Зноби и далее по восточному берегу р. Десна. Даже если бы войска фронта успешно продвинулись и дальше еще на 30—50 км (на что потребовалось бы дополнительно 6—8 суток, то есть примерно до 20 сентября), это ничего не дало бы, так как противник уже к 15 сентября вышел в тыл к войскам Юго-Западного фронта. Кроме того, наступление противника с поворотом на юг развернулось на фронте более 200 км. Что в этих условиях могли сделать ослабленные 3-я и 13-я армии? Они героически дрались с врагом и хорошо взаимодействовали друг с другом и с поддерживающей их авиацией.

Забегая несколько вперед, мы можем сказать, что войска Брянского фронта добросовестно выполнили основную задачу, поставленную перед ними Ставкой, — не допустить прорыва группы Гудериана через Брянск на Москву. В результате задержки продвижения этой группы на брянско-московском операционном направлении враг упустил благоприятный момент для удара на Москву. Действия Брянского фронта вместе с упорными оборонительными боями и контрударами Западного и Резервного фронтов в районах Смоленска, Белого, Ярцева, Ельни и других заставили Гитлера изменить свой план наступления и вместо немедленного удара на Москву нанести удар на юг.

Поворот Гитлером главных сил с московского направления на Украину, по-видимому, объясняется еще и тем, что он, видя, что план молниеносной войны срывается и война может принять затяжной характер, потребовать дополнительных ресурсов, пошел за этими ресурсами на Украину.

Войска Брянского фронта выполнили и другую задачу, поставленную им Ставкой в связи с создавшейся обстановкой, а именно: осуществили крупную наступательную операцию с перевернутым фронтом и вышли из окружения. В ходе этой операции противник понес значительные потери в технике и людях, что вызвало упадок морального духа в фашистских войсках, даже среди высшего офицерского состава. Вот что пишет об этом Гудериан, рассказывая о встрече со своим любимцем — командиром танковой бригады полковником Эбербахом: «Возвратившись в Орел (8 октября. — А. Е.), я встретил там полковника Эбербаха, который... доложил мне о ходе последних боев. Впервые со времени начала кампании у Эбербаха

был усталый вид, причем чувствовалось, что это не физическая усталость, а душевное потрясение. Приводил в смущение тот факт, что последние бои так сильно подействовали на наших лучших офицеров»[1].

Здесь следует сказать об одном обстоятельстве, которое облегчило наступление противника на юг. За левой границей Брянского фронта, проходившей по линии Новгород-Северский — Могилев, на правом крыле Центрального фронта, в результате больших потерь и отхода наших армий образовался разрыв в 30—40 км. Противник воспользовался этим и 26 августа начал оказывать давление на левый фланг 13-й армии Брянского фронта и правый фланг 21-й армии Центрального фронта, которая предназначалась для передачи в состав Брянского фронта, но еще не была им принята. По указанию Ставки на угрожаемое направление должна была к 15 августа выйти из района Конотоп 40-я армия. 40-я армия, выдвигаясь в назначенный район, вступила в бой с противником и не смогла закрыть образовавшийся разрыв.

В эти же дни пехота противника при поддержке танков повела наступление на левый фланг 50-й армии на Почеп, а не на правый, как нас ориентировала Ставка. С 24 по 30 августа велись напряженные бои на всем фронте 13-й армии и на левом крыле 50-й армии. У Брянского фронта начался период ожесточенных боев с одной из сильнейших танковых групп противника — группой Гудериана.

В этот период хорошо действовала авиация фронта, усиленная за счет резервов Главного Командования. Кроме того, к 28 августа фронту была подчинена резервная авиационная группа Главного Командования. Приведу здесь переговоры со Ставкой по этому вопросу.

«У аппарата Сталин. Здравствуйте. Я вызвал вас на две минуты. В районе Богодухова, северо-западнее Харькова, стоит резервная авиагруппа Главного Командования № 1. В группе четыре полка. Командир группы полковник Трифонов Д. М. Она в моем подчинении. Свяжитесь с командиром группы и передайте ему от меня, что он с его авиагруппой с сегодняшнего дня, то есть с 27 числа, переходит в ваше распоряжение. Вам что-нибудь известно об этой авиагруппе? У меня нет для вас никаких указаний. Вы сами знаете, что нужно де-

[1] Г. Гудериан. Воспоминания солдата, стр. 225.

лать. Пойду передам приказ командиру авиагруппы Трифонову, что он временно поступает в ваше подчинение. Желаю успеха. Всего хорошего».

«Здравствуйте, товарищ Сталин. Слушаю вас. Об этой группе я ничего не знаю. Сейчас установлю с ней связь через Генеральный Штаб и самолетом, использую ее на новгород-северском — стародубском направлениях для того, чтобы совместно с авиацией фронта и контрударом наземных войск уничтожить стародубско-новгородскую группу противника, а завтра с утра шестью дивизиями наношу концентрический удар на Стародуб. Мне ясно все насчет авиации. Какие еще будут указания? У меня вопросов нет. До свидания, товарищ Сталин» [1].

Небезынтересно здесь показать, как усилились действия авиации на Брянском фронте после перехода к нам «богодуховской авиагруппы».

Так, 27 августа было произведено всего 100 самолето-вылетов, из них: на бомбометание — 38, прикрытие и патрулирование — 34, на разведку — 16, штурмовые действия — 12. При налете на мотомехколонны противника в районе Новгород-Северский уничтожено до 15 танков и 21 автомашина. В воздушных боях сбито 3 самолета противника.

С утра 28 августа 47-й танковый корпус противника, действовавший ранее на фронте 50-й армии, силами 17-й и 18-й танковых дивизий, 29-й мотодивизии и двух бронетанковых отрядов повел наступление в общем направлении на Трубчевск и южнее, нанося концентрические удары главными силами на Почеп — Семцы — Мосточная, охватывая южный фланг фронта у Погар, Трубчевск, и вспомогательные удары — в направлении на ст. Знобь.

К этому времени части 13-й армии, отходившие на Унеча — Стародуб для занятия обороны в составе Брянского фронта на рубеже Почеп, южнее Стародуб, завязали на р. Судость бои с танковыми дивизиями противника. Не выдержав натиска противника и понеся значительные потери, части 13-й армии начали отходить за р. Десна.

29 августа был отдан боевой приказ № 07 [2]. В нем

[1] Архив МО СССР, ф. 202, оп. 5, д. 63, л. 82.
[2] Там же, лл. 93—95.

50-й армии, которая вела ожесточенные бои в районе Почеп, предписывалось удерживать прежние рубежи. 13-я армия получила задачу нанести контрудар в направлении Погар, Воронюк. Контрудар наносился по боевым порядкам танковых групп портивника, наиболее вклинившимся в нашу оборону. Фронтовая авиация 29, 30 и 31 августа прикрывала выдвижение войск, наносящих контрудар, и в дальнейшем должна была взаимодействовать с ними. Три дивизии 13-й армии, наносившие контрудар, вначале имели успех, а затем были опрокинуты и начали отход.

Подвижная группа фронта (108-я танковая дивизия, 141-я танковая бригада и 4-я кавалерийская дивизия), только что созданная, была введена на правом фланге 13-й армии, нанесла удар в общем направлении на Погар с целью уничтожения прорвавшегося противника и вступила в бой с его танками, предотвратив разгром и неорганизованный отход 13-й армии за р. Десна, а также оставление нашими войсками Трубчевска. Действия подвижной группы фронта, только что выгрузившейся из эшелонов, дали возможность частям 13-й армии привести себя в порядок, после чего они были повернуты обратно для участия в боях совместно с нашими танковыми частями.

ВВС фронта, используя каждый летный день, наносили противнику большие потери. Так, за 30—31 августа, т. е. после переподчинения группы Трифонова, было совершено уже около 1500 самолето-вылетов, сброшено 4500 различных бомб, уничтожено более 100 танков, более 800 автомашин, 180—200 повозок, 20 бронемашин, склад горючего, замечено 40 пожаров в колоннах противника, сбито и уничтожено 55 самолетов (наши потери — 42 самолета) [1]. В конце контрудара действия авиации тесно увязывались с действиями наземных войск западнее Трубчевска и оказали им значительную поддержку.

Начало контрудара лишило противника возможности развить свой первоначальный успех, и он вынужден был втянуться в ожесточенные танковые бои. Соединения, наносящие контрудар, врезались в боевые порядки противника на 7—8 км. Обстановка необычайно осложни-

[1] Архив МО СССР, ф. 202, оп. 5, д. 63, л. 83.

лась: линия фронта поломалась, боевые порядки перемешались, развернулись ожесточенные бои между колоннами, бои с перевернутым фронтом, с фланговыми ударами и т. д. Семь суток длилось это сражение, в конечном счете его выиграли наши войска. Противнику были нанесены тяжелые потери, и ему не удалось прорваться к Трубчевску.

В этом сражении, которое достигло высшего ожесточения 31 августа в районе 20 км западнее Трубчевска, участвовало со стороны противника до 500—600 танков и с нашей стороны — до 250—300. Противник потерял в этом районе несколько тысяч солдат и офицеров и не менее 200 танков.

Враг, стремившийся изо всех сил захватить Трубчевск, чтобы обезопасить свой фланг при наступлении на юг и, главное, подготовить условия для последующего удара на столицу, не смог выполнить своей задачи. Частный контрудар Брянского фронта помешал этому. Правда, на участке 13-й армии в районе ст. Знобь немцам удалось переправить одну мотодивизию через р. Десна, но контратакой наших войск она была отброшена обратно за реку и частично уничтожена.

Здесь уместно привести описание событий этих дней их непосредственным участником — генерал-полковником Гудерианом в книге «Воспоминания солдата»: «29 августа крупные силы противника при поддержке авиации предприняли с юга и запада наступление против 24-го танкового корпуса. Корпус вынужден был приостановить наступление 3-й танковой дивизии и 10-й мотодивизии.

4-я танковая дивизия, выполнив свою задачу по очистке от противника западного берега р. Судость, была подтянута к 3-й танковой дивизии в район Новгород-Северский. После личного ознакомления с обстановкой перед фронтом 24-го танкового корпуса и в 3-й и 4-й танковых дивизиях я решил поставить 24-му танковому корпусу задачу на 30 августа — устранить угрозу нашему флангу справа, а на 31 августа — продолжать наступление в направлении на юго-запад; 47-му танковому корпусу — наступать по восточному берегу р. Судость, а затем продолжать наступление вдоль р. Десны на Новгород-Северский.

К 31 августа предмостный плацдарм на р. Десна был значительно расширен; 4-я танковая дивизия перешла через Десну.., но в результате стремительной контратаки русских была отброшена обратно на противоположный берег; крупные силы противника наступали также и на ее правый фланг. Введением в бой последних сил — личного состава хлебопекарной роты — с большим трудом удалось избежать катастрофы на правом фланге. В полосе действий 47-го танкового корпуса русские наступали из района Трубчевск на запад и на северо-запад силами 108-й танковой бригады, а начиная с 1 сентября также силами 110-й танковой бригады, сильно потеснив стойко державшиеся части 17-й танковой дивизии»[1].

Далее Гудериан довольно подробно рассказывает о том, как он, напуганный нашим активным противодействием его намерениям, поспешно запросил подкрепления.

Эти настойчивые требования помощи, не без основания расцененные гитлеровской ставкой как панические, а также и провал наступления на Трубчевск принесли Гудериану много неприятностей, и он, хотя с тех пор прошло уже более десяти лет, не может вспоминать о них без горечи и стыда.

Пытаясь задним числом оправдать свои неудачи, Гудериан пишет о численном превосходстве наших войск и техники, хотя в действительности превосходство было на стороне немецко-фашистских войск.

30 августа, когда еще шли бои в районе Почеп — Трубчевск, мы получили приказ Ставки о проведении общего контрудара против войск армейской группы Гудериана, действовавших перед Брянским фронтом.

Войскам Брянского фронта предписывалось перейти в наступление и нанести удары в направлении Рославль и Стародуб, уничтожить группировку противника в районе Почеп.., Новгород-Северский, Новозыбков. В дальнейшем развивать наступление в общем направлении на Кричев, Славгород (Пропойск) и к 15.9 выйти на фронт: Петровичи, Климовичи, Белая Дубрава, Гута-Корецкая, Новозыбков[2].

---

[1] Г. Гудериан. Воспоминания солдата, стр. 198—199.
[2] Архив МО СССР, ф. 202, оп. 5, д. 63, лл. 113—116.

Это было не лучшее решение в той обстановке, ибо одновременное нанесение двух ударов на правом и левом крыле распыляло силы фронта, и без того уже ослабленные предыдущими боями. Кроме того, сам по себе удар на Рославль в тот момент не имел никакого оперативного значения. Обстановке более соответствовало сосредоточение главных сил для нанесения одного удара по главным силам Гудериана, точнее по флангу его главной группировки, как предлагало командование фронта. Я упорно отстаивал наше предложение о нанесении одного, но мощного удара, однако Ставка с этим, к сожалению, не согласилась, а приняла предложение командующего Резервным фронтом, который как раз считал необходимым нанести удар 50-й армией Брянского фронта на Пеклина, Рославль. То, что Ставка с этим согласилась, видно из вышеприведенной директивы. Повторяю, если бы те четыре стрелковые дивизии да еще резервная дивизия, которые действовали на правом фланге 50-й армии и наносили удар в интересах Резервного фронта на Рославль, были использованы на левом фланге 50-й армии и нанесли удар совместно с 3-й армией на Стародуб, сложилось бы совершенно другое соотношение сил.

В соответствии с приказом Ставки 31 августа был разработан план операции по срокам на период с 30 августа по 15 сентября с задачей уничтожить части танковой группы Гудериана, действовавшие перед Брянским фронтом. Удар предстояло нанести в двух направлениях: на рославльском — с задачей уничтожения противника в районе Жуковка — Дубровка и на юго-западном — на Стародуб с задачей уничтожения противника в районе Почеп, Стародуб — Новгород-Северский.

Для нанесения контрудара в направлении на Рославль 50-й армией была создана группировка в составе четырех стрелковых дивизий, одной танковой бригады и отдельного танкового батальона. 3-я армия ударной группировкой в составе четырех дивизий, из которых были уже задействованы одна танковая и одна кавалерийская, должна была перейти в наступление в направлении на Почеп. 13-я армия ударной группировкой в составе четырех ослабленных в предыдущих боях дивизий, одной танковой бригады наступала в общем направлении Погар, Стародуб.

Общий контрудар Брянского фронта начался 2 сентября и длился до 12 сентября, а частный контрудар на левом фланге, о котором речь шла выше, не прекращаясь, как бы «врос» в этот общий контрудар. Бои на всем фронте приняли ожесточенный характер. Противник вынужден был дополнительно подтянуть против 3-й и 13-й армий моторизованный корпус, а против 50-й армии выдвинуть пехотные дивизии 4-й армии.

Ударная группировка 50-й армии сразу же натолкнулась на упорную оборону противника и завязала тяжелые бои с частями 34, 31 и 78-й пехотных дивизий.

13 сентября наши наступающие войска закрепились на достигнутых рубежах по всему фронту и произвели перегруппировку, готовясь к новым контрударам на отдельных направлениях. Хотя мы и не достигли рубежей, указанных в приказе, тем не менее контрудар дал положительные результаты. Войска фронта в ходе контрудара продвинулись в среднем на 10—12 км, а в отдельных местах значительно больше. Они заняли рубеж: Фроловка, восточный берег р. Десна, Рековичи, Столбы, Дмитрово, восточный берег р. Судость до Знобь и далее по восточному берегу р. Десна. К 15 сентября 50-я и 3-я армии перешли к обороне. Положение их окончательно стабилизировалось. Укрепляя свои рубежи, войска вели разведку и отражали попытки противника перейти в наступление.

Хвастливая немецко-фашистская печать еще 3 сентября объявила о захвате Брянска войсками танковой армии Гудериана. Однако в действительности ни на рославльско-брянском, ни на почеп-брянском, ни на трубчевско-брянском направлениях немецко-фашистским войскам, несмотря на их огромное превосходство в танках, бронемашинах, мотопехоте и тактической авиации, не удалось достигнуть сколько-нибудь заметных успехов. Брянска они не только не взяли, но, напротив, под ударами Брянского фронта с большими потерями откатились с занимаемых на этом направлении позиций и оказались в 60 км от Брянска.

Общие потери немцев к концу операции составляли около 20 тысяч убитыми, ранеными и пленными. Наши войска уничтожили до 300 немецких танков, около 1000 автомашин, до 200 самолетов. Большое количество станковых и ручных пулеметов, минометов и несколько тысяч винтовок было захвачено нами в виде трофеев.

Пленные 10-й и 11-й рот 107-го пехотного полка противника показали, что перед боем в ротах было по 160 солдат и по 5 офицеров. 8 и 9 августа, по словам пленных 11-й роты, в ротах осталось лишь по 60 солдат и по 3 офицера, а 12 августа — уже по 30 солдат (и ни одного офицера).

6 сентября 21-ю армию, пробывшую в составе Брянского фронта 10 дней, передали Юго-Западному фронту. И действительно, ею было очень трудно управлять не только в связи с большой отдаленностью от штаба фронта, но и потому, что все ее тылы находились в полосе Юго-Западного фронта.

10 сентября между Брянским и Юго-Западным фронтами образовалась брешь до 60 км, совершенно ничем не прикрытая. Этот участок был «прирезан» Брянскому фронту, хотя Ставка знала, что у нас нет решительно никакой возможности хоть чем-нибудь его заполнить. Правда, Маршал Советского Союза Шапошников сообщил, что Ставка решила предоставить в наше распоряжение 2-й кавалерийский корпус, но он мог прибыть к нам лишь через несколько дней, но так и не прибыл.

Разрыв между фронтами позволил противнику начать продвижение на восток — на Курск и на юг — на Конотоп. Я решил уничтожить группировку противника в районе Кролевец и не допустить его дальнейшего распространения на Шостку. Началась переброска войсковых частей на левое крыло фронта. Здесь был спешно организован Рыльский боевой участок группы полковника Акименко в составе 127-й и 160-й стрелковых дивизий (последняя только что сформировалась). Группа Акименко[1] развернулась левее недавно созданной группы генерала Ермакова (21-я, 55-я кавалерийские дивизии, 121-я, 150-я танковые бригады и 183-я стрелковая дивизия). Все эти соединения были малочисленны. В танковых бригадах имелось всего по 20 танков. В дальнейшем обе группы были объединены в одну под командованием Ермакова (схема 5).

---

[1] В составе этой группы впоследствии действовала 2-я гвардейская дивизия, бывшая 127-я стрелковая; она получила право именоваться гвардейской в числе первых четырех дивизий Советской Армии. (Приказ Верховного Главнокомандующего № 308 от 18.9.41 г. Архив МО СССР, ф. 202, оп. 5, д. 63, л. 307.)

Генерал-майор Ермаков А. Н. являлся заместителем командующего фронтом и в то же время возглавлял эту группу. В неимоверно тяжелых условиях, проявляя много инициативы и настойчивости, генерал Ермаков зарекомендовал себя одаренным командиром и человеком большой личной храбрости. Одновременно следует сказать и о полковнике Акименко А. З., группа которого действовала левее, а впоследствии влилась в группу Ермакова. Тов. Акименко вложил много труда, энергии, организаторского умения и мужества, чтобы обеспечить надежную оборону на участке группы, ширина которого была просто непомерной для ее малочисленных частей.

Подтягивание резервов противника в район Рославля и его непрерывная активность на левом крыле фронта — Глухов — Ямполь — приковали наше внимание. Мы решили подготовить группу генерала Ермакова к контрудару для отражения противника, готовившегося перейти в наступление крупными танковыми и моторизованными частями. 28 сентября был отдан приказ [1]. Он требовал, чтобы все войска перешли к обороне, создали сильные противотанковые и противопехотные заграждения. В отдельных случаях с разрешения командования фронта допускались контратаки для улучшения тактического положения.

В течение 28 и 29 сентября было отмечено большое оживление противника и движение его колонны в направлении Глухов — Шостка на северо-восток. Численность колонны достигала 250—300 машин. Было установлено, что противник готовится перейти в наступление. Чтобы сорвать это наступление, группе Ермакова было приказано 30 сентября нанести контрудар. Однако противник упредил группу Ермакова, перейдя в наступление на два часа раньше.

Здесь появились уже известные нам части противника: 18-я и 17-я танковые дивизии, 29-я и 10-я мотодивизии и другие соединения и части из армии Гудериана. По показаниям пленных и данным агентурной разведки, 17-я и 18-я танковые дивизии, получившие сильный удар в танковом сражении под Трубчевском, были частично переформированы и пополнены материальной частью и

---

[1] Приказ № 0182 от 28.9.41 г. Архив МО СССР, ф. 202, оп. 5, д. 63, лл. 379—382.

людьми для того, чтобы предпринять новую попытку пробиться к Москве.

Подводя краткий итог боевой деятельности войск Брянского фронта за период с 14 августа по 30 сентября 1941 года, следует сказать, что контрудары и контратаки войск фронта, особенно контрудар в районе Трубчевска, позволили нашим войскам выиграть ценное время для подготовки сил и средств к новым решающим схваткам на московском стратегическом направлении. Вместе с тем гитлеровцам были нанесены значительные потери, ослабившие мощь их ударных группировок.

Здесь следует сказать, что удары врага южнее Трубчевска мы в то время расценивали как стремление противника прорваться к Москве и овладеть ею еще летом 1941 года.

По свидетельству генерала Гудериана, 4 августа в штабе группы армий «Центр», размещавшемся в Борисове, Гитлер созвал совещание высшего командного состава вермахта.

Все присутствовавшие на совещании генералы единодушно заявили о необходимости развивать наступление на Москву. Наиболее рьяным сторонником этого плана был Гудериан.

Гитлер проявил тогда колебания: ему хотелось заполучить богатства Украины и занять Крым, который он считал естественным авианосцем Советской Армии в ее борьбе против использования Германией румынской нефти, и вместе с тем он не прочь был безотлагательно промаршировать к советской столице.

На этом совещании вопрос о направлениях дальнейших ударов немецко-фашистских войск так и не был окончательно решен[1]. Это дало возможность верхушке фашистской военщины, боявшейся затягивания войны и полагавшей, что захват нашей столицы принесет окончательную победу, изо всех сил приняться за форсирование

[1] Об этом совещании командованию фронта в свое время стало известно в связи с тем, что в сбитом немецком самолете были обнаружены документы подполковника Лебеля, среди которых имелась запись выступления генерала Гудериана на совещании в Борисове. Вот выдержка из этого документа: «Гудериан (дальше неразборчиво)... Рославль. Дальнейшее заполнение прорыва с ударом на Москву. 2-й танковой группе правым крылом через Брянск, цель — Курск, первой танковой группе дальше на юго-восток»... (Архив МО СССР, ф. 202, оп. 5, д. 63, л. 218).

подготовки удара на Москву из района действий Брянского фронта.

Гудериан пишет: «Возвратившись с совещания, я решил на всякий случай приступить к подготовке наступления на Москву»[1]. И далее: «...Своему штабу я поставил задачу готовить наступление на Москву с таким расчетом, чтобы танковые корпуса имели возможность действовать на правом фланге, наступая вдоль московского шоссе, а пехотные корпуса наступали бы в центре и на левом фланге.

Я намеревался основной удар нанести своим правым флангом и, прорвав довольно слабый в это время фронт русских на данном участке, двигаться вдоль московского шоссе по направлению на Спас-Деменск и Вязьму, способствуя тем самым продвижению группы Гота, а затем развивать наступление на Москву. Увлеченный этими своими планами, я категорически воспротивился выполнить требование ОКХ, полученное мною 6 августа, которое заключалось в том, чтобы направить свои танковые дивизии для наступления на Рогачев, расположенный у Днепра, далеко позади занимаемой мною линии фронта...[2].

...До настоящего времени (до 11 августа. — **А. Е.**) все мероприятия, осуществленные моей танковой группой, исходили из нашего представления о том, что как командование группы армий, так и ОКХ считают наступление на Москву наиболее решающей операцией. Я все еще надеялся на то, что, несмотря на результаты совещания в Борисове 4 августа, Гитлер в конце концов все же согласится с этим, как мне казалось, наиболее разумным планом»[3].

И в дальнейшем до последней декады августа немецко-фашистские генералы пытались склонить Гитлера продолжить осуществление плана по захвату Москвы, подготавливая для этого необходимые условия, в частности обеспечив правый фланг своей группировки, предназначенной для наступления на Москву, в районе Брянска. Этим и можно объяснить упорство, с которым гудериановские войска наседали на Почеп, Стародуб, Трубчевск.

Если бы эти войска добились здесь тогда ощутимых

---

[1] Г. Гудериан. Воспоминания солдата, стр. 182.
[2] Там же, стр. 183.
[3] Там же, стр. 185.

успехов, то доклад Гудериана Гитлеру 23 августа о необходимости наступать не на Украину, а на Москву, возможно, имел бы у фюрера успех.

И в дальнейшем, наступая на Конотоп и Ромны, Гудериан все время оглядывался на север в надежде добиться там существенного успеха.

В тот период мы не могли иметь полных данных о планах противника. Поэтому наступление танковых войск Гудериана на юг в конце августа — начале сентября было воспринято нами прежде всего как маневр для удара во фланг Брянскому фронту.

Как известно, в образовавшийся прорыв между Брянским и Юго-Западным фронтами танковые и механизированные части Гудериана и войска 2-й армии противника нанесли удар на юг на широком фронте Чернигов — Конотоп и вышли в район Прилуки, Лохвица, где и соединились с наступающей к северу от Днепра группой генерала Клейста. После этого Гудериан получил возможность возвратиться к выполнению своей первоначальной задачи — наступлению в направлениях Брянск — Орел — Тула — Москва.

За весь полуторамесячный напряженный период боевых действий войска Брянского фронта: солдаты, командиры, политработники — показали себя отважными воинами. Они нанесли значительное поражение танковой армии Гудериана и удержали свои оборонительные позиции в районе Трубчевска и на брянском направлении, проявив в боях исключительный героизм и самоотверженность.

Целеустремленная партийно-политическая работа дала свои плоды. Войска стойко дрались. Коммунисты цементировали ряды воинов. Личный состав политорганов дивизий, армий и фронта во главе с начальником политуправления тов. Пигурновым все время находился в войсках, показывая пример преданности Родине.

7*

ГЛАВА 6

БОИ НА ОРЛОВСКО-КУРСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

(Схемы 5 и 6)

События, происходившие с 14 августа по 30 сентября, составили первый период боевых действий Брянского фронта.

С 1 октября начался второй период. К этому времени немецко-фашистские войска, имея значительные успехи на южном участке фронта и захватив Киев, нашли возможным все силы группы армий «Центр», значительно усиленной к этому времени, бросить на московское направление[1]. Трамплином для взятия советской столицы они считали район Брянск, Орел.

Чтобы овладеть как можно скорее этим трамплином, наступавшая здесь 2-я танковая группа под командованием Гудериана была пополнена и состояла теперь из семи пехотных, пяти танковых, четырех моторизованных и одной кавалерийской дивизий и одной моторизованной бригады.

На рославльском направлении против 50-й и 3-й армий действовали три армейских корпуса 2-й немецкой армии.

На 30 сентября положение войск армейской группы (с 6 октября 2-я танковая армия) Гудериана, по его собственному свидетельству, было следующее: «48-й танко-

---

[1] По свидетельству немецких источников, целью операции было: «Уничтожить последние боеспособные силы группы Тимошенко». На решение этой задачи предназначались $^{3}/_{4}$ германской армии. Гудериан. Воспоминания солдата, стр. 208.

вый корпус выступил из района Гадяч, Штеповка и направился через Недригайлов на Путивль...

24-й танковый корпус выступил из Глухова на Севск, Орел, имея впереди 3-ю и 4-ю танковые дивизии, за которыми следовала 10-я мотодивизия.

47-й танковый корпус (18-я и 17-я танковые дивизии) выступил из Ямполя, продвигаясь своим правым флангом в направлении на Севск.

29-я мотодивизия должна была следовать уступом влево на Средина Буда.

Оба корпуса (35-й и 34-й армейские корпуса. — **А. Е.**), на которые была возложена задача обеспечения флангов, выступили, двигаясь частью сил через Костобобр, частью через Ромны. 1-я кавалерийская дивизия располагалась на западном берегу р. Судость в районе севернее и южнее Погар»[1].

30 сентября противник, используя свое абсолютное превосходство в танках, нанес удар на левом крыле фронта, на недавно прирезанном фронту участке, в стыке 13-й армии и группы генерал-майора Ермакова. Главный удар наносили 47-й и 24-й танковые корпуса.

Части 13-й армии и группа генерала Ермакова завязали напряженные бои с превосходящими силами противника. К исходу 30 сентября войска 13-й армии вели упорные бои с мотопехотой и танками противника, наступавшими в направлении Севск — Суземка. Особенно сильное давление противник оказывал на левый фланг 13-й армии.

Группа генерала Ермакова к исходу дня под давлением превосходящих сил противника вынуждена была отходить на восток. Связь с генералом Ермаковым нарушилась. Командование фронта принимает ряд мер по отражению наступления противника.

Танковые и моторизованные части врага, развивая наступление, к вечеру 1 октября на участке 13-й армии уже заняли Средину Буду, а 25—30 танков прорвались на ст. Комаричи.

На участке группы Ермакова 24-й танковый корпус своими мотомехчастями и пехотой при поддержке 150 танков и 30—40 самолетов в 13.00 1 октября занял город Севск, отрезав группу Ермакова от 13-й армии. Вместе с тем создалась угроза охвата всего левого крыла

[1] Г. Гудериан. Воспоминания солдата, стр. 217—218.

Брянского фронта крупными силами танковых и механизированных соединений противника (здесь действовало со стороны врага около 500 танков). Из района Севска 24-й танковый корпус развил наступление на Орел — Тулу, 47-й танковый корпус — на Карачев — Брянск.

Несмотря на превосходство противника, командование фронта приняло решение ликвидировать прорвавшуюся группу противника ударом левого фланга 13-й армии с севера и группы Ермакова с юга. В течение четырех суток (2, 3, 4 и 5 октября) шли ожесточенные бои. Войска проявили большое упорство и храбрость, но продвинуться вперед не смогли. 13-я армия не сдала своих позиций, ведя бой на месте. Группа генерала Ермакова, отрезанная от 13-й армии, под давлением танковых дивизий вынуждена была отойти в направлении Амонь.

2 октября обстановка стала еще более напряженной. 2-я немецкая армия, перейдя в наступление, прорвала оборону в полосе правого соседа — 43-й армии Резервного фронта. Развив успех в стыке 43-й и 50-й армий, противник 5 октября захватил Жиздру, поставив под угрозу правый фланг и тыл 50-й армии. Было ясно, что части 2-й армии стремятся соединиться в районе Брянска с войсками 2-й танковой армии и окружить всю нашу брянскую группировку. На левом крыле фронта противник продолжал развивать наступление. Отразив в районе хут. Михайловского контрудар соединений 13-й армии, соединения 47-го и 24-го танковых корпусов противника 3 октября овладели Орлом, глубоко охватив войска Брянского фронта с востока.

Здесь следует сказать несколько слов об Орле. В тылу Брянского фронта на расстоянии 200—250 км от переднего края в Орле находился штаб Орловского военного округа. Командующим войсками округа был генерал-лейтенант Тюрин А. А. Он часто приезжал к нам для ознакомления с положением дел на фронте и в свою очередь информировал нас о мероприятиях по организации обороны города.

Таким образом, Тюрин отлично знал, что происходит на фронте, а мы имели основание считать, что знаем положение в глубоком тылу фронта. Территория Орла находилась за пределами района, отведенного Брянскому фронту. Ответственность за оборону Орла была возложена на Военный совет Орловского военного округа.

30 сентября, когда на левом крыле фронта противник прорвал нашу оборону, я сообщил об этом по ВЧ лично начальнику штаба Орловского округа (Тюрина в это время в городе не было). Одновременно дал ряд практических советов об использовании сил и средств, имевшихся в распоряжении округа для организации обороны города. Я знал, что в это время в Орле находились четыре артиллерийских противотанковых полка. Кроме того, в районе Орла сосредоточился гаубичный артиллерийский полк, который должен был перейти в подчинение фронта, но так как он был далеко от линии фронта и не успел прибыть к определенному сроку, я передал его Орловскому военному округу для усиления обороны города. В распоряжении штаба округа имелось также несколько пехотных частей, находившихся в самом городе.

Начальник штаба округа ответил мне по телефону, что обстановка им понятна и что оборону Орла они организуют как следует. Он заверил меня, что Орел ни в коем случае не будет сдан врагу.

Да и действительно было чем обороняться. Имелось пять артиллерийских полков, которые вполне могли отразить массированный удар танков противника.

Нужно отметить и еще одну деталь. Фронт все время получал из Орла бутылки с горючей смесью для поджога танков. Я знал, что части гарнизона получили около 10 000 таких бутылок для борьбы с танками противника, об этом мне говорил сам Тюрин.

Зная о наличии в Орле всех этих противотанковых средств и выслушав заверения начальника штаба о том, что оборона Орла организована неплохо, я был уверен, что город не будет сдан противнику.

На самом деле, однако, получилось иначе. 3 октября в Орел ворвались немецкие танки.

В руки врага попал важный административный центр, крупный узел железнодорожных и шоссейных дорог, ставший базой для дальнейших действий немецко-фашистских войск. Враг получил также возможность использовать отличную шоссейную дорогу.

4 октября 47-й танковый корпус противника занял Локоть и развил наступление на направлении Навля, Свень. Одновременно соединения противника повели наступление на Карачев. К утру 6 октября войска Брянского фронта, продолжавшие удерживать на западе свои

оборонительные рубежи, оказались обойденными с тыла. Противник занял все главнейшие коммуникации и отрезал войскам фронта все пути к его тылам. Для обороны Карачевского района с тыла командованием фронта была создана группа войск в составе 108-й танковой дивизии (20 танков) и 194-й стрелковой дивизии под командованием моего заместителя по тылу генерал-лейтенанта Рейтера М. А. и члена Военного совета по тылу бригадного комиссара Макарова В. Е.

Наступая на Карачев со стороны Орла, танковая группа противника вначале успеха не имела. Тогда она повернула на юг и двинулась лесными дорогами на Брянск. На это направление мы заблаговременно выслали разведку и прикрытие.

В 14.30 6 октября до 50 танков и пехота противника вышли в район командного пункта штаба фронта. Но, по-видимому, противник точно не знал местоположения командного пункта, и танки прошли мимо него на Брянск, лишь обстреляв его, а мотопехота, следовавшая за танками, была нами в большинстве своем уничтожена. На этом следует остановиться подробнее.

Накануне, 5 октября, я был на левом крыле фронта на участке 13-й армии и группы Ермакова. Там, между прочим, моя машина была загнана танками противника в болото, и мне, поскольку обстановка требовала немедленных переговоров с Москвой и принятия срочных решений, пришлось лететь в штаб фронта на самолете У-2 из района Локоть. Справа под давлением противника отходила 43-я армия Резервного фронта, и противник уже вышел на фланг и в тыл нашей 50-й армии, а на левом крыле фронта, где я в тот момент находился, нечем было сдержать удар нескольких танковых и моторизованных дивизий противника, направленный нам во фланг и тыл.

Прилетев в штаб фронта, я по прямому проводу доложил в Москву тов. Шапошникову обстановку и высказал свои соображения о целесообразности нанесения Брянским фронтом удара в восточном направлении с целью выхода на новый рубеж. По сути дела, это было бы наступление с перевернутым фронтом. Тов. Шапошников обещал сообщить через некоторое время решение Ставки по этому вопросу.

Ожидая этого решения, я всю ночь на 6 октября не спал, планировал и рассматривал все вопросы, связанные

с перегруппировкой. В 9 часов утра я лег немножко отдохнуть. Поспал два часа. Поднявшись, выслушал по телефону доклады о положении армий. Связь имелась со всеми армиями, кроме группы Ермакова. Еще накануне вечером я узнал из доклада одного командира-танкиста, что противник уже ворвался на южную окраину Карачева, но северная и западная окраины города еще удерживаются нашими войсками. Мост в городе был взорван, и противник не мог проникнуть по Брянскому шоссе из Карачева на Брянск. Я сразу же тогда дал приказание начальнику штаба фронта выслать разведку в район проселочной дороги, идущей параллельно Брянскому шоссе из Карачева на Брянск. Мне было доложено, что это приказание выполнено.

И вот в 14.30 6 октября танковая группа противника с мотопехотой, двигаясь лесными дорогами южнее и западнее Брянского шоссе, вышла на командный пункт штаба фронта, опередив нашу разведку и опрокинув прикрытие.

В маневренных условиях войны подвижные средства борьбы — танки, мотопехота и авиационные десанты — могут быстро проникать в глубину боевых порядков противника и осуществлять обход, охват и окружение. Поэтому совершенно не исключена возможность нападения противника на крупные штабы, даже на штабы армий и фронтов, и не потому, что кто-то «прошляпит», — это тоже бывает, а в большинстве случаев потому, что командующий и его оперативная группа, руководя непосредственно боевыми действиями в сложных условиях, находятся с войсками и не отводят штаб далеко в тыл. Поэтому штабы тоже попадают под удар. Так получилось и с нашим штабом. Танки противника, двигаясь по лесной дороге сдвоенной колонной и ведя периодически огонь для острастки вправо и влево по лесу, вышли, как я уже сказал, в 14.30 на командный пункт штаба фронта.

Командный пункт фронта располагался в районе ст. Свень в густом сосняке в двух домах (в одном из них размещался Военный совет фронта, а во втором — меньшем — политическое управление), остальные отделы и управления размещались в землянках. Враг не знал точного местонахождения штаба и полагал, по-видимому, что он расположен ближе к Брянску. Поэтому, простреливая дорогу и лес по сторонам, танки противника прохо-

дили мимо КП фронта, не замечая его. Их беспорядочным огнем было разбито лишь несколько штабных автомашин.

Мы видели танки противника из дома с расстояния не более 40 м от них. Быстро захватив свои документы и шинель, я вышел из дома и направился в сторону, противоположную движению танков. Укрывшись за забором, я стал наблюдать за действиями врага. Танки проходили, не задерживаясь, время от времени стреляя.

А наш командный пункт был, что называется, на полном ходу: имелась связь по прямому проводу с Москвой и со всеми штабами армий. Все было организовано, как полагается во фронтовом штабе, и работа шла своим чередом. Многие оперативные документы, еще не отправленные на новый командный пункт, находились здесь же. Захват их противником нанес бы большой вред нашей армии. Необходимо было спасти документы. Это было крайне сложно под носом у противника, танки которого проходили совсем близко, громыхая и лязгая гусеницами и ведя беспорядочную стрельбу.

Надо сказать, что большинство офицеров штаба уже уехали на новое место, часть, пользуясь возможностью, отдыхала после бессонной тревожной ночи. В тот момент около меня оказались лишь адъютант — старший лейтенант Хирных и шоферы Горланов и Демьянов. Между тем танки противника (их было до 50—60 штук) уже прошли мимо района командного пункта. Вслед за танками, на удалении от них в 200—300 м, на 2,5—3-тонных автомашинах следовала мотопехота. Впереди колонны ехала легковая машина с командным составом.

Необходимо было действовать немедленно. Я приказал Хирных заняться документами, а Демьянова послал за гранатами, взяв у него немецкий автомат. Укрывшись со вторым шофером, Горлановым, за изгородью, я стал выжидать приближения автомашины. Как только шедший на большой скорости «Оппель» поравнялся с нами, я открыл по нему огонь из трофейного немецкого автомата, а Горланов — из полуавтоматической винтовки. Нам удалось сразу уложить шофера и сидевшего с ним рядом офицера. Стремительно мчавшаяся машина неожиданно развернулась и врезалась мотором в дерево. Использовав этот момент, мы осыпали ее градом пуль. Никто из машины не ушел живым.

За командирской машиной на некотором удалении шла головная трехтонная машина. В ней строгими рядами в железных касках сидели, прижавшись друг к другу, немецкие пехотинцы. Увидев на обочине помятый «Оппель», шофер головной машины затормозил. Мы с Горлановым, перезарядив к этому времени свое оружие, сразу же открыли по мотопехоте огонь. Наше неожиданное нападение внесло панику в ряды врага. Большинство солдат из головной машины были убиты или ранены. Мы получили подкрепление — начальника охраны тыла тов. Панкина с 15 солдатами из охраны. У них, кроме винтовок и гранат, оказался еще ручной пулемет. Я указал пришедшим, как действовать, чтобы вызвать у противника панику. Нам удалось уничтожить солдат и на второй машине. Остальные машины встали, а гитлеровцы, думая, что попали в хорошо подготовленную ловушку, в беспорядке затоптались у дороги, боясь укрыться в лесу. Шоферы пытались развернуть машины, но узкая дорога и малые интервалы между машинами не позволяли это сделать. Тем временем Хирных с несколькими штабными офицерами уничтожил всю нашу аппаратуру, собрал все документы, сжег дом, где жил я и была переговорная, подготовил к отправке все, что можно было увезти с собой. Сейф с совершенно секретными документами мы закопали глубоко в землю. Вскоре, услышав шум боя, к нам присоединился целый батальон, несший службу по охране подступов к штабу со стороны Карачева, и подошли четыре танка, также состоявшие в охране штаба. Танки докончили начатое нами дело. Они разбили большую часть машин колонны и частично уничтожили, а частично разогнали мотопехоту противника.

Таким образом, штаб был спасен, ничего не попало в руки врага. Мы потеряли всего двух человек убитыми и несколько ранеными.

Мне часто говорили потом, что не дело командующего фронтом подвергать себя такой опасности, вступать чуть ли не в рукопашную схватку с превосходящими силами врага.

Однако в той обстановке это, на мой взгляд, было единственно возможным выходом из положения. Уходить по лесу пешком было не менее рискованно, ехать на машине нельзя, так как, во-первых, дорога находилась в руках врага, а, во-вторых, шум моторов и движение авто-

машин тотчас же привлекли бы его внимание. Главное же — нужно было спасти документы штаба фронта.

Поручив начальнику охраны тов. Панкину командовать личным составом двух артиллерийских дивизионов, находившихся недалеко от штаба, а также 300 бойцами из мотострелковых частей 42-й танковой бригады и продолжать бой с частями противника, я ночью выехал в район 3-й армии и утром 7 октября был уже на месте.

Я не поехал на свой новый командный пункт, так как считал, что должен находиться при армиях и руководить ими, тем более, что приказ о повороте фронта армиям еще не был отдан.

В 3-й армии мне показали только что полученную радиограмму, адресованную на имя командующего 50-й армией, о том, что он должен вступить в исполнение обязанностей командующего Брянским фронтом. Ставка, получив по радио донесение от начальника штаба фронта об ударе танков противника по штабу фронта, считала, что меня уже нет в живых. С начала боя в районе командного пункта фронта, то есть с 14.30 6 и до утра 7 октября, Ставка никаких сведений обо мне не имела и, естественно, считала, что со мной произошло какое-нибудь несчастье. По прибытии в 3-ю армию, которая имела хорошую связь со Ставкой, я сразу же донес о своем местопребывании, коротко сообщил о происшедшем и о том, что я принял решение повернуть фронт и начать движение на северо-восток, чтобы выйти на новые рубежи. Мое решение Москвой было одобрено.

Мой приезд в 3-ю армию был своевременен и способствовал быстрому повороту армий для выхода на новые рубежи и удару по врагу, вышедшему к нам в тыл. Я получил возможность лично отдать приказ о повороте фронта и руководить его осуществлением в 3-й и 13-й армиях, а 50-й армии послал письменный приказ. Таким образом, управление войсками не прекращалось ни на один час.

К утру 6 октября войска Брянского фронта прочно удерживали занимаемый рубеж с запада, отражая яростные атаки противника, пытавшегося прорвать нашу оборону. Одновременно войскам фронта пришлось прикрываться и с тыла. В течение дня противник проник в тыл 50-й армии и ударом по лесной дороге Карачев — Свень — Брянск овладел Брянском.

Заняв Жиздру, Карачев, Орел, Кромы, Дмитровск-Орловский, Севск, Локоть, Навля и Брянск, противник перерезал главные коммуникации Брянского фронта, чем и поставил наши войска в условия оперативного окружения. Развивая наступление с тыла, гитлеровцы стремились рассечь наши боевые порядки и уничтожить войска фронта по частям.

Успеху противника способствовало отсутствие у Брянского фронта достаточных резервов для того, чтобы отразить мощные удары противника с флангов и тыла, а также то, что наша оборона в глубоком тылу в районе Орла не была организована. Поэтому немцы, повернув на запад, не боялись удара по своему тылу с востока. Сыграло роль и огромное превосходство противника в силах и его успехи на соседних фронтах.

Итак, 7 октября рано утром я отдал предварительные распоряжения, переговорив лично с командующими 13-й и 3-й армиями, а в 14.00 этого же дня отдал общий приказ о повороте фронта на 180°.

Войскам Брянского фронта предстояло нанести удар по противнику, вышедшему в тылы фронта, выйти из оперативного окружения и организовать борьбу с врагом на новых рубежах. Для этого нужно было произвести перегруппировку сил и подготовить их для контрудара по войскам противника, действовавшим на флангах и в тылу. Одновременно с нанесением контрудара на восток и юго-восток необходимо было вести маневренную оборону с запада, с севера и юга.

Войскам фронта были указаны промежуточные рубежи для маневренной обороны. Их намечалось пять. Армиям указывались сроки выхода на эти рубежи.

Армии Брянского фронта получили задачи, прикрываясь с фронта, нанести контрудары в направлениях: 50-я армия — Бежица, Карачев, Змиевка; 3-я армия — Трубчевск, Дмитровск-Орловский, ст. Поныри; 13-я армия — Погар, Дмитриев-Льговский, Фатеж. Для обеспечения флангов 50-я и 13-я армии должны были выделить по одной дивизии. Группа генерала Ермакова А. Н. получила задачу — удерживая занимаемый рубеж, не допустить наступления противника северо-восточнее ст. Льгов.

Группе генерал-лейтенанта Рейтера М. А., которая была создана для прикрытия Карачева со стороны Севска и ст. Комаричи, приказывалось совместно с 50-й армией

уничтожить противника южнее Карачев, в дальнейшем во взаимодействии с 50-й армией нанести удар в направлении Карачев, Орел, Змиевка. В состав этой группы входили 194-я стрелковая и 108-я танковая (почти без танков) дивизии.

13-я армия к исходу 7 октября занимала рубеж: Погар, Муравьи, Знобь, Голубовка, ст. Суземка — правым флангом на запад, центром на юг, левым — на юго-восток. В соответствии с моим приказом командующий 13-й армией принял решение, прикрывшись с фронта, нанести удар в направлении ст. Суземка, Орлия, Хвощевка, Калиновка, Беляево, то есть сначала на юг, а затем на восток. Главный удар 13-я армия наносила силами 132-й и 143-й стрелковых дивизий и 141-й танковой бригады.

Противник к этому времени охватывал левый фланг 13-й армии и, по данным разведки, намеревался нанести удар в общем направлении на Трубчевск с целью окружения частей 13-й армии.

О действиях 13-й армии Гудериан в своих воспоминаниях пишет: «Вечером 8 октября 1941 г. было получено донесение из 35-го корпуса о том, что противник оказывает сильное давление на наши войска, расположенные севернее Суземки (западнее Севска). Отсюда можно было заключить, что окруженные южнее Брянска русские войска пытаются прорваться на восток... 9 октября русские продолжали свои попытки прорваться в районе населенного пункта Суземки. Русские стремительно атаковали правый фланг 293-й пехотной дивизии, оттеснив дивизию к Суземке и Шиленке» [1]... Далее Гудериан отмечает, что немецкому командованию пришлось подтянуть в этот район значительные силы, в том числе весь 48-й танковый корпус. Он признает, что через рубеж, организованный немцами вдоль дороги Средина Буда — Севск, удалось прорваться войскам 13-й армии во главе со своим штабом. Гудериан лживо уверяет, что это были «небольшие группы».

С самого начала боев с перевернутым фронтом я находился все время с 3-й армией. Эта армия оказалась в самых тяжелых условиях. Ей предстояло пройти с боями наибольшее по сравнению с другими армиями расстояние по труднопроходимой местности — восточный берег р. Де-

---

[1] Г. Гудериан. Воспоминания солдата, стр. 225—226.

сна и весь район от Трубчевска на восток и северо-восток до р. Свапа были болотистыми и в условиях дождливой осени 1941 года многие места стали почти непроходимыми.

3-я армия, получив соответствующие указания, в ночь на 8 октября, прикрываясь сильными арьергардами, оторвалась главными силами от противника и к утру совершила марш в 60 км. Такой марш — почти единственный случай для пехоты.

Первое организованное сопротивление части 3-й армии встретили на рубеже Уты — Арельск, где противник создавал оборону в наших же бывших укреплениях. Бои на этом рубеже велись с 8 по 11 октября. К 12 октября наши части сломили сопротивление противника и вышли на рубеж Салтановка — Святое. Здесь гитлеровцы также сумели организовать оборонительный рубеж, стремясь во что бы то ни стало задержать наши части и принудить их к сдаче.

Армии предстояло прорвать этот рубеж, нанеся удар на Навля. Этот удар был решающим, во-первых, потому, что предстояло прорвать последний большой заслон противника, мешающий маневру войск армии, и, во-вторых, выход в район Навля выводил армию из лесов и болот на более удобную для действий местность.

К 12 октября противник прочно закрыл выходы из лесов по линии Навля — Борщево — Погребы — Локоть. Проведенный 11 октября бой не принес нам успеха. Тогда я решил, находясь на направлении главного удара 269-й стрелковой дивизии, побывать в ротах. Примерно в 4 часа утра я пошел по ротам одного из полков, готовившихся к атаке. Побывал почти во всех ротах и, поговорив с солдатами и отдельно с комсоставом, постарался поднять их настроение, двум командирам батальонов поставил задачу на окружение вражеского узла сопротивления в районе Борщево.

Этот бой имел решающее значение. В 5 часов, чуть забрезжил рассвет, один из батальонов уже вышел в тыл противнику. Благодаря согласованности действий всех участвовавших в ударе частей противник был уничтожен и выход из лесов открыт. В течение всего 12 октября продолжалось наступление, части 3-й армии выходили из лесов, расширяя прорыв [1].

---

[1] Архив МО СССР, ф. 202, оп. 5, д. 64, л. 481.

Вот свидетельство Гудериана об этих боях.

«11 октября русские войска предприняли попытку вырваться из «трубчевского котла», наступая вдоль обоих берегов р. Навля. Противник устремился в брешь, образовавшуюся между 29-й и 25-й мотодивизиями, занимаемую 5-м пулеметным батальоном...

13 октября русские продолжали свои попытки прорваться между Навлей и Борщево. Для усиления 47-го танкового корпуса пришлось направить некоторые части 3-й танковой дивизии и 10-й мотодивизии 24-го танкового корпуса. Несмотря на эту помощь и ввиду потери подвижности наших частей, группе русских численностью до 5000 человек [1] удалось прорваться и достичь Дмитровска (Дмитровск-Орловский)...» [2].

Нельзя не отметить, что как раз в это время, когда, казалось бы, немцы имели значительные успехи, Гудериан пишет о катастрофическом понижении морального духа немецко-фашистских войск, что явилось следствием жесткого сопротивления, оказываемого нашими войсками.

В течение 12 и 13 октября противник проявлял большую активность в воздухе. По-видимому, он имел корректировщиков с земли, так как его налеты были очень точны.

На седьмой день действий с перевернутым фронтом, 13 октября, наши войска прорвали последний оборонительный рубеж противника. В 10 часов утра я выехал на командный пункт командира 269-й стрелковой дивизии посмотреть, как идет наступление. Не успел я приехать на командный пункт, как здесь появились пикирующие бомбардировщики и начали бомбардировку. Здесь меня и ранило в правую ногу и правое плечо несколькими осколками авиационной бомбы. Я спасся чудом, так как самолет пикировал очень близко. У крыльца домика лесника росла сосна, и я, наблюдая бой, стоял около нее. Авиабомба разорвалась метрах в трех от сосны, но с противоположной стороны. Это спасло меня от гибели, так как сосна прикрыла меня. Взрывной волной и осколками меня сбило с ног и сильно оглушило.

Меня подняли, перевязали и вынесли на опушку леса. Здесь стояло несколько стогов сена. У одного из них мы

---

[1] Цифра преуменьшена в несколько раз.

[2] Г. Гудериан. Воспоминания солдата, стр. 227, 230.

организовали своеобразный КП. Со мной находились адъютант, медсестра и несколько офицеров для поручений. Я был в полном сознании.

Через 10—15 минут после ранения ко мне подошли командующий 3-й армией Крейзер Я. Г., член Военного совета Шекланов Ф. И. и начальник штаба Жадов А. С. Они попросили меня не волноваться и заверили, что примут все меры, чтобы выполнить приказ командования фронта и Ставки Верховного Главнокомандования. О моем ранении они сразу же сообщили в Ставку.

В 20 часов 30 минут 13 октября, когда стемнело, меня положили в самолет По-2, чтобы по приказанию Ставки отвезти в Москву. Сел со мной и мой адъютант тов. Хирных.

Двукратная попытка поднять самолет в воздух не увенчалась успехом. Взлетная площадка была выбрана не совсем удачно. Она представляла собой сжатое поле с высокой стерней. Выпавший накануне снег растаял, паханая земля раскисла и стала топкой, как болото. Все это затрудняло взлет.

Тогда товарищ Кошуба (летчик с По-2), чтобы не перегружать самолет, попросил меня не брать с собой адъютанта. Я долго на это не соглашался, так как мне жаль было оставлять такого храброго и преданного делу офицера, каким был товарищ Хирных. К тому же я был в очень тяжелом состоянии, и помощь и просто присутствие близкого человека были мне необходимы. Но в конце концов скрепя сердце я вынужден был приказать Хирных оставить самолет, что он и сделал со слезами на глазах. Офицер был крайне обеспокоен тем, что мне будет тяжело без его помощи в пути. Лететь над прифронтовой полосой на утлом самолете было весьма рискованно.

Может быть, эти слезы у Хирных были вызваны тяжелым предчувствием, что мы больше никогда не встретимся с ним. Если так, то он не ошибся. На следующий день после того как мы расстались, Хирных был убит осколком снаряда, разорвавшегося позади машины, на которой он ехал.

С болью в сердце я узнал о гибели этого скромного и мужественного юноши, который самоотверженно выполнял свою незаметную, но столь необходимую в условиях фронта работу.

Будучи в госпитале, я известил об этом родителей и жену тов. Хирных. Приведу письмо к отцу офицера.

«Тов. Хирных! Ваш сын — Виктор Петрович Хирных в боях за советскую Родину пал смертью храбрых 15 октября 1941 года в районе Навля, между поселками Борщево и Литовна. Похоронен он на опушке леса около поселка Борщево. Место похорон знают тт. Демьянов Василий Федорович и Горланов Алексей Андреевич. Это место сейчас освобождено.

Ст. лейтенант Хирных В. П. за проявленную отвагу и мужество в боях с немецкими захватчиками был награжден двумя орденами: орденом Ленина и Красного Знамени.

Уверенность в том, что ваш сын героически сражался за Родину, должна помочь вам пережить это тяжкое горе. Мне оно особенно близко, так как я сам потерял сына во время этой войны».

Родные стойко перенесли это несчастье. Жена тов. Хирных, Эмилия Ивановна, в частности, писала мне:

«Здравствуйте, тов. Еременко! Вчера я получила Ваше письмо о том, что мой муж пал смертью храбрых в бою с немецкими бандитами. Я потеряла своего дорогого мужа, но я горжусь тем, что он был храбр и награжден орденами».

После того как Хирных, пожав мою руку и пожелав счастливого пути, оставил самолет, нам удалось, наконец, оторваться от земли.

В абсолютной темноте наш «ночной бомбардировщик» набрал высоту и лег на курс — на Москву.

Кратко подытожу развитие событий на Брянском фронте.

9 октября, неожиданно атаковав противника, ударные части 13-й армии заняли Негино. Противник бежал в панике, бросив большое количество автомашин и боевого имущества. Однако он беспрерывно подвергал наши части сильным ударам с воздуха. 10 и 11 октября войска 13-й армии, развивая контрудар в намеченном направлении, вели упорные бои на тракте Глухов — Севск. Противник с большими потерями был отброшен к Севску.

12—13 октября части 13-й армии вели бои в районе Хомутовка. Здесь немцы сконцентрировали крупные силы и атаковали части армии с севера и юга. В упорных боях армия потеряла часть тылов и артиллерии.

14—16 ноября, после того как было преодолено сопротивление противника, армия с напряженными боями продолжала контрудар. Враг понес большие потери и отошел к Хомутовке. На правом фланге армии 6-я стрелковая дивизия 15 октября перерезала тракт Рыльск — Дмитровск-Орловский.

17—18 октября армия вела ожесточенные бои на переправах через реку Свапа, в районе Ниж.-Песочное. Успех форсирования обеспечил смелый удар 6-й стрелковой дивизии, бойцы которой бросились в штыковую атаку под ураганным огнем противника. К утру 18 октября главные силы армии, форсировав реку, вышли в район Ниж.-Песочное.

Чтобы облегчить положение 13-й армии, группе генерала Ермакова было приказано нанести контрудар силами 2-й и 121-й стрелковых дивизий в северном направлении на Беляево. Авиация фронта получила приказ непрерывно бомбить противника, препятствующего продвижению частей 13-й армии. В результате всех этих мероприятий части 13-й армии 18 октября с боями переправились у Ниж.-Песочное и вышли в район Беляево.

22 октября 13-я армия окончательно вышла из окружения, выполнила свою задачу и заняла рубеж Фатеж, Макаровка. В составе 13-й армии в указанный район вышли следующие силы: 6, 134, 143, 307, 498, 155 и 121-я стрелковые дивизии, 55-я кавалерийская дивизия, 141-я танковая бригада. Хотя дивизии и понесли большие потери, многие из них все же насчитывали более 1500—2000 штыков.

В ходе контрудара 13-я армия нанесла гитлеровцам серьезный урон, уничтожив свыше 3000 солдат и офицеров, 30 танков и бронемашин, 650 автомобилей, 11 самолетов, 70 орудий, 15 минометов, около 100 пулеметов и т. д.

Следует сказать, что 13-я армия, несмотря на сильнейшие удары противника по ее левому флангу и тылу, не только выдержала их, но и, ведя наступления с перевернутым фронтом, сама нанесла врагу ряд сильных ударов.

Командующий 13-й армией Городнянский А. М., член Военного совета Козлов М. А., начальник штаба Петрушевский А. В. умело руководили войсками. В этих боях отличились также и многие командиры, в том числе командир 132-й стрелковой дивизии генерал-майор Бирю-

зов С. С. (он был ранен в этих боях) и командир 307-й стрелковой дивизии полковник Лазько Г. С.

3-я армия до 7 октября прочно удерживала фронт обороны с запада. Для прикрытия армии с востока я выдвинул три дивизии.

9 октября 3-я армия изготовилась для контрудара на рубеже Уты, Арельск, куда к этому времени уже вышел противник. Он встретил наши войска на выгодном рубеже, в свое время подготовленном нами. Начались упорные бои, продолжавшиеся до 11 октября включительно. С запада немцы перешли в преследование, и части прикрытия завязали с ними упорные бои.

Несмотря на упорное сопротивление противника, 3-я армия продвигалась вперед. На рубеже Навля, Борщево, Салтановка, Святое армия встретила сопротивление свежих частей противника. На главном направлении армии при прорыве этого рубежа действовала группа в составе 137-й и 269-й стрелковых, 4-й кавалерийской дивизий и 42-й танковой бригады, 282-я и 148-я стрелковые дивизии наносили удар на флангах на Брасово и на Салтановку.

К 12 октября противнику удалось в районе Навля, Борщево, Погребы, Локоть усилить свои войска и закрыть выходы из брянских лесов на восток. Разгорелись ожесточенные бои. В результате ряда смелых и решительных атак части 3-й армии смяли противника и вышли из лесов. После двух суток напряженных боев 3-я армия разбила врага на рубеже Салтановка, Святое, Навля, прорвав его фронт в районе Дубровка, и развила наступление на юг.

15 октября разгорелись новые бои в районе Глоднево. Главный удар здесь наносили 137-я и 269-я стрелковые дивизии и 42-я танковая бригада.

С 17 по 20 октября 3-я армия вела бои в районе восточнее Брасово. Бои шли в исключительно тяжелых условиях болотистой местности. В ночь на 21 октября части армии прорвали фронт противника, наступая по сплошному болоту, и 23 октября пересекли занятое противником шоссе Фатеж — Кромы.

Таким образом, и 3-я армия выполнила поставленную перед ней задачу, успешно завершила контрудар с перевернутым фронтом и вышла на указанный ей рубеж в районе ст. Поныри, организовав на нем оборону. На но-

вый рубеж с боями вышли следующие соединения армии: 280, 269, 137, 282 и 148-я стрелковые дивизии, 42-я танковая бригада и 4-я кавалерийская дивизия. Хотя дивизии и понесли огромный урон, некоторые из них все же насчитывали более 2000 штыков.

В результате контрудара 3-й армии противник потерял около 5500 солдат и офицеров убитыми, 100 пленными, около 250 автомашин, до 50 танков и много другого боевого имущества.

3-я армия была самая малочисленная из армий фронта, кроме того, она оказалась в наиболее тяжелых условиях боевой обстановки и вынуждена была произвести сложнейшую перегруппировку, чтобы вести наступление с перевернутым фронтом.

Командование армии — товарищи Крейзер Я. Г., член Военного совета Шекланов Ф. И., начальник штаба Жадов А. С., командующий артиллерией Барсуков М. М. — сделало все возможное, чтобы вывести основные силы армии из окружения. Штаб армии, возглавляемый тов. Жадовым, во многом помог мне в момент поворота войск фронта на 180°, большую роль в этом сыграла четко налаженная связь.

Отмечая действия многих дивизий и бригад, хотелось бы особенно выделить 269-ю стрелковую дивизию и ее командира полковника Чехарина А. Е., а также 137-ю стрелковую дивизию под командованием полковника Гришина И. Т. Эти дивизии получали весьма ответственные задачи и всегда выполняли их.

50-я армия после занятия противником Людинова и Жиздры вынуждена была развернуть свой правый фланг и прикрыться с севера и северо-востока. К 7 октября армия занимала рубеж Ольшаница, Ибот, Дубровка и далее по рекам Десна и Судость. Правый фланг армии был повернут на север, центр и левый фланг — на запад. В ночь на 8 октября части армии начали отход на новый рубеж.

12 октября, достигнув района Хвастовичи, 50-я армия вступила в бой с сильной группировкой, которая преградила ей путь на восток и юго-восток. В результате боев к исходу 13 октября армия вышла на рубеж Подбужье, Карачев и сосредоточилась для переправы через реку Рессета.

14 октября армия отбросила противника, преграждавшего ей путь, и форсировала реку. Форсирование велось

под сильным артиллерийским и минометным огнем и бомбардировкой с воздуха. Части несли большие потери. Переправившиеся войска встретили сильное сопротивление превосходящих сил противника, преградивших им путь на юго-восток. Тогда армия, изменив направление, нанесла удар на северо-восток, прорвала сильные заслоны врага и двинулась в направлении на Белев. Прорвав кольцо окружения и нанеся гитлеровцам большие потери, армия к 23 октября вышла на новые рубежи на р. Ока в районе Белева, севернее того района, который был ей намечен. Сюда вышли 217, 290, 299, 278, 258, 260 и 154-я стрелковые дивизии, танковая бригада, несколько отдельных стрелковых и артиллерийских полков и другие части, входившие в состав 50-й армии. Многие дивизии армии достигли новых рубежей, имея до 3000 человек, артиллерийские батареи, батальоны связи, некоторые даже артиллерийские полки.

Здесь следует сказать о фальсификации истории Гудерианом в его книге «Воспоминания солдата». Гудериан на стр. 231-й утверждает, что 17 октября якобы капитулировала группировка русских, окруженная севернее Брянска, и что при этом было захвачено до 50 000 пленных и уничтожены основные силы 50-й армии.

Этот фальсифицированный факт сам же Гудериан опровергает на 241-й странице:

«...21 ноября в районе действий передовых частей 47-го танкового корпуса (в районе Епифань. — А. Е.) появились опасные свежие силы противника — 50-я армия русских, в состав которой входили 108-я танковая бригада, 299-я стрелковая дивизия, 31-я кавалерийская дивизия и другие части»[1].

Спрашивается, как же могла армия, основные силы которой (50 тысяч!) капитулировали 17 октября, всего через месяц, в составе тех же соединений, вновь представлять грозную силу?

В действительности же 50-я армия, будучи вполне боеспособной, получила в ноябре незначительные пополнения. Так что сопротивление 47-му танковому корпусу врага 21 ноября оказала та самая 50-я армия, главные силы которой «капитулировали» в больном воображении Гудериана.

---

[1] Г. Гудериан. Воспоминания солдата, стр. 241.

50-я армия начала активно действовать непосредственно в составе войск, оборонявших Тулу, уже 7 ноября. Причем в контрударе, нанесенном ею, участвовали 260-я, 290-я и другие стрелковые дивизии, которые, по словам Гудериана, были уничтожены в окружении. В этом же контрударе с 50-й армией взаимодействовала и 3-я армия, также, в воображении гитлеровцев, уничтоженная.

К 25 октября 50-я армия вела ожесточенные арьергардные бои в районе Белева и Мценска[1] и укрепляла новый рубеж обороны на р. Ока.

50-я армия проявила исключительную маневренность. Командование армии — командующий генерал-майор Петров М. П., член Военного совета бригадный комиссар Шляпин Н. А., начальник штаба армии полковник Пэрн Л. А. — умело руководило войсками. Большая заслуга бойцов и командиров 50-й армии заключалась в том, что армия при наступлении с перевернутым фронтом нанесла врагу большие потери, вышла из окружения в наилучшем состоянии и заняла новые рубежи обороны. В этой операции смертью храбрых пали достойные сыны нашей родины, славные военачальники — командарм Петров М. П. и член Военного совета Шляпин Н. А.

Таким образом, все армии Брянского фронта, сохранив организованность, порядок и дисциплину, выполнили основную в создавшихся условиях задачу — вышли из оперативного окружения. Под сильным натиском противника с тыла войска фронта в упорных боях прорвали многочисленные вражеские оборонительные рубежи и сохранили достаточно сил для создания нового фронта обороны. Это было во многом обусловлено своевременностью поворота фронта на 180° и постановкой армиям соответствующих задач на выход из оперативного окружения.

В результате сопротивления войск Брянского фронта, сковавших главные силы 2-й танковой группы противника, и их упорных боев при отходе на новые рубежи было на 17 дней остановлено наступление вражеских войск на Тулу.

К тому времени, когда армии Брянского фронта вышли из оперативного окружения и заняли оборону на новых рубежах, я находился уже в кремлевской больнице,

[1] Архив МО СССР, ф. 202, оп. 5, д. 64, л. 559.

только что эвакуированной из Москвы в Куйбышев. Около 12 часов ночи 26 или 27 октября меня на тележке подвезли к телефону (я тогда не только не мог ходить, но и сидеть).

Мне дали трубку, но не сказали, кто вызывает меня.

Я назвал себя: «Генерал-полковник Еременко». По первым же словам приветствия, произнесенным с характерным акцентом, я узнал Сталина.

Его слова запомнились мне. Он сказал: «Поздравляю вас, тов. Еременко, с большими успехами. Войска вашего фронта, находясь в окружении, проявили высокую организованность, доблесть и мужество, и особенно похвально то, что, несмотря на абсолютное превосходство врага, в тягчайших условиях они проявляли инициативу и дрались с невиданной дерзостью. Армии не только вышли организованно на новые рубежи, но нанесли врагу чувствительный урон.

Поздравляю вас с этим успехом, — повторил он снова. — Беспокою вас в этот час, зная, что вы ждете известий о своих солдатах».

Эта высокая оценка действий Брянского фронта начисто опровергает как утверждения Гудериана о разгроме 50-й армии, так и вымыслы немецкого генерала Курта Типпельскирха, утверждающего в своей книге «История второй мировой войны», что русские силы якобы капитулировали в двух «котлах» южнее и севернее Брянска в период с 17 до 20 октября [1]. Эти «данные» были им взяты из хвастливых сводок Геббельса, в которых желаемое выдавалось за действительное.

Войска Брянского фронта преградили дорогу к столице нашей Родины, что наряду со многими другими факторами заставило Гитлера отказаться от попыток овладения Москвой до удара на Украину.

Можно без преувеличения сказать, что упорство и активность войск Брянского фронта сыграли важную роль в крушении фашистских планов быстрого окончания войны, так как в результате их действий была разгромлена часть сил ударных группировок немецко-фашистских войск, нацеленных на Москву с юго-запада, через Брянск, Орел, Тулу.

---

[1] См. К. Типпельскирх. История второй мировой войны. Издательство иностранной литературы. Москва, 1956, стр. 200.

Но вернемся к нашему путешествию по воздуху. Сначала самолет взял курс на юго-восток, а затем повернул на север на Москву. Нас окружала почти полная темнота, лишь в двух местах пылали пожары. Один из них был, по-видимому, в районе Локоть, а другой где-то севернее — здесь наши части вели тяжелые бои.

Время тянулось медленно: меня мучили боль, жажда и холод. Пора была осенняя, а я был укрыт довольно легкой шинелью. Время от времени я впадал в забытье, затем сознание вновь возвращалось. В один из таких моментов я услышал, что мотор работает тихо. «Ну, видимо, прилетели, — подумалось мне, — ведь летим уже целую вечность, почему не светает?» (В действительности, как мне сказал Кошуба после моего выздоровления, мы были в воздухе около трех часов.) Я стал опять забываться, но чихание мотора и ощутимое снижение самолета окончательно привели меня в чувство. «Вот, наконец, садимся»,— мелькнула мысль.

Однако не успел я толком осмыслить происходящее, как всем телом почувствовал сильнейший удар, затем меня подбросило вверх и снова ударило. Последним ощущением было то, что мы перевертываемся. Затем я снова потерял сознание. В себя я пришел от боли в левом боку, на котором лежал, и от холода, сильно болели также раненые нога и плечо. Так я лежал довольно долго, чувствуя, что случилось что-то неладное. Наконец послышался голос Кошубы, он спрашивал, жив ли я. Я спросил его в свою очередь, что случилось. Оказывается, мотор самолета сдал, и мы «спланировали», грохнулись в полнейшей темноте на землю. Такого «планирования», однако, я не пожелаю никому. Кошуба был на ногах, он отделался, к счастью, легкими ушибами, но не пришел ко мне на помощь сразу, потому что тоже потерял сознание, и, видимо, не столько от удара, сколько от нервного потрясения. Это был человек долга, свято выполнявший присягу. Чувство ответственности за жизнь и безопасность командующего фронтом в момент чрезвычайной опасности заставило его собрать всю энергию и волю. Он не терял самообладания, пока держал штурвал, и пытался управлять падающей машиной. Но, когда самолет коснулся земли, силы оставили Кошубу. И лишь через 15—20 минут он снова пришел в себя и стал действовать.

Я попросил летчика найти соломы или дров для костра, чтобы хоть немножко согреться. Кошуба ушел, освещая себе путь карманным фонарем. Вернулся он неожиданно быстро и рассказал, что рядом стоит дом, по-видимому, мы находимся возле какого-то села. Тогда я попросил его позвать людей, чтобы они помогли ему внести меня в дом. Вскоре вместе с Кошубой подошли трое или четверо мужчин с какими-то досками, они положили меня на них и перенесли в дом. Здесь они положили меня на пол. Эта процедура отняла у меня остаток сил, я снова потерял сознание и пришел в себя уже лежа на кровати, когда мне дали выпить чего-то горячего. После этого я почувствовал себя лучше, но потом снова несколько раз терял сознание.

Оказалось, что мы потерпели аварию в селе Иваньково, в 120 км от столицы. Это случилось около 23 часов ночи.

В то время когда я лежал в одной из изб Иваньково в бессознательном состоянии, Генеральный Штаб и Ставка Верховного Главнокомандующего разыскивали меня. Из штаба фронта было сообщено, что я вылетел, а в Москве нас все еще не было, несмотря на то, что уже дважды истекло время, необходимое на полет от Борщево, из района которого я вылетел, до столицы.

Наконец в Генеральном Штабе было получено сообщение местных органов НКВД об аварии самолета По-2, на борту которого находился генерал.

Утром из Москвы пришла санитарная машина с врачом, а во второй половине дня 14 октября я уже лежал на операционном столе Центрального госпиталя, начальником которого был полковник Мандрыка. Операция была довольно мучительная: из ноги осколки удалось извлечь, но один довольно крупный осколок, засевший в мышцах грудной клетки, достать так и не удалось. После операции меня положили в палату. Температура доходила до 39°, и хотя сознание больше не оставляло меня, состояние было тяжелое, и я, грешным делом, думал, что не выживу.

Ночью 15 октября в госпитале меня навестил Сталин. Он расспросил меня о делах на фронте и обстоятельствах моего ранения и пожурил за то, что я не берегу себя. Прощаясь со мной, он приказал начальнику госпиталя отправить меня на следующий день самолетом в Куйбышев.

Мое пребывание в госпитале совпало с тяжелым положением в столице. Меня было решено отправить 17 октября на самолете в Куйбышев, но администрация госпиталя уже 16-го эвакуировала всех больных. Ко мне дважды приходили с просьбой, чтобы я отправился 16-го поездом, говоря при этом: «Зачем вам лететь на самолете? Мы вас лучше устроим поездом, дадим хорошее купе мягкого вагона. До Куйбышева двое суток езды поездом, а на самолете сейчас неудобно лететь». Я согласился ехать поездом. Однако сразу же, когда меня доставили в вагон, я почувствовал, что путешествие будет трудным. Мне предстояло ехать в обыкновенном санитарном поезде, составленном из приспособленных для этой цели маленьких дачных вагончиков. Лежать я мог только на спине, и так как сложением природа меня, как говорится, не обидела, то разместить меня на вагонной полке не удалось, и меня положили прямо на пол в проходе вагона. Путешествие обещало быть не очень приятным. К счастью, на вокзал приехал тов. Хрулев. По его указанию меня перенесли в вагон начальника эшелона и быстро отправили поезд. Я и сейчас с большой теплотой вспоминаю эту сердечную заботу тов. Хрулева.

До Рязани, однако, мы двигались больше суток и застряли там на неопределенное время. Мое состояние не улучшалось, а, наоборот, стало ухудшаться. Тогда я решил остаться в Рязани. Я попросил к себе через коменданта станции секретаря областного комитета партии. Секретарем Рязанского обкома в то время был тов. Тарасов, очень отзывчивый и внимательный человек. Он приехал на вокзал, и я уговорил его снять меня с поезда и оставить пока здесь, в Рязани. Начальник эшелона, большой чудак, «заерепенился», не хотел отдавать меня. Пришлось местным властям дать ему расписку. Меня сняли с поезда и привезли прямо в кабинет секретаря областного комитета. Здесь мне поставили койку и сразу же пригласили врачей. Они посоветовали немедленно отправить меня в кремлевскую больницу. По моей просьбе меня поднесли к телефону ВЧ, я позвонил в Москву Начальнику Военно-воздушных сил и попросил, чтобы меня немедленно отвезли самолетом в Куйбышев, — хотелось скорее вернуться в строй. К утру самолет уже был в Рязани, и меня отправили в Куйбышев. Здесь я попал в эвакуированную из Москвы кремлевскую больницу. Лечил

меня профессор Спасокукотский. Дело пошло хорошо, беспокоила, однако, рана в плече. Профессор опасался газовой гангрены, так как все еще держалась температура.

На десятый день моего лечения, поздно ночью, и произошел приведенный выше разговор по телефону с И. В. Сталиным. В конце нашего разговора я попросил Сталина вернуть меня в Москву, чтобы быть в курсе происходящих на фронте событий.

В Москве меня положили в госпиталь, размещавшийся в Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева.

Здесь, в московском госпитале, я простился навсегда с одним из лучших моих боевых друзей — начальником политуправления Западного фронта дивизионным комиссаром товарищем Лестевым Д. А. (В мою бытность командующим Западным фронтом он был членом Военного совета.)

16 ноября он навестил меня, мы долго беседовали с ним. На следующий день Лестев прислал мне записочку с офицером из штаба фронта, приехавшим по делам службы в Москву. Приведу ее здесь потому, что это было, пожалуй, последнее, что он написал в своей жизни.

> «Здравствуй, Андрей Иванович! Как здоровье? Желаю успеха. К тебе просьба — пришли из своего неприкосновенного запаса папирос. Получилась с этим продуктом заминка. С приветом, от души желаю скорейшего выздоровления.
>
> Д. Лестев. 17.11.41».

Я дал папирос офицеру и собирался уже вздремнуть, как вдруг в палату внесли на носилках человека, покрытого белой простыней. На мой вопрос, кто это, мне сообщили, что это дивизионный комиссар Лестев.

— Ранен? — спросил я.

— Он уже умер, — ответил начальник госпиталя.

В условиях войны это случай по существу вполне обычный. Тем не менее он потряс меня до глубины души: вчера человек был полон сил, энергии, 20 минут назад я послал ему папирос, и вот Лестева нет в живых.

Мне рассказали, что Лестев поехал в одну из армий Западного фронта. Командный пункт армии был, к сожалению, размещен крайне неудачно — в домиках вдоль Можайского шоссе. Авиация противника непрерывно бомбила колонны войск, идущие по шоссе. Одна из бомб разорвалась против домика, где у окна стоял Лестев. Оско-

лок бомбы величиной не более квадратного сантиметра попал Лестеву в затылок.

Я навсегда сохранил светлую память об этом прекрасном коммунисте и человеке, задушевном товарище, настоящем политработнике.

* * *

Почти 18 лет отделяют нас от того времени, когда отзвучали последние выстрелы боев под Брянском. Хочется еще раз отдать дань глубочайшего уважения всем воинам фронта, совершившим поистине беспримерный подвиг. Нельзя еще раз с большой теплотой не вспомнить замечательные командные и партийно-политические кадры Брянского фронта, с которыми довелось делить горечь неудач и радость боевых успехов. Эти замечательные люди, воспитанные нашей Коммунистической партией, в тяжелейшие дни начального периода войны свято и преданно выполняли свой долг перед Родиной. В невероятно сложной обстановке боевых действий с перевернутым фронтом, когда приходилось парировать удары с тыла и флангов, одновременно прорывая мощные заслоны врага и отбивая его лобовые и фланговые контрудары, они вывели войска из кольца окружения. При этом было проявлено много инициативы, упорства, воли к победе, искусства маневрирования, умения поднять моральный дух воинов действенной партийно-политической работой и личным примером. Все это укрепляло и цементировало дисциплину и порождало массовый героизм. Штабы армий показали высокую организованность и четкость в управлении войсками.

Но все это, конечно, не значит, что у нас не было недостатков. Эти недостатки были в основном общими для всех фронтов в тот крайне тяжелый период борьбы с врагом. Затруднения и пробелы имели место в руководстве войсками как со стороны Военного совета фронта, так и со стороны командования армий. Разведка в тот период работала еще неудовлетворительно, а потому нам не всегда удавалось своевременно вскрыть замыслы и планы противника. У некоторых командиров частей и соединений были промахи тактического порядка.

Нельзя не учитывать, что за время, прошедшее с начала войны, мы не смогли приобрести еще достаточного опыта в ведении боевых действий в новых условиях.

Наши командармы совсем недавно были командирами дивизий, и им приходилось учиться сложному делу руководства крупными объединениями в ходе ожесточенных боев. Преданность Родине и партии — это главное, но этого недостаточно для победы, необходимо еще умение, опыт, знания, которые приобретаются не сразу. Не было достаточного опыта и у штабов. Характерно, что штаб Брянского фронта был создан на базе малочисленных штабов корпусов. Отсутствие опыта усугублялось громадным превосходством противника. Были у нас недостатки и в снабжении войск, связанные с тем, что органы тыла фронта и армий не всегда умели организовать своевременную доставку грузов в войска.

Войска Брянского фронта попали в исключительно тяжелое положение — они были обойдены с флангов и окружены крупными силами противника. Только 2-я танковая армия Гудериана, охватывая левое крыло фронта, вышла на наши тылы в составе пяти танковых дивизий, четырех моторизованных, четырех пехотных дивизий и одной моторизованной бригады. Одновременно на правом крыле фронта 50-ю армию обошли 43-й армейский корпус немцев в полном составе и две дивизии 53-го армейского корпуса. Названные силы врага превосходили войска Брянского фронта в полтора раза, а по танкам раз в десять. Следует иметь в виду, что наши дивизии были малочисленными еще до нашего сентябрьского наступления, а после него стали совсем слабыми. Это давало большие преимущества противнику, но Гудериан и командующий группой армий «Центр» фон Клюге не сумели реализовать превосходство своих войск в численности и оснащенности над войсками Брянского фронта, которые, оказавшись отрезанными от своих баз, лишились нормального материального снабжения. Предпринимавшиеся Ставкой огромные усилия для снабжения наших войск по воздуху, конечно, не могли дать фронту даже минимально необходимого количества боеприпасов, горючего, продовольствия.

В этих тяжелых условиях войска Брянского фронта, проявив величайший героизм, нанесли противнику серьезные потери и вышли из окружения, полностью сохранив боеспособность. Сразу же после этого заняв оборонительные рубежи, они сумели противостоять новым ударам противника.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
4-я УДАРНАЯ АРМИЯ

ГЛАВА 7
СНОВА НА ФРОНТЕ
(Схема 7)

Мое лечение шло к концу. 23 декабря 1941 г. я донес в Ставку о выздоровлении и готовности приступить к служебным обязанностям.

24 декабря меня принял Верховный Главнокомандующий.

Сталин задал мне совершенно неожиданный вопрос:

— Скажите, вы обидчивый, товарищ Еременко?

— Нет, не очень, — ответил я.

— Склянского вы знаете?

— Знаю.

— Так вот, будучи дважды наркомом, я подчинялся Склянскому — замнаркома. А вы не обидетесь, если мы назначим вас временно в подчинение товарищей, которые не так давно были вашими подчиненными? — Он разъяснил, что это решение вызвано необходимостью выполнения очень важной задачи, и он считает для этого подходящей именно мою кандидатуру.

Я ответил, что готов принять корпус или занять любую другую должность, если так сочтет нужным партия и если этим я принесу пользу Родине.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что создавалась мощная ударная армия для выполнения значительной оперативной задачи, заключавшейся в прорыве вражеского фронта на большую глубину с целью вбить клин между вражескими войсками, действовавшими на московском и ленинградском стратегических направлениях.

Сталин пожелал мне успеха в предстоящих боях и предложил побывать у Б. М. Шапошникова, чтобы более подробно ознакомиться с планом операции и обсудить организационные вопросы.

Через 10—15 минут я был уже в Генеральном Штабе, где довольно подробно ознакомился с планом сосредоточения войск, которое уже начало осуществляться, и уяснил основные задачи, которые должна была выполнить под моим командованием 4-я ударная армия.

Начальником штаба армии назначался генерал-майор Курасов В. В., его кандидатура была названа Сталиным при нашей беседе.

25 декабря 1941 г. вместе с тов. Курасовым мы выехали на машинах из Москвы в штаб Северо-Западного фронта (командовал фронтом генерал-лейтенант Курочкин П. А.), на левом крыле которого сосредоточивалась 4-я ударная армия.

По данным разведотдела штаба Северо-Западного фронта, противник перед 27-й армией, которая преобразовывалась в 4-ю ударную армию, занимал оборону по западному берегу оз. Селигер и далее на юг до Кустынь. От этого пункта линия фронта поворачивала на восток. Передний край обороны противника проходил по южному берегу оз. Волго. Против правого крыла армии оборонялись 123-я пехотная дивизия и разведотряд 12-й пехотной дивизии. Дивизия была растянута на широком фронте, все ее части находились в первом эшелоне. Против левого фланга армии оборонялась 253-я пехотная дивизия с приданным ей разведотрядом 251-й пехотной дивизии. Передний край их обороны проходил, как указывалось выше, по южному берегу оз. Волго. Все эти дивизии входили в состав двух армий — 16-й и 9-й. Стык их флангов проходил между озерами Пено и Волго и обеспечивался кавбригадой СС «Мертвая голова».

После преобразования 27-й армии в 4-ю ударную армию перед ее фронтом находились: бо́льшая часть 123-й пехотной дивизии, кавалерийская бригада СС, части 253-й пехотной дивизии, разведотряды 12, 123 и 225-й пехотных дивизий.

Своеобразным было начертание линии фронта; на пеновском направлении фронт обороны глубоко вдавался в расположение противника, образуя для наших войск, в случае наступления на этом участке, своеоб-

разный «огневой мешок», что благоприятствовало бы противнику при нанесении фланговых контратак. Эта опасность была, но мы не боялись ее, так как считали, что наши внезапные действия создадут такую обстановку, которая не позволит противнику подтянуть свои резервы для фланговых контратак: во-первых, в связи с бездорожьем (лыжных подразделений противник не имел), во-вторых, в связи с тем, что эти резервы будут втянуты в бои против наших частей, атакующих с фронта, и, в-третьих, потому, что наше обеспечение флангов главного удара на Пено, Андреаполь воспретит такие фланговые контратаки.

Кроме основной оборонительной полосы, противник, по данным разведотдела фронта, имел заранее подготовленный тыловой рубеж по рекам Волкота, Зап. Двина и промежуточный рубеж по озерам Стерж и Вселуг. В городах Андреаполе и Торопце производились оборонительные работы.

Следует отметить, что немецко-фашистское командование переоценило мощь своей обороны и допустило большой оперативный просчет, считая, по-видимому, что Андреаполь, Торопец и Велиж являются такими направлениями, на которых действовать крупными силами в условиях холодной и снежной зимы невозможно. Гитлеровцы, считая, что продержатся на этих позициях до весны, создали здесь большие запасы боеприпасов, военно-хозяйственного имущества и продовольствия.

Противник не придал должного значения и сосредоточению наших войск на этом участке фронта. В район Осташкова мы сосредоточивали четыре стрелковые дивизии, 10 лыжных батальонов, два танковых батальона и другие части усиления. При этом тяжелые зимние условия, ограниченность сети дорог и глубокий снег очень затрудняли сосредоточение войск и заставляли зачастую пренебрегать маскировкой. Личный состав и грузы двигались сплошным потоком днем и ночью по железным дорогам и по тем грунтовым, которые можно было использовать. Это движение, по-видимому, наблюдалось разведывательными самолетами противника. Однако фашистское командование не сделало из этого правильного вывода. Правда, в некоторых приказах указывалось, что русские подтягивают силы и могут попытаться во второй половине января перейти в наступле-

ние, а потому необходимо укрепить еще кое-какие направления и провести мероприятия по усилению обороны. Но главное, противник своевременно не подвел свои резервы.

Наше наступление началось не во второй половине января, как предполагало вражеское командование, а 9 января 1942 г. и было внезапным для противника.

Армии предстояло действовать на территории трех областей. Операция началась в Калининской области, а развивалась в Смоленской и Витебской. Местность, в основном лесисто-болотистая и лесисто-озерная, была трудной для действий войск. Кроме того, в этом районе много рек. В северной и центральной части района, именно там, где действовала армия, местность была покрыта лесными массивами, занимавшими до 85% площади, причем территория вокруг истоков рек была заповедной, и леса ограждались от каких бы то ни было порубок со всей строгостью закона. Здесь не делали даже просек. Действовать войскам в таких условиях было чрезвычайно трудно. Надо помнить, что операция проходила зимой 1941/42 г., отличавшейся особой суровостью. Морозы достигали 35—40°. Глубина снежного покрова была от 70 см до 1,5 м.

Несмотря на все это, нельзя было не восхищаться природой этих мест. Вековые сосны высоко вздымали свои красноватые стволы, а темная зелень их крон четко вырисовывалась на фоне неба, земля же была заботливо укутана ровным снежным покрывалом. В лесах стояло поистине первозданное безмолвие. Находясь в глуши этих лесов, трудно было поверить, что рядом жестокий враг, до того мирным и спокойным выглядело все вокруг: лапы елей и сосен, убранные снежными хлопьями, перекрещивающиеся и петляющие заячьи следы, поскрипывание снега под полозьями саней. Особенно величественно выглядели леса в светлые лунные ночи.

Но вернемся к более прозаическим вопросам — особенностям района боевых действий 4-й ударной армии. Армия находилась в очень тяжелых условиях в отношении обеспечения войск всем необходимым для боя. Неразвитость дорожной сети давала себя знать на каждом шагу. Единственная железная дорога со слабой пропускной способностью (до 16 пар поездов в сутки), к сожалению, не доходила на 40 км до Осташкова, так как, на-

чиная от Горовастица, она была разрушена противником. Грунтовая дорога, тоже единственная, была крайне запущена. Таким образом, бездорожье еще более усложняло обстановку для наступления.

По мере продвижения наших войск в глубину территории противника трудности должны были возрасти, особенно в связи с удаленностью тылов от железной дороги и от частей. В некоторых случаях удаленность станций снабжения достигала 200 км. Это, естественно, очень затрудняло снабжение войск. Только благодаря энергичным действиям войск, предприимчивости и находчивости командиров армия могла снабжаться за счет противника, более двадцати дней питаясь продуктами из захваченных у него складов. В ходе операции приходилось принимать особые меры по захвату складов противника, чтобы не допустить их уничтожения или эвакуации.

4-я ударная армия была ударной не только по своему предназначению — для проведения сложной наступательной операции. Армия имела и правовые преимущества. Она приравнивалась по своему положению к гвардейским частям. Комсостав получал полуторные оклады, бойцы и младший комсостав — двойной оклад и т. д.

Первоначально в 4-ю ударную армию было включено восемь стрелковых дивизий, 4 артиллерийских полка усиления, 3 танковых батальона, несколько минометных гвардейских дивизионов и 10 лыжных батальонов. 4-я ударная армия развертывалась на базе 27-й армии, и штаб ее стал штабом 4-й ударной армии, о чем говорилось выше. Кроме имевшихся в 27-й армии четырех дивизий, прибыли еще четыре новые дивизии, а также части усиления.

Сосредоточение войск прикрывала 249-я стрелковая дивизия, проводившая активную разведку.

Данные о противнике, полученные мной в штабе фронта, к сожалению, не во всем соответствовали действительности. Так, например, второй оборонительной полосы, которая, по данным штаба фронта, была якобы создана по озерам Стерж и Вселуг и имела развитую систему дзотов, дотов и проволочных заграждений, в действительности не оказалось. В штабе фронта я по-

лучил также данные о том, что в районе Селижарово сосредоточилась танковая дивизия противника. Это тоже не подтвердилось. Штаб фронта утверждал, что направление Осташков — Андреаполь невыгодно для наступления. Однако я критически отнесся к этому, так как штаб фронта в течение двух месяцев не имел на этом участке ни одного пленного.

Сразу же по приезде в армию я приказал силами 249-й дивизии организовать активную разведку с задачей захватить пленных на всех направлениях, имеющих значение для предстоящей операции. Дивизия отлично справилась с этой задачей, и штаб армии уже через пять дней имел данные о системе обороны противника и его частях. Второй оборонительной полосы в глубине на 15—20 км не оказалось.

Сосредоточение войск запоздало на 7—10 дней против намеченного в плане срока и закончилось лишь к 7 января. Некоторые части прибыли даже после того, как началось наступление. Задержка сосредоточения объяснялась прежде всего сильнейшими морозами, перемежавшимися с обильными снегопадами, что срывало нормальное движение автотранспорта. Кроме того, на перегоне от Москвы до Осташкова железная дорога не справлялась с перевозками и пропускала в сутки не более 11 эшелонов. В связи с этим наступление, первоначально намеченное на 1 января, было перенесено на 5 января, а затем на 7, но лишь 9 января армия смогла, наконец, начать наступательные действия.

В период подготовки к операции особое внимание было уделено занятиям с войсками. Все части с момента их прибытия в армию немедленно приступали к занятиям по боевой подготовке, отрабатывая главным образом вопросы наступления, движения по лесу без дорог, использования танков, артиллерии и минометов в лесистой местности; боевого обеспечения и боепитания в конкретных условиях сложной обстановки. Дивизии по трое — четверо суток подряд ночевали в лесах, не заходя в населенные пункты, чтобы приучить личный состав действовать и жить в лесу. Работники штаба армии провели в каждой дивизии со всем командным составом до командиров батальонов включительно инструктивные занятия по вопросам организации боя.

Кроме того, с офицерами штабов дивизий были проведены так называемые летучки. Целью этих летучек было подготовить штабных офицеров дивизий к решению тех задач, которые возникнут перед ними в предстоящей операции.

При подготовке вопросов, связанных с управлением, большое внимание уделялось подготовке средств связи к работе в сложных условиях бездорожья, пересеченной и закрытой местности. Проверялась подготовленность радистов, состояние радиостанций, аппаратуры и всех средств проволочной связи. В каждой части в дополнение к этим средствам связи выделялись офицеры связи со средствами передвижения (верховые лошади, сани, машины, лыжи). Была создана специальная группа авиационной связи на самолетах У-2. Таким образом, средств связи было вполне достаточно для поддержания непрерывного управления.

В подготовке тылов решающее значение имело накопление продовольствия в пунктах, расположенных в непосредственной близости от района предстоящих боевых действий армии. Однако штаб фронта не только не помог нам в этом деле, но и «освободил» нас от того продовольствия, которое мы с трудом запасли. Дело в том, что нам пришлось по приказанию фронта принять, что называется, на полное иждивение своего правого соседа — 3-ю ударную армию, у которой почти ничего не было, и это нас истощило. В течение 10 дней наши запасы были полностью израсходованы. К началу наступления отдельные дивизии, например 360-я, не имели ни одной суточной выдачи, а в день наступления люди даже не получили завтрака. Пришлось искать выход из положения, отбирая у одной части небольшие запасы и передавая их другой, не имевшей ничего. Так были отобраны сухари у 358-й стрелковой дивизии и переданы 360-й, чтобы покормить людей хотя бы к вечеру первого дня наступления. Это является доказательством того, как плохо работал тыл Северо-Западного фронта [1].

---

[1] В журнале боевых действий армии за 8 января 1942 года имеется запись:

«В 360-й стрелковой дивизии на 9 января 1942 года продовольствия нет».

Такая же запись имеется и в отношении 332-й стрелковой дивизии. Архив МО СССР, оп. 4570, д. 47, л. 30.

Однако, несмотря на затруднения с продовольствием, войска готовились к наступлению с большим подъемом.

Перейдем к рассмотрению обстановки перед наступлением.

Противник, имевший на подготовку обороны на этом участке фронта более трех месяцев, создал ряд взаимодействующих между собой отдельных узлов сопротивления с хорошо организованной системой огня. Однако закрытая лесистая местность давала возможность обходить узлы сопротивления, окружая и прикрывая их незначительными силами, а основной массой войск развивать стремительное наступление вглубь. Такую возможность мы полностью использовали. Участками с наиболее развитой системой опорных пунктов противника являлись районы Дроздово, Жуково, Давыдово, Лопатино — к северу от Пено. Здесь располагались правофланговые соединения 16-й немецкой армии. Восточнее Пено сильно укрепленными районами были Колобово, Раменье, Бор, Селижарово, Селищи, где занимали оборону соединения 9-й немецкой армии.

В полосе наступления противник мог противопоставить нам до трех пехотных дивизий, поддержанных 50—60 самолетами, а в дальнейшем в глубине — 200—300 самолетами.

Наиболее выгодным направлением главного удара являлось направление Пено — Андреаполь — Торопец. Здесь был (как уже указывалось выше) стык двух немецких армий, и оборона противника была слабой.

Гитлеровцы, видимо, полагали, что «огневой мешок», образованный на этом направлении 146-м пехотным полком слева и частями 253-й пехотной дивизии справа, с «дном» в районе Пено, занятым кавалерийской бригадой СС «Мертвая голова», не позволит нам нанести здесь удар главными силами. Я же считал, что удар следует наносить именно здесь, поскольку для противника он будет полной неожиданностью.

Наш замысел наступательной операции выглядел так: главный удар силами двух дивизий нанести в направлении Пено, Андреаполь, Торопец, имея по одной дивизии на флангах. Левый фланг армии обеспечить со стороны селижаровской группировки одной бригадой. За главной группировкой во втором эшелоне должны были наступать дивизия и две бригады (одна из этих бригад

во время прорыва сковывала противника на участке Дроздово, Давыдово). Одна бригада выделялась в резерв. Таким образом, в первом эшелоне действовали 4 дивизии, во втором эшелоне — одна дивизия и две бригады.

Танковые батальоны, гвардейские минометные дивизионы и основная масса артиллерии использовались на направлении главного удара. После преодоления войсками полосы укреплений противника стрелковые бригады и лыжные батальоны предполагалось выдвинуть вперед и использовать для преследования противника.

К сожалению, нашему замыслу не суждено было осуществиться. Командование фронта его не утвердило и приказало нам усилить правый фланг армии и нанести не один, а два удара — на правом фланге армии и в центре. Такое решение не соответствовало обстановке и являлось плодом компромисса между двумя различными замыслами. Я настаивал на одном ударе в центре в стык соединений противника и опасался, что наступление на правом фланге не будет иметь успеха. Мои опасения в процессе операции подтвердились полностью.

Требование командующего Северо-Западным фронтом усилить правый фланг армии и нанести там второй главный удар было обусловлено его стремлением усилить 3-ю ударную армию, которой предстояло нанести удар в общем направлении на Великие Луки. Поэтому состав 4-й ударной армии, определенный ранее Генеральным Штабом, был изменен, и от нас передали в 3-ю ударную армию три стрелковые дивизии (причем «старые» дивизии, имевшие боевой опыт) и два артиллерийских полка.

Окончательный план операции после утверждения командованием фронта выглядел так. Главный удар наносился в двух направлениях. Первый — на правом фланге наносила 360-я дивизия, усиленная лыжным батальоном, танковым батальоном и двумя саперными батальонами; направление удара Б. Антоновщина, Глазуны, Залесье. Во втором эшелоне наступала стрелковая бригада, которая с выходом на рубеж Глазуны должна была повернуть на юго-запад вдоль западного берега озера Вселуг и окружить 416-й пехотный полк против-

ника. Для связи между правым флангом армии и центром выделялась стрелковая бригада, которая была усилена двумя лыжными батальонами и наступала на Карповщина. Второй, более сильный, удар наносили в центре две дивизии в первом эшелоне и стрелковая бригада во втором.

249-я стрелковая дивизия с двумя лыжными батальонами, дивизионом «эресов», танковым батальоном и саперным батальоном наносила удар на Пено. Рядом с ней наступала 332-я стрелковая дивизия, усиленная лыжным батальоном и саперной ротой в направлении на Лохово, ст. Жукопа. 332-я стрелковая дивизия тесно взаимодействовала как с 249-й стрелковой дивизией, так и с 334-й стрелковой дивизией, действовавшей левее ее на левом фланге армии. Ее удар должен был примыкать к главному удару, наносимому 332-й стрелковой дивизией, и надежно обеспечивать ее левый фланг.

Стык с соседом — 22-й армией — обеспечивался 21-й стрелковой бригадой, наступавшей во втором эшелоне за 334-й стрелковой дивизией уступом влево.

Всего в первый эшелон выделялось четыре дивизии, одна бригада, шесть лыжных и один танковый батальон; во второй эшелон — две бригады. Резерв составляли: одна дивизия, одна бригада и один лыжный батальон, которые находились в центре армии, т. е. на главном направлении. Армейская артиллерия распределялась следующим образом: на участок 249-й стрелковой дивизии, наступавшей на направлении главного удара, выделялось пять дивизионов, на участок 332-й стрелковой дивизии — один дивизион, 334-й стрелковой дивизии — два дивизиона (кроме обеспечения действий этой дивизии против селижаровской группировки противника, необходимо было надежно обеспечить левый фланг армии).

План предусматривал проведение операции двумя этапами. На первом этапе предстояло прорвать оборону противника, разгромить его группировку — 416-й пехотный полк, части кавалерийской бригады СС «Мертвая голова», 253-ю пехотную дивизию — и выйти на рубеж западный берег оз. Вселуг, ст. Соблаго — Селижарово.

Наступление частей и соединений армии должно было начаться неодновременно. Одни части и соединения переходили в наступление вечером 8 января, другие —

в ночь на 9, третьи — в 10 часов 9 января. На направлении главного удара планировалась двухчасовая артиллерийская подготовка, а также авиационная подготовка, правда, слабенькими силами истребительных полков ЛаГГ-3 и Як-1, конечно, больше для морального воздействия.

Разновременность начала наступления преследовала цель ввести противника в заблуждение относительно нашего оперативного замысла. Это удалось нам, и поэтому оборонительная полоса противника была прорвана относительно быстро и с малыми потерями.

Первый этап операции планировался продолжительностью в два дня.

Задачей второго этапа операции являлось энергичное преследование отходящего противника с целью воспрещения его выхода на тыловой рубеж и овладение Андреаполем. Эту задачу предполагалось выполнить четырьмя стрелковыми бригадами и шестью лыжными батальонами. На втором этапе операции армейские артиллерийские группы дальнего действия переподчинялись стрелковым дивизиям. 39-я стрелковая бригада, имевшая первоначальную задачу обеспечивать связь между правофланговой и центральной ударными группировками армии, после прорыва обороны переходила в армейский резерв.

Правый сосед — 3-я ударная армия — получила задачу наступать в направлении Трестино, уничтожить противостоящего противника и к исходу четвертого дня операции выйти на рубеж Нов. Русса, Ивановское. В дальнейшем армия должна была, прочно обеспечивая себя справа, развивать наступление в направлении Велилы, Мухино. Разграничительная линия с 3-й ударной армией проходила по пунктам (иск) Фирсово, (иск) Кравотынь, Городок, (иск) Орлово, оз. Лучанское, (иск) Торопец.

Подготовка операции и перегруппировка войск начались заблаговременно.

Сосредоточение и перегруппировку войск прикрывала 249-я стрелковая дивизия, ее части также вели разведку обороны противника.

Сосредоточение войск являлось чрезвычайно сложным делом. Во избежание чрезмерной загрузки оперативными перевозками единственной железной дороги

основная масса войск (332, 334, 358, 360-я стрелковые дивизии) следовала из Москвы на автомашинах по дороге Торжок — Кувшиново — Осташков. По железной дороге перевозились все стрелковые бригады, артиллерийские и танковые части. Все лыжные батальоны двигались в район сосредоточения своим ходом. Это было для них хорошей тренировкой к предстоящим боевым действиям. Не обошлось, однако, без курьезов: один лыжный батальон прибыл без лыж, растеряв их по дороге. Сказался формальный, чиновничий подбор людей в спецподразделения. В батальон попали жители южных районов страны, никогда даже не видевшие лыж. Ясно, что лыжи были для них обузой.

Пункты управления сосредоточением войск, организованные в Торжке и Бологом, принимали прибывающие части и направляли их в районы выгрузки и отправки. В конечных пунктах выгрузки были также назначены ответственные лица из офицеров оперативного, автотракторного отделов и отдела военных сообщений штаба армии, которые сразу же по прибытии в пункты выгрузки вручали частям приказ на выход в район сосредоточения. При необходимости они пополняли части боеприпасами, продовольствием и фуражом и оказывали различную помощь.

Для автотранспорта были организованы ремонтные базы и заправочные пункты. Порожний автотранспорт во избежание встречного движения выводился за пределы фронтового тыла.

Районы сосредоточения соединениям назначались с таким расчетом, чтобы войска при занятии исходного положения для наступления не тратили времени и сил на дополнительные перегруппировки.

По плану сосредоточение должно было закончиться 26 декабря, фактически же оно продолжалось до 7—8 января, а некоторые части, например 421-й артиллерийский полк РГК, прибыли к месту назначения лишь 9 января. Отдельные подразделения, особенно тыловые, подходили и позднее, догоняя свои соединения уже во время наступления.

Основной причиной, замедлявшей движение, были морозы (приходилось делать остановки для обогревания солдат). Сильно заснеженные дороги также снижали

скорость движения. Сказывались и плохое состояние транспорта и перебои в снабжении горючим.

Надо сказать, что штаб Северо-Западного фронта не смог наладить достаточно четко автодорожную службу, и поэтому на дорогах часто создавались «пробки».

В период сосредоточения главных сил 4-й ударной армии части прикрытия вели активную разведку и бои с целью захвата выгодных для наступления исходных рубежей.

Для проверки сведений, имевшихся в штабе фронта, о якобы происходящем в районе Селижарово сосредоточении танковой дивизии, в ночь на новый 1942 год был организован поиск усиленным батальоном. Эта дата была избрана нами в связи с тем, что немцы отмечали праздники попойками.

При опросе пленных, захваченных этой ночью, выяснилось, что никаких танков на этом направлении нет.

В первых числах января, т. е. до начала наступления, на всем фронте армии велась усиленная разведка. На всех участках были захвачены пленные. Это дало нам возможность уточнить группировку противника и организацию его обороны.

В это же время с целью улучшения исходных позиций для наступления 249-я стрелковая дивизия провела несколько боев, в результате которых были заняты Заречье, Заборье и другие населенные пункты, что значительно улучшило исходные позиции для наступления правофланговых соединений армии.

Исходное положение войска армии заняли в ночь на 7 января, и только после этого 249-я стрелковая дивизия, прикрывавшая сосредоточение армии, собрала свои части на участок наступления. Это было осуществлено незаметно для противника.

Опыт прикрытия одной дивизией сосредоточения армии вплоть до начала наступления в тех условиях полностью себя оправдал. Противник не только не обнаружил нашу группу и срок начала наступления, но, что очень важно, не разгадал и направления главного удара.

Таким образом, была достигнута внезапность наступательной операции армии.

Из захваченных в первые дни наступления документов видно, что противник ожидал наступления не ранее последних чисел января и был уверен, что перед его

фронтом в этом районе находятся две малочисленные дивизии 27-й армии.

6 января приказ о наступлении был доведен до войск.

По этому приказу армия наносила главные удары в направлениях: первый (указанный фронтом) — на Б. Антоновщина, Глазуны, Наумово с задачей уничтожить противника в районах Дроздово, Жуково, Лопатино, Давыдово; второй — на Кошелево, Пено с задачей уничтожения противника в районе Раменье, Колобово, Бор.

Считать оба удара главными мы были вынуждены по требованию командования фронта. Фактически же удар на правом фланге являлся вспомогательным и по моему замыслу и по группировке.

Действительно, главным ударом был удар центром, силами 249-й и 332-й стрелковых дивизий. Справа их действия обеспечивались 39-й стрелковой бригадой и поддерживались основной массой артиллерии.

Мы просили командование фронта ввести в полосу наступления армии две дивизии фронтового резерва для последующего удара от ст. Охват в южном направлении на Нелидово, чтобы не отвлекаться от непосредственной задачи для оказания поддержки в продвижении левого соседа — 22-й армии. Но фронт не смог удовлетворить эту просьбу, а поэтому в ходе операции нам пришлось выделить часть сил для овладения Нелидово, обеспечения левого фланга и оказания помощи 22-й армии (схема 9).

Все это вместе с выделением сил и средств на правый фланг не могло не сказаться отрицательно на темпах наступления и не ослабить силы удара на Пено, Андреаполь.

8 января я собрал всех командиров соединений и еще раз разъяснил им план предстоящей операции. Проверил, как понял каждый из них свою частную задачу и общую задачу армии, и еще раз повторил задачи соединениям на предстоящее наступление: 360-й стрелковой дивизии с 62-м лыжным батальоном, дивизионом 270-го артиллерийского полка, 171-м отдельным танковым батальоном и другими средствами усиления, наступая в направлении Б. Антоновщина, Глазуны, Наумово, овладеть Глазунами; 62-му лыжному батальону

в ночь на 9 января захватить Наумово и не допустить отхода противника на запад и подтягивания его резервов из глубины.

48-й стрелковой бригаде с 64-м и 66-м лыжными батальонами при поддержке дивизиона 270-го артиллерийского полка наступать в направлении Жуково, с тем чтобы лыжные батальоны на рассвете 9 января захватили Жуково. В дальнейшем лыжные батальоны должны были, продвигаясь на Пихтень и Орлинку, воспретить отход противника на запад.

51-й стрелковой бригаде приказывалось наступать во втором эшелоне за 360-й стрелковой дивизией, но так как 48-я стрелковая бригада (как выяснилось на совещании) опоздала с выходом в исходное положение, мне пришлось здесь же приказать командиру 51-й стрелковой бригады выполнять задачу, поставленную 48-й стрелковой бригаде.

39-й стрелковой бригаде надлежало выйти на рубеж Звягино, Дубье, Давыдово.

249-я стрелковая дивизия с 67-м и 68-м лыжными батальонами, 204-м отдельным гвардейским минометным дивизионом, 141-м отдельным танковым батальоном и другими подразделениями усиления получила задачу, наступая на Пено, овладеть населенными пунктами Переходовец, Пено (лыжники должны были овладеть ст. Соблаго) и выйти на рубеж Заречье, Пено.

332-й дивизии с дивизионом 919-го артиллерийского полка и саперной ротой предстояло наступать в направлении Лохово, ст. Жукопа и захватить передовыми частями Жукопу.

Наступление 249-й и 332-й стрелковых дивизий поддерживалось армейской артиллерийской группой дальнего действия в составе двух дивизионов 270-го артиллерийского полка.

Тыл и фланг 249-й стрелковой дивизии прикрывались стрелковым и лыжным батальонами.

334-й стрелковой дивизии с 61-м лыжным батальоном и артиллерийским дивизионом было приказано, прикрывшись со стороны Селижарово, во взаимодействии с 332-й стрелковой дивизией наступать в направлении Шуваево и выйти на рубеж Раменье, Красн. Сады, овладев Колобовом и Бором, обеспечивая ударную группировку слева.

21-я стрелковая бригада прикрывала левый фланг армии.

358-я стрелковая дивизия — резерв армии — одним полком выдвигалась в район Семеново Село, а остальными силами переходила к исходу 9 января в район Кошелево, Пустоша.

Во время артиллерийской подготовки, начало которой планировалось на 8 часов 30 минут 9 января, предстояло подавить опорные пункты, огневую систему и артиллерию противника перед фронтом армии.

Основное внимание, естественно, уделялось обеспечению успеха 249-й и 332-й стрелковым дивизиям, наступавшим на направлении главного удара.

Авиация получила задачу прикрыть действия центральной и правофланговой группировок армии: десятиминутным авианалетом подавить опорные пункты противника, не допустить его фланговых ударов от Селижарово, а также не дать ему возможности подтягивать резервы от Андреаполя и воспретить его отход за линию озер Вселуг, Пено [1].

Авиация армии насчитывала 60 самолетов, из которых исправных было 53, в том числе: ЛаГГ-3 — 16 машин, И-15бис — 17, СБ — 2 машины и У-2 — 18 машин.

Большая работа по подготовке личного состава к предстоящей операции была проделана политорганами. Особенности их работы вытекали из тех суровых условий, в которых предстояло начать наступление. Военный совет постоянно руководил политической работой в войсках армии. Опытный и инициативный политработник, член Военного совета армии дивизионный комиссар тов. Рудаков М. В. уделял много внимания этому делу.

Войскам армии надлежало быстро и скрытно сосредоточиться для наступления в невероятно тяжелых климатических условиях. Из-за недостатка транспортных средств, плохого состояния дорог, снежных заносов, а также в немалой степени и вследствие преступной беспечности бывших руководящих работников тыла Северо-Западного фронта (начальник тыла и комиссар были преданы суду военного трибунала) обеспечение войск оставляло желать много лучшего.

---

[1] Архив МО СССР, оп. 4570, д. 47, лл. 26—28.

Личный состав армии в возрастном отношении был неоднородным (например, в 358-й стрелковой дивизии основную массу составляли солдаты в возрасте от 32 до 36 лет, в 360-й — от 35 до 45 лет, в 21-й стрелковой бригаде — молодежь в возрасте до 30 лет). Опираясь на партийные и комсомольские организации (процент коммунистов и комсомольцев в армии достигал примерно 20), политорганы армии с первых же дней подготовки к операции развернули в частях огромную работу.

Большое внимание уделялось правильной расстановке партийных и комсомольских сил в соединениях, частях и подразделениях. Так, например, в 332-й стрелковой дивизии, скомплектованной в г. Иваново, в каждом стрелковом полку имелось примерно равное число коммунистов и комсомольцев (от 450 до 500 человек). В 1117-м стрелковом полку этой дивизии в каждой роте насчитывалось от 15 до 20 членов КПСС и ВЛКСМ. В спецподразделениях партийная прослойка была большей.

В 249-й стрелковой дивизии (впоследствии 16-я гвардейская), укомплектованной в основном сибиряками и уральцами, а также уроженцами Курской области, имелось 567 членов КПСС, 463 кандидата в члены КПСС и 1096 комсомольцев.

Во всех подразделениях армии были созданы партийные и комсомольские организации, избраны парторги, комсорги и их заместители.

Политорганы провели большую работу по подбору агитаторов, стремясь добиться, чтобы в каждом отделении был свой агитатор. Занимались они и работой по укреплению разведывательных подразделений.

Надежной опорой командиров в их работе по подготовке наступления стали комсомольские организации. Комсомольцам поручались наиболее ответственные участки. Так, например, в 1195-м стрелковом полку 360-й стрелковой дивизии комсомольцы назначались пулеметчиками, автоматчиками, артиллеристами, минометчиками, разведчиками.

В дни подготовки к наступлению политорганы провели широкий обмен опытом между теми комсомольскими организациями и их руководителями, которые уже имели боевой опыт (комсомольцы 249-й стрелковой ди-

визии), и теми, кто его еще не имел (подавляющее большинство комсомольцев других дивизий). С этой целью были проведены совещания-семинары.

Повседневно проводя работу среди коммунистов и комсомольцев, политорганы и комиссары помогали командирам в воспитании наступательного порыва среди всего личного состава.

«Коммунисты и комсомольцы, идите в авангарде красноармейских масс, по-большевистски организуйте победу над кровавым фашизмом!» — под таким лозунгом шла воспитательная работа среди членов КПСС и ВЛКСМ.

С целью укрепления соединений, которым предстояло решать главную задачу операции, в них направили сотни коммунистов и комсомольцев из других частей, в особенности из тыловых.

Немалую роль в подъеме морального духа солдат и командиров сыграло посещение частей армии в период подготовки к наступлению делегациями трудящихся Свердловской и Челябинской областей. Свердловчане и челябинцы побывали на передовых позициях, беседовали с солдатами, рассказывали им о своих производственных победах. Они поклялись фронтовикам непрерывно увеличивать выпуск продукции и давать фронту все необходимое для победы над врагом. Солдаты и офицеры в ответ дали торжественное обещание мужественно и умело бить врага, с честью выполнить поставленную перед 4-й ударной армией задачу.

В ночь на 9 января войска армии должны были выйти на исходное положение для наступления: 360-я стрелковая дивизия — в район Б. Антоновщина (туда же и 81-я стрелковая бригада, которая должна была наступать во втором эшелоне за 360-й стрелковой дивизией); 48-я стрелковая бригада — на участок (иск) Б. Антоновщина, Заборье; 39-я стрелковая бригада — в район Заборье, Нескучное; 249-я стрелковая дивизия — в район восточная окраина Переходовеца, железная дорога 3 км северо-восточнее Пено; 332-я стрелковая дивизия — в район Пустоша; 334-я стрелковая дивизия — в район Хотошино, 358-я стрелковая дивизия — в район Буковицы, Спицыно.

Правый фланг 249-й стрелковой дивизии прикрывался одним батальоном 1187-го стрелкового полка и 69-м лыжным батальоном, которые продолжали вести оборону.

21-я стрелковая бригада получила задачу выйти в район Хотошино и, сменив части 334-й стрелковой дивизии, прикрыть левый фланг армии со стороны селижаровской группировки противника.

360, 249, 332, 334-й стрелковым дивизиям и 39-й стрелковой бригаде удалось в назначенный срок выйти в отведенные им районы. Остальные соединения и некоторые приданные части по ряду причин, и прежде всего из-за позднего прибытия и трудностей, связанных с бездорожьем, снежными заносами, недостатком продфуража и горючего, а также вследствие сильного утомления людей и лошадей, опоздали с выходом в назначенные им исходные районы.

360-я стрелковая дивизия к 3 часам 9 января сосредоточилась в районе Б. Антоновщина; 62-й лыжный батальон в 23 часа 30 минут 8 января выступил в направлении Глазуны; 171-й отдельный танковый батальон и 109-й отдельный гвардейский минометный дивизион прибыли в исходные районы только к 15 часам 9 января, причем танки МК-2 и МК-3 не смогли переправиться через оз. Селигер и до 10 января оставались в лесу (севернее озера); после создания переправы через озеро они продвигались за 360-й дивизией, часто задерживаясь из-за бездорожья и отсутствия горючего.

48-я стрелковая бригада по моему последнему указанию к 4 часам утра 9 января вышла в район Жар для выполнения задачи, первоначально возложенной на 51-ю стрелковую бригаду. 51-я стрелковая бригада прошла по удлиненному маршруту через Осташков и поэтому прибыла на исходный рубеж Заборье с большим запозданием к исходу 9 января.

66-й лыжный батальон и нештатный истребительный отряд армии к 4 часам 9 января сосредоточились в районе Заборья и изготовились к наступлению в направлении Жуково.

249-я стрелковая дивизия к 10 часам вышла точно в исходный район. Однако 141-й танковый батальон из-за недостатка горючего поступил в распоряжение командира дивизии лишь в 19 часов 9 января. 204-й отдельный гвардейский минометный дивизион по той же причине, а также из-за снежных заносов прибыл лишь в 1 час 10 января. 67-й и 68-й лыжные батальоны вышли в указанные им районы тоже с запозданием к исходу

дня начала наступления. Это явилось результатом того, что лыжники были утомлены трудным двухсуточным маршем без продовольствия. 332-я стрелковая дивизия сосредоточилась в указанном ей районе в срок. Однако ее тылы отстали из-за отсутствия горючего.

358-я и 334-я дивизии также в основном выполнили задачу по сосредоточению, но 358-я дивизия сосредоточилась не полностью. 21-я стрелковая бригада опоздала с выходом в исходное положение, а 421-й артиллерийский полк РГК прибыл без средств связи и лишь с 25% положенных ему тракторов и автомашин. К моменту наступления он не закончил сосредоточения. 765-й артиллерийский полк прибыл на ст. Фирсово 10 января, но не был готов к выполнению задач (у него тоже не доставало тракторов).

Таким образом, армии пришлось начать наступательную операцию, имея не полностью сосредоточенными одну дивизию (358-ю) и три бригады (21, 48 и 51-ю). Не прибыли один танковый батальон, один минометный дивизион (294-й отдельный гвардейский) и пять лыжных батальонов.

Во многих частях и соединениях отдельные подразделения также не прибыли. Опоздание войск с выходом на исходный рубеж следует целиком отнести за счет тяжелых условий передвижения и слабой обеспеченности горючим и продовольствием вследствие неудовлетворительной работы тыла Северо-Западного фронта.

В материально-техническом отношении армия к операции оказалась неподготовленной. В войсках и на складах имелось всего 2,5 боекомплекта боеприпасов, 1—1,5 сутодачи продовольствия и фуража. Автобензина на армейских складах не было совсем и в баках машин оставалось в среднем около 0,15 заправки.

К началу наступления в армии имелся большой некомплект, по комсоставу — более чем 1000 человек, по рядовому и сержантскому составу — до 20 000 человек. Кроме того, не хватало двух тысяч лошадей.

ГЛАВА 8

НАСТУПЛЕНИЕ

(Схемы 7, 8 и 9)

Наступление... Это слово для военных как будто бы привычно, буднично, но в то время, в зиму 1941/42 года, оно было самым праздничным и зовущим словом из всех слов.

С ним связывались надежды на разгром врага и освобождение нашей родной земли, близких людей и всех соотечественников, попавших в неволю, месть вероломному врагу и мечты о мирной, трудовой жизни.

И все воины, от ездового хозвзвода до разведчика, мечтали о наступлении, как о чем-то самом прекрасном и важном в жизни.

И вот оно началось. На рассвете 9 января настойчиво, грозно и уверенно заработала наша артиллерия. Я находился на командном пункте армии у деревушки Сорога, поддерживая непрерывную связь с войсками.

В 10 часов 30 минут, после окончания двухчасовой артиллерийской подготовки, центральная группировка армии (249-я и 332-я стрелковые дивизии) двинулась вперед по глубокому снегу, преодолевая ожесточенное сопротивление противника.

Главные силы 249-й стрелковой дивизии (925-й и 917-й стрелковые полки и 68-й лыжный батальон) наступали на Пено, стремясь охватить его. К вечеру 925-й стрелковый полк приблизился к окраине Пено с севера, а два батальона 917-го полка проникли на восточную окраину города, однако из-за сильного огня и контратак противника батальоны пришлось вывести на во-

сточный берег Волги. Только подтянув артиллерию, отставшую из-за снежных заносов, и произведя артиллерийский налет с участием гвардейских минометов, дивизия с рассветом 10 января вновь перешла в атаку на город 925-м стрелковым полком с севера и 917-м стрелковым полком с востока. 67-й лыжный батальон к полудню также вышел на южную окраину города.

Противнику были отрезаны все пути для отхода. Одновременным ударом с трех сторон наши войска сломили сопротивление врага и к 13 часам освободили город Пено. На плечах разбитого кавалерийского полка и разведотряда кавалерийской бригады СС «Мертвая голова» дивизия к исходу того же дня ворвалась 925-м стрелковым полком в Шевырево, 917-м полком в Соблаго, 67-м лыжным батальоном в Лаугу. Хорошо организованный удар на Пено позволил почти полностью уничтожить врага, оборонявшего город.

Пленный командир батальона (сдался 20 января) сказал, что «особенно тяжелое впечатление произвели на всех солдат остатки разведывательного батальона СС, отступавшего из Пено. Никто из нас не мог себе даже представить, что немецкая воинская часть может так панически бежать. Однако через два дня нас постигла та же участь».

921-й стрелковый полк дивизии, действовавший с севера, уничтожил в районе Переходовец, Заево разведотряд 123-й пехотной дивизии противника. Прикрыв частью сил правый фланг дивизии, он главными силами продолжал наступление в направлении Заречье и к вечеру 10 января, заняв его, двинулся на Бервенец. Это не только обеспечило правый фланг дивизии, но и, создав угрозу полного окружения 416-го пехотного полка противника, способствовало успешному продвижению правого фланга всей армии.

Таким образом, в результате первых двух дней наступления был прорван основной оборонительный рубеж противника на главном направлении и занят г. Пено — важный узел обороны гитлеровцев на межозерном дефиле, являвшийся связующим звеном между 16-й и 9-й немецкими армиями. За два дня боев на главном направлении мы продвинулись на 27 км и за это время уничтожили свыше 500 солдат и офицеров противника, взяли много пленных, захватили 12 орудий,

несколько складов с боеприпасами, вещевым имуществом, продовольствием.

332-я стрелковая дивизия, действовавшая левее 249-й дивизии, встретила упорное сопротивление врага на южном и юго-западном берегу оз. Волго и сумела лишь блокировать противника в районе Лохово, а ее 1117-й стрелковый полк к исходу 9 января овладел ст. Жукопа. В дальнейшем дивизия, используя успех правого соседа (249-й дивизии) и оставив отдельные подразделения в качестве заслонов против опорных пунктов противника, главными силами продолжала наступление в направлении Красное, Луги. 1115-й стрелковый полк имел задачу наступать на Голенищево для выхода на фланг лугской группировки противника и перехвата путей из Селижарова на Андреаполь.

На правом фланге армии в это время 360-я стрелковая дивизия двигалась в неимоверно трудных условиях полного бездорожья через непроходимый, в буквальном смысле слова, лес. Чтобы проложить колонный путь, приходилось рубить на одном километре до 1000 деревьев. Кроме того, глубокий (до 1 м) и рыхлый снежный покров сильно затруднял движение технических средств.

Двигались так: впереди шла головная застава из лыжников, а за ними следовали саперы, которые вместе с головным отрядом обеспечивали движение главных сил дивизии, двигавшихся походным порядком. Дивизия шла двумя колоннами: один полк составлял правую колонну, а все остальные части двигались в левой колонне по главному маршруту.

В связи с трудностями марша части основной колонны перемешались. Тракторы, тянувшие 152-мм пушки, танки и машины гвардейского минометного дивизиона то и дело останавливались, мешая движению войск и обозов. Танкисты и трактористы пытались отремонтировать выходившие из строя машины, что еще более задерживало движение. Войскам не хватало продовольствия, так как было очень трудно организовать его своевременный подвоз. Автотранспорт почти не работал из-за нехватки горючего и невероятно трудной дороги. Даже полковая артиллерия отстала от частей, так как истощенные лошади не в силах были тянуть ее за пехотой. Только пехотные подразделения, без каких-либо средств

усиления и даже без тяжелого оружия, медленно продвигались вперед.

Из всего этого видно, какой «успех» имело бы наступление 4-й ударной армии, если бы в жизнь был проведен полностью замысел командования Северо-Западного фронта — удар правым флангом армии. Наши силы, с таким трудом собранные для нанесения удара по врагу, были бы растрачены на борьбу с природой и не смогли бы причинить неприятелю почти никакого ущерба. Мы, пожертвовав людьми и техникой, не выполнили бы поставленной перед нами Ставкой задачи.

На левом фланге армии 334-я стрелковая дивизия начала наступление в 10 часов 30 минут, не закончив полностью сосредоточения. Она вступила в бой в районе Колобово — Селище. Здесь противник имел наиболее густую сеть опорных пунктов и хорошо организованную систему огня, контролировавшую все оз. Волго.

Действия дивизии развивались следующим образом. 1124-й стрелковый полк, воспользовавшись слабой бдительностью противника и плохой видимостью, незаметно перешел через оз. Волго и захватил населенный пункт Волго. Атаки 9 и 10 января в населенном пункте Колобово успеха не имели. Попытка 11 января обойти правым флангом укрепления противника также не удалась. Полк втянулся в затяжной бой с врагом, укрепившимся в Шуваево, и остановился в лесу севернее и северо-западнее этого пункта. Еще менее удачно развивались действия 1126-го стрелкового полка, не успевшего своевременно форсировать оз. Волго. Попав под сильный пулеметный огонь со стороны Селищи, полк стал наступать правее и вышел к Бору, который также был сильно укреплен. Не добился успеха и 1112-й стрелковый полк, перешедший в наступление с опозданием. С 9 по 14 января 334-я стрелковая дивизия вела бои за опорные пункты на юго-западном берегу оз. Волго.

Несмотря на то, что на флангах армии наступление развивалось плохо, было решено продолжать главной группировкой продвижение вдоль железной дороги на Андреаполь, который являлся крупным узлом сопротивления, перехватывавшим ряд важных дорог, ведущих на юго-запад, юг и юго-восток. 249-я и 332-я стрелковые дивизии наступали на Андреаполь, преследуя отходящего противника.

После разгрома в районе Пено противник, сосредоточивая небольшие гарнизоны в населенных пунктах на пути движения ударной группировки армии, стремился задержать продвижение наших войск. Одновременно он выдвинул свежие части из района Андреаполя и стал создавать оборонительный рубеж на подступах к городу в районе ст. Охват — Луги — Голенищево, стремясь выиграть время для усиления обороны Андреаполя и подтягивания резервов из глубины.

Еще в конце декабря, когда враг обнаружил перегруппировку наших войск на старорусском направлении, он начал перебрасывать 81-ю пехотную дивизию из Франции для сосредоточения ее в район Старая Русса. Когда же наши части неожиданно прорвали фронт в районе Пено, противник направил 189-й пехотный полк этой дивизии, находившийся в то время в пути, в район северо-восточнее Андреаполя. Этот полк, усиленный саперным и другими отдельными батальонами (охранным, связи и т. д.), вступил с нашими частями в бой на рубеже ст. Охват — Луги, пытаясь задержать их продвижение до подхода новых резервов из глубины. Стремясь удержаться на рубеже р. Нетесьма, противник надеялся также прикрыть коммуникации своей селижаровской группировки, которым угрожал наступавший на Голенищево 1115-й стрелковый полк 332-й стрелковой дивизии.

249-я стрелковая дивизия 13 января уничтожила в Охвате гарнизон противника и овладела населенным пунктом и железнодорожной станцией. Немцы, однако, еще удерживали западную окраину этого населенного пункта, а также район Величково — Луги — Голенищево. Тогда было принято следующее решение. Оставив один полк 249-й стрелковой дивизии в районе Охват, с остальными ее частями и лыжными батальонами ночным маршем лесом, по бездорожью выйти в район Андреаполя и внезапно захватить его. 332-й стрелковой дивизии было приказано ликвидировать в это время в районе Величково — Луги — Голенищево 189-й пехотный полк и приданные ему батальоны.

358-я стрелковая дивизия, находившаяся во втором эшелоне, получила задачу выдвинуть один полк в район Ходулино — Мальцево, чтобы обеспечить наступление

332-й стрелковой дивизии с юга и способствовать продвижению 334-й стрелковой дивизии.

В районе Величково — Луги развернулись ожесточенные бои по уничтожению 189-го пехотного полка противника, только что прибывшего из Франции в полном составе (около 3000 человек), и двух отдельных батальонов.

Маневр 249-й стрелковой дивизии в районе Андреаполь и одновременный удар 332-й стрелковой дивизии по группировке противника в районе Величково — Луги привел к окончательному уничтожению этой группировки. Бои в районе Величково — Луги — ст. Охват велись с 13 до 15 января. 1119-й стрелковый полк 332-й стрелковой дивизии совместно с батальоном 925-го стрелкового полка 249-й стрелковой дивизии разбил подразделения 189-го пехотного полка противника юго-восточнее ст. Охват. 1117-й стрелковый полк и батальон 917-го стрелкового полка 249-й стрелковой дивизии 14 января овладели Величковом, Трипалевом, а к утру 15 января — Лугами, разгромив при этом до полутора батальонов 189-го пехотного полка противника. К вечеру 16 января 1119-й и 1117-й полки вышли на рубеж р. Нетесьма.

В районе Величково один немецкий батальон сделал попытку произвести «психическую атаку». Фашистских молодчиков предварительно подпоили. Под резкие звуки фанфар и треск барабанов батальон, возглавляемый не столько офицерами, сколько тамбурмажором [1], лихо подбрасывавшим свой нарядный трезубый жезл, церемониальным маршем в плотной шеренге двинулся на рубеж, занятый подразделениями 1117-го стрелкового полка 332-й стрелковой дивизии. Гитлеровцам дали подойти на расстояние 80—100 м, а затем шквальным огнем из всех видов оружия уничтожили их до последнего человека.

1115-й стрелковый полк, отбрасывая остатки разбитых частей 253-й пехотной дивизии противника и наступая от Горовастицы на юго-запад, 15 января вышел к Голенищево.

---

[1] Тамбурмажор — старший барабанщик, дирижер «оркестра», состоящего из барабанов и фанфар.

В этих боях хорошо действовали танкисты 141-го отдельного танкового батальона. Несмотря на задержку с переправой через р. Нетесьма, они сумели догнать стрелковые соединения и принять участие в боях за Охват, Величково и Луги, чем сильно облегчили борьбу пехоты за опорные пункты противника. Только в боях 15 января наши танки уничтожили до 160 солдат и офицеров противника, две пушки, шесть минометов, несколько пулеметов и т. д. Своими действиями они обеспечили нам дальнейший успех, отрезав пути отхода противнику, и помогли захватить богатые трофеи.

Полное уничтожение 189-го пехотного полка (противник оставил в районе боев до 1100 убитых) частями 332-й стрелковой дивизии и выход ее в район Луги, Величково облегчили 249-й стрелковой дивизии овладение Андреаполем, обеспечив ее левый фланг и не допустив подтягивания резервов к городу с юго-востока и северо-востока.

Удар наших частей на Андреаполь и одновременное уничтожение группировки противника в районе Охват, Луги, Величково сорвали намерение гитлеровцев задержать наступление армии на подступах к Андреаполю.

Немецкое командование, решив оказывать нарастающее сопротивление по рубежам, рассчитывало этим замедлить темпы нашего наступления. Однако наш одновременный удар по группировке противника в районе Охват, Луги, Величково, прикрывавшей Андреаполь, и по его частям, готовившим новый оборонительный рубеж на подступах к городу, расчленил силы противника и позволил быстро и с незначительными потерями добиться их уничтожения.

249-я стрелковая дивизия, двигаясь лесами, за одни сутки подошла к Андреаполю с тыла. К рассвету 15 января она сосредоточилась на непосредственных подступах к городу. После двадцатиминутной артиллерийской подготовки дивизия при поддержке 141-го танкового батальона с фронта и вдоль дороги Пено — Андреаполь начала атаку города одновременно с запада, севера и северо-запада. В городе началась паника, гитлеровцы никак не ожидали, что наши части смогут выйти «непроходимыми» лесами к ним в тыл.

Здесь нельзя не сказать о том, что 249-я стрелковая дивизия была замечательным соединением, личный

состав дивизии воплотил лучшие качества, присущие Советской Армии. Соединение состояло в основном из сибиряков и уральцев, закаленных суровой природой своих родных мест; теперь они стали и бывалыми, обстрелянными воинами, так как долгое время участвовали в боях в тяжелых условиях осени и зимы 1941 года. Командиром дивизии был генерал-майор Тарасов Г. Ф. Это был храбрейший человек, отличавшийся вместе с тем заботливостью к людям и требовательностью не только к подчиненным, но и к самому себе.

249-я стрелковая дивизия впоследствии была заслуженно удостоена высокого звания «гвардейской».

В течение дня 15 января части дивизии полностью окружили противника в Андреаполе и, захватив северную часть самого города, вокзал и соседние населенные пункты Раменье, Борок, Роженка и подступы к юго-западной окраине города, отрезали немцам пути отхода.

Опомнившись от растерянности, гитлеровцы оказали ожесточенное сопротивление, завязав упорные уличные бои. Особенно стойко оборонялись они в южной части города.

В 17.30 16 января после ожесточенных боев Андреаполь был полностью очищен от противника. Оборонявшиеся там разрозненные части 253-й пехотной дивизии, остатки 189-го пехотного полка 81-й пехотной дивизии и другие подразделения были уничтожены. Наши войска захватили в городе огромные склады продовольствия, фуража, боеприпасов и горючего.

Итак, в результате успешного наступления главной группировки армии фронт обороны противника был прорван. Части противника, оборонявшиеся в первом эшелоне (кавалерийская бригада СС, левофланговые полки 253-й пехотной дивизии и правофланговые подразделения 416-го пехотного полка), были уничтожены, подверглись разгрому также и ближайшие резервы противника в районе Андреаполь, Голенищево, Величково. Таким образом, войска армии не только разорвали фронт противника, но и захватили его ближайшие базы, нарушили коммуникации. Наши части перешли к преследованию противника. На флангах же, особенно на правом, продвижение войск армии шло медленно.

Правофланговые части, как уже говорилось выше, действовали в чрезвычайно сложных условиях. Первый

вражеский опорный пункт 360-я стрелковая дивизия встретила в районе Глазуны. Здесь оборонялся батальон противника. Так же, как и в других местах, гитлеровцы приспособили все постройки под огневые точки. Из-за неопытности командира дивизии и командиров частей дивизия задержалась возле Глазунов на целые сутки. Вместо того чтобы обойти укрепленные позиции противника, части дивизии ввязались в бой в крайне невыгодных для себя условиях и понесли напрасные потери.

Приехав в эту дивизию, мы с членом Военного совета тов. Рудаковым разобрались в положении и несколько выправили его. После этого дивизия, обойдя Глазуны с севера, двинулась в направлении Наумово. 12 января дивизия форсировала замерзшее оз. Вселуг, отбросив и частью уничтожив подразделения противника, оборонявшиеся в населенных пунктах. Двигаясь в дальнейшем снова по сплошным лесам на Петрово, Погорелицу и не встретив сильного сопротивления подразделений 416-го пехотного полка противника, отходивших на запад и юго-запад, дивизия к исходу 16 января вышла в район Дмитрово, Быстри. 51-я стрелковая бригада, выведенная 11 января во второй эшелон, шла за 360-й дивизией, обеспечивая правый фланг армии. К 16 января бригада сосредоточилась в районе Мосты, Поперечник.

48-я стрелковая бригада, наступая на Жабье, разбила в этом районе подразделения 416-го пехотного полка, в ночь на 13 января ликвидировала арьергарды этого полка, пытавшиеся уйти на Заречье, и к исходу 16-го вышла в район Залозье, где остановилась, чтобы подтянуть обозы, так как у нее совершенно не осталось продовольствия.

По нашему замыслу, 48-я стрелковая бригада должна была полностью уничтожить 416-й пехотный полк противника, но ее командование, к сожалению, не сумело использовать лыжные батальоны для глубокого обхода этого полка, и гитлеровцам удалось вывести из-под удара часть своих сил и техники.

171-й отдельный танковый батальон, артиллерия и 109-й отдельный гвардейский минометный дивизион только 12 января вышли в район Глазуны и оставались там в ожидании горючего, ремонтируя матчасть. Видя, что использовать технику на правом фланге совершенно

невозможно, я вывел 171-й танковый батальон в свой резерв и приказал передать 109-й гвардейский минометный дивизион и один дивизион 421-го артиллерийского полка РГК в 332-ю стрелковую дивизию для использования их на главных направлениях.

39-я стрелковая бригада к 11 января разгромила оборонявшийся в ее полосе усиленный батальон 416-го пехотного полка противника и вышла в район Дубье. Быстрое развитие действий на главном андреапольском направлении и выход правого фланга армии (360-я стрелковая дивизия) лыжными батальонами к Наумово вынудили противника к отходу, и он, сжигая населенные пункты, 11 и 12 января начал выводить 416-й пехотный полк из-под угрозы окружения. Преследуя отходящего противника и ведя упорные бои с частями его прикрытия, 39-я стрелковая бригада 13 января овладела Пихтенем, Карповщиной.

На левом фланге армии 334-я стрелковая дивизия и 21-я стрелковая бригада вели напряженные бои. Эти соединения попали в наиболее трудные условия, здесь система вражеской обороны была более развитой, чем на других направлениях. Кроме того, они все время подвергались фланговым контратакам противника из района Селижарово, а потому продвигались медленно и несли значительные потери.

Хорошо организованная огневая система обеспечила здесь противнику возможность прострела всех подступов к опорным пунктам, огневое фланкирование и огневую связь между опорными пунктами. Кроме того, немцы непрерывно контратаковали наступающие части во фланг из района Селище и Селижарово, задерживая, а кое-где и отбрасывая назад наступавшие части 334-й стрелковой дивизии.

Артиллерия дивизии из-за недостатка и истощенности лошадей медленно меняла огневые позиции и не успевала подвозить боеприпасы. Объективные трудности действий на этом участке усугублялись тем, что командование дивизии не могло отрешиться от стремления брать опорные пункты в лоб без тщательной разведки и надлежащей организации боя. Пришлось вмешаться и категорически потребовать не ввязываться в затяжные бои за укрепленные населенные пункты, а обходить их, оставляя заслоны (уничтожить вражеские гарнизоны в

этих пунктах с успехом могли части второго эшелона). В помощь командиру дивизии был выделен начальник оперативного отдела штаба армии, толковый и хорошо подготовленный полковник.

Эффективной помощью дивизии явилось выдвижение к Ходулину 1119-го стрелкового полка 358-й стрелковой дивизии — резерва армии, направленного в обход селижаровской группировки противника. Дальнейшее продвижение этого полка создало угрозу путям отхода противника и его коммуникациям и вынудило 453-й пехотный полк и разведотряды 251-й и 253-й пехотных дивизий противника поспешно отойти.

Ведя арьергардные бои, гитлеровцы 15 января оставили Раменье, Красн. Сады, а 16 — Шуваево. 334-я стрелковая дивизия двигалась далее на Куничниково, а 21-я стрелковая бригада, обеспечивая левый фланг армии, подошла с запада и севера к Дубровкам.

Таким образом, начали выравниваться и наши фланги. Чтобы сделать преследование более целеустремленным, 14 января был отдан специальный приказ, в котором войскам ставилась задача довести темп наступления до 20 км в сутки. Особенно подчеркивалась необходимость не ввязываться в затяжные бои за населенные пункты, а обходить их, стремительно преследуя отступающего противника. Для более эффективного преследования (до 30—35 км в сутки) я потребовал от всех командиров дивизий выделить передовые отряды, обеспечив их средствами для более быстрого передвижения (лыжи, лошади).

Главной задачей отрядов было: неотступно преследовать противника, обходить его, нарушать связь, громить штабы и тылы, не допускать уничтожения имущества в складах, брать пленных.

За восемь дней боев войска армии почти полностью уничтожили 1-й кавалерийский полк, разведотряд кавалерийской бригады СС, 189-й пехотный полк, саперный батальон, батальон связи 81-й пехотной дивизии, нанесли поражение 416-му пехотному полку, разведотрядам 123, 251, 253-й пехотных дивизий, 453-му пехотному полку и разрозненным подразделениям 253-й пехотной дивизии, которые противник бросил с целью задержать наше наступление.

Развивая успех, армия вышла на рубеж Дмитрово, Быстри, Рогово, Соболево, Голенищево, Мальцево, Дубровки [1].

Соединения армии, наступавшие в центре, преодолевая упорное сопротивление врага, продвинулись в глубину на 70 км.

Войска армии в этот период захватили много пленных, оружия, продовольствия и различного военного имущества.

Говоря об этих боях, уместно вспомнить наивную версию геббельсовской пропаганды, что «главным генералом у русских была зима». Кому не ясно, что зима создавала затруднения для обеих сторон и для наступающих во сто крат более серьезные, чем для обороняющихся. В самом деле, что труднее в зимних условиях: сидеть в обороне, на заранее подготовленном рубеже, с оборудованными дотами, как правило, вблизи населенных пунктов, а чаще в самих населенных пунктах, имея запасы продовольствия, снаряжения и боеприпасов, или, преодолевая бездорожье, снежные заносы, прорубаясь в лесах, зачастую без артиллерии и танков, атаковать вражеские позиции, подготовлявшиеся с чисто немецкой скрупулезностью в течение нескольких месяцев?

Ответ ясен. Отговорка, что русские выносливее, побивает тех, кто к ней прибегает, потому что является признанием высоких боевых качеств нашей армии.

Ознакомимся кратко с действиями соседей 4-й ударной армии в эти дни. Правый сосед — 3-я ударная армия — перешла в наступление также 9 января. Ее войска встретили организованное сопротивление противника. Командный состав соединений армии не имел опыта борьбы против опорных пунктов. Вместо того чтобы заслоняться от них малыми силами, а крупными обходить их, прорываясь в глубокий тыл противника и перерезая его коммуникации, соединения армии в первый же день операции ввязались в затяжные, невыгодные бои за укрепленные населенные пункты, обороняемые мелкими гарнизонами. В результате этого 3-я ударная армия начала утрачивать наступательный порыв и отстала от 4-й ударной армии.

---

[1] Данные взяты из донесения армии в штаб Северо-Западного фронта.

Разрыв с 4-й ударной армией, прикрытый лишь 31-й стрелковой бригадой, достиг 35 км и продолжал увеличиваться. Это создавало угрозу нашему флангу. Командование фронта подгоняло левый фланг 3-й ударной армии. Однако ускорение движения на левом фланге при топтании у Молвотиц и Ватолино правого фланга вело к дальнейшему растягиванию фронта и утрате наступательнюго порыва.

Левее 4-й ударной армии действовала 22-я армия. Она вела бои с селижаровской группировкой противника.

Успешное продвижение левофланговых соединений 4-й ударной армии создало угрозу обхода частям врага, оборонявшимся на левом фланге Селижаровского укрепленного района, и вынудило их к отходу. Это дало возможность 179-й стрелковой дивизии 22-й армии 15 января занять Селижарово, а 16 выйти на правый берег Волги. 22-я армия также сильно отставала от наших левофланговых частей. Разрыв между флангами 22-й и 4-й армий задерживал наше продвижение и требовал выделения сил для обеспечения открытого левого фланга.

После того как войска 4-й ударной армии освободили Андреаполь и разгромили андреапольскую группировку противника, остатки его разбитых частей начали отход под натиском наших войск на Торопец и ст. Западная Двина. К этим пунктам противник подтягивал и свежие силы, чтобы остановить наше наступление. В частности, в район Торопца были подброшены части не участвовавшей еще в боях 403-й пехотной дивизии. В гарнизон города входили также отряды полевой жандармерии и полиции, насчитывающие 1200 человек, рота самокатчиков 206-й пехотной дивизии и 207-й дивизион ПТО. Гарнизон пополнился, кроме того, остатками разбитого 416-го пехотного полка, остатками кавалерийской бригады СС и других частей.

По данным разведки, в районе ст. Западная Двина был сосредоточен 512-й железнодорожный батальон. Остатки 253-й и 102-й пехотных дивизий, действовавшие против левого крыла армии, поспешно отходили в направлении Нелидово с целью организации обороны на рубеже Ревякино, Дубасово и прикрытия рокадной железнодорожной линии Великие Луки — Нелидово.

К середине января активность авиации противника возросла. Теперь почти ежедневно она бомбила наши войска, коммуникации, штабы и тылы. Мы же не могли противодействовать этому, так как наша истребительная авиация была крайне слаба, а зенитная артиллерия, и без того малочисленная, часто бездействовала из-за отсутствия снарядов.

После выхода на рубеж Андреаполь — Васильево я решил создать главную группировку на заходящем правом фланге. Перегруппировываться войскам предстояло в ходе операции. В первый эшелон выделялись три дивизии и одна бригада, во второй эшелон — две бригады, в резерве на этом направлении оставалась одна дивизия. Таким образом, всего в главную группировку включалось четыре дивизии и три бригады. Такое оперативное построение должно было обеспечить стремительное продвижение войск при непрерывном наращивании силы удара из глубины. Одновременно обеспечивались и фланги, за которые приходилось беспокоиться в связи с отставанием соседей.

На левом фланге армии была создана вторая группировка вспомогательного характера в составе одной дивизии и одной бригады. Она имела задачу действовать на широком фронте и обеспечивать левый фланг армии. Эта группировка была создана для того, чтобы нанести по Торопцу сокрушительный и внезапный удар.

Ставя 249-й дивизии задачу овладеть Торопцом, я указал генералу Тарасову на дополнительную задачу, которую дивизии необходимо было выполнить во что бы то ни стало. Эта задача заключалась в том, чтобы при захвате Торопца не допустить уничтожения противником складов с боеприпасами, снаряжением, горючим и главное с продовольствием, взять эти склады и удерживать их при любых обстоятельствах.

Из показаний пленных и по данным агентурной разведки, мы знали, что в Торопце были сосредоточены крупные материальные запасы и прежде всего огромное количество продовольствия, предназначенного не только для снабжения войск данного направления, но и других оперативных направлений (Торопец являлся базой, так сказать, фронтового масштаба).

Для нас же в то время продовольствие имело первостепенное значение. Это не трудно понять, если вспом-

нить, что снабжение на Северо-Западном фронте было организовано плохо. Теперь же, когда армия оторвалась от своих баз на две сотни километров, а единственная дорога, находившаяся в более или менее проезжем состоянии, подвергалась непрерывному воздействию вражеской авиации, оно еще больше ухудшилось. Нечего греха таить, и на самих этих базах продовольствия имелось также не очень много, так как подвоз из глубокого тыла невероятно затруднялся перегруженностью нашего железнодорожного транспорта различными воинскими перевозками. Да, кроме всего, ведь это было начало 1942 года, когда вся страна терпела острый недостаток в продовольствии.

В этих условиях возможность получить продовольствие в таком количестве и в таком районе являлась для армии просто кладом. И мы не выпустили этот клад из наших рук благодаря геройству и стойкости 249-й стрелковой дивизии.

Командиру 249-й стрелковой дивизии была поставлена также задача внезапным ударом овладеть Старой Торопой, чтобы отрезать путь отхода торопецкой группировке противника в южном направлении.

19 января части 249-й стрелковой дивизии окружили Торопец, подойдя к нему одновременно с разных сторон (917-й полк — с севера, 921-й — с юго-востока и 925-й — с юга и юго-запада). Вскоре к северо-восточной окраине города подошла 48-я стрелковая бригада.

Гарнизон города к этому времени достиг 2500 человек. Все постройки, особенно каменные, были хорошо приспособлены для обороны. Были расчищены секторы обстрела и пристреляны подступы к городу.

Торопец, как и Андреаполь, подвергся нашей атаке совершенно неожиданно для противника.

После взятия Андреаполя гитлеровское командование бросило навстречу нашим наступающим войскам свои части, пытаясь задержать наше наступление. Поэтому командиру 249-й стрелковой дивизии командованием армии указывалось на необходимость вести дивизию лесами и скрытно подойти к городу, чтобы внезапно ворваться в район товарной станции, неподалеку от которой находились склады.

Дивизия выполнила задачу по скрытному сосредоточению на подступах к Торопцу. Отряды противника, вы-

брошенные нам навстречу, еще продолжали движение в направлении Андреаполя, когда у Торопца завязался бой. Услышав у себя в тылу шум боя, отряды бросились назад, стремясь возвратиться в Торопец, но не смогли этого сделать.

При этом 5-я рота 591-го батальона 85-го пехотного полка 403-й пехотной дивизии в составе более семидесяти человек во главе с командиром обер-лейтенантом Конрад сдалась в плен, что было в то время крайней редкостью и говорило о симптомах серьезного упадка морального состояния войск противника и его командного состава.

Для того чтобы оказывать более конкретную помощь частям, ведущим бои за Торопец, я приехал 19 января в Понизовье[1] на командный пункт 249-й стрелковой дивизии.

С утра 20 января началась атака, и к 14 часам 917-й пехотный полк овладел товарной станцией, депо и складами. Левее продвигалась 48-я стрелковая бригада. Противник сосредоточил на участке бригады шквальный огонь, и она была вынуждена отойти назад. Воспользовавшись этим, враг двумя батальонами контратаковал обнажившийся левый фланг 917-го стрелкового полка и вынудил его оставить товарную станцию. Однако, помня приказ, полк продолжал удерживать склады.

Тем временем 921-й и 925-й полки овладели отдельными кварталами на восточной и южной окраинах города. Бой не утихал весь день. К исходу дня 917-й полк занял вокзал, 48-я стрелковая бригада вела бой в северо-восточной части города, 921-й полк удерживал восточную окраину, а 925-й, ведя бои на южной окраине, одновременно отрезал противнику пути отхода на запад, захватив деревни Коптево и Заликовье.

Имея задачу овладеть станцией Старая Торопа, командир 249-й стрелковой дивизии направил туда лыжный отряд, созданный из приданных дивизии 67-го и 68-го лыжных батальонов. В отряд были отобраны

---

[1] В Понизовье при занятии его войсками армии было взято 300 тонн зерна, 360 000 рублей советских денег, 10 000 германских марок, 2 исправных самолета и т. д.

лишь хорошие лыжники, что сделало отряд более мобильным.

В ночь на 21 января, проделав 60-километровый марш, лыжный отряд окружил Старую Торопу. Оставив у шоссе южнее станции охранение, главные силы сосредоточились восточнее поселка. После этого один взвод проник в поселок с севера по торопецкой дороге. Гитлеровцы приняли лыжников за разведку и решили без долгих размышлений уничтожить ее одним ударом, бросив все силы, за исключением охраны лагеря военнопленных, против взвода. В это время наши главные силы, наблюдая за действиями противника, неожиданно ударили ему в тыл и разгромили гарнизон Старой Торопы.

К утру 21 января лыжники захватили станцию и поселок Старая Торопа. Сопротивление оказала лишь группа эсэсовцев — охрана лагеря военнопленных, но и она к полудню была уничтожена.

В итоге этого дерзкого и слаженного удара небольшой отряд лыжников выполнил свою задачу — перерезал путь отхода торопецкой группировке на юг.

Противник оставил на поле боя 100 трупов. Наши войска освободили 400 пленных советских воинов. Как радовались эти люди, получившие возможность вернуться в ряды защитников Родины! Было захвачено также 3 вагона продовольствия, 25 вагонов с имуществом и другие трофеи.

19 января во время боев за Старую Торопу я, находясь на участке 249-й стрелковой дивизии, наносившей главный удар, был ранен.

Это произошло во время налета вражеской авиации на наблюдательный пункт командира 249-й стрелковой дивизии. Мне тут же сделали перевязку, установив перелом обеих костей голени правой ноги. Я приказал отвезти меня на командный пункт армии и попросил не доносить никуда о моем ранении, но эта просьба не была выполнена, и пока я добирался до КП армии, все узнали, что я ранен. Врачи встретили меня на КП в белых халатах, чуть ли не с хирургическими пилами в руках, чтобы ампутировать ногу. Я не согласился с этим предложением и просил врачей положить перебитую ногу в гипс, что они и сделали. Такое решение ока-

залось весьма разумным. Кости срослись, и я не лишился ноги.

Этот обычный в боевой обстановке случай произошел, к сожалению, в то время, когда операция была еще в полном разгаре. Армия выполнила лишь первую половину задачи. И я решил, несмотря ни на что, остаться в армии до тех пор, пока задача не будет выполнена полностью, о чем безотлагательно и донес в штаб фронта и в Ставку. Я сделал это по здравому размышлению, зная, что остаться в строю с таким тяжелым ранением нелегко, ведь нужно командовать и непрерывно руководить войсками с носилок. Я рассчитывал, что у меня хватит на это выдержки. Несмотря на поистине дикие боли в ноге, я не принял во внимание настоятельные требования врачей, которые уверяли меня, что если я немедленно не эвакуируюсь в тыловой хирургический госпиталь, то в лучшем случае лишусь ноги, а в худшем наживу гангрену, и тогда вообще неизвестно, чем кончится дело.

На следующий день мне была передана телеграмма из Ставки, в которой говорилось, что Сталин дважды справлялся о моем здоровье и высказал пожелание, чтобы я остался на месте, если есть к этому хотя малейшая возможность.

Я ответил, что еще вчера сразу же после ранения донес Верховному Главнокомандующему о том, что останусь в строю и при любых обстоятельствах доведу дело до конца.

В течение последующих 23 дней, то есть до полного выполнения задачи, поставленной Ставкой, мне пришлось командовать войсками с носилок, с перебитой ногой, положенной в гипс.

Но вернемся к боям за Торопец. В течение ночи на 21 января части привели себя в порядок, подтянули тылы, пополнили боеприпасы и организовали штурмовые группы для борьбы внутри города. Атака началась на рассвете. Первым нанес удар 925-й стрелковый полк. Для отражения его атаки противник бросил свои основные силы. Воспользовавшись этим, остальные наши части стремительным броском ворвались в город. Гитлеровцы в панике устремились на запад. Но там их ждали специально выделенные 925-м стрелковым полком под-

разделения, а также передовые отряды 360-й стрелковой дивизии. Большинство бежавших было уничтожено, многие сдались в плен.

После двухдневных упорных уличных боев 249-я стрелковая дивизия, 48-я и 39-я стрелковые бригады и части 360-й стрелковой дивизии к 10 часам 21 января полностью овладели г. Торопец. Оборонявшие город части противника были разгромлены. Мы захватили богатейшие для того времени трофеи: 6 танков, много различного вооружения, 723 автомашины, значительное количество боеприпасов, около 450 000 снарядов, несколько миллионов патронов, 1000 бочек с горючим. И самое главное — было захвачено до 40 складов с продовольствием, в которых хранились масло и другие жиры, мясные и рыбные консервы, различные концентраты, мука, крупы, сахар, сухие фрукты, шоколад и т. п.

Немецкие продовольственные склады мы превратили в свои армейские, назначив туда своих заведующих и кладовщиков. Этими запасами армия питалась в течение месяца.

Трудно переоценить значение для армии успеха Торопецкой операции и захвата баз снабжения противника. Несмотря на мое тяжелое состояние, я радовался успехам армии и с гордостью донес о них в Ставку.

С захватом Торопца и выходом 4-й ударной армии на рубеж Старая Торопа и Западная Двина Торопецкая операция, по сути дела, закончилась. В ходе этой операции 4-я ударная армия глубоко вклинилась в оборону противника и уничтожила его ближайшие резервы. Задача, поставленная армии приказом Северо-Западного фронта, была выполнена в установленный срок. В ходе тринадцатидневных боев в исключительно трудных условиях суровой зимы, при температуре до —35°, в условиях бездорожья и снежных заносов, под непрерывным воздействием авиации противника и при постоянной угрозе быть окруженной в результате отставания соседей, армия прорвала оборонительную полосу противника, разгромила его ближайшие оперативные резервы и, преследуя остатки разгромленных частей противника, прошла с боями в направлении главного удара и на правом фланге 140—150 км за 11 дней, что составляет в среднем 13—14 км в сутки.

Выйдя на железную дорогу Великие Луки — Ржев, войска 4-й ударной армии перерезали коммуникации ржевской и оленинской группировок врага.

Характерным для боевых действий 4-й ударной армии в этой операции являлась высокая маневренность, несмотря на то, что условия маневрирования были страшно затруднены. Войска, борясь за дороги и населенные пункты, смело обходили опорные пункты противника, выбивали немцев из укреплений и затем уничтожали их в поле. Отставание танков, артиллерии и тылов снижало темп наступления. Несмотря на это, стрелковые части при поддержке минометов развивали наступление. Войска приобрели богатый опыт маршев в зимних условиях. Особый интерес представляет марш 360-й стрелковой дивизии, которая за 12 дней прошла 135 км по сплошному лесному массиву, со среднесуточным темпом 11 км, буквально прогрызая себе дорогу в густом лесу, утаптывая глубокий снег, укрепляя лед на озерах и почти на руках таща за собой технику, что, естественно, еще более затрудняло движение.

К сожалению, все то, что по приказу фронта было направлено на правый фланг: танки, артиллерия, гвардейские минометные дивизионы на танковых шасси — все это в связи с невозможностью использования пришлось рокировать на центральное направление; причем эту технику мы выводили уже после того, как были растрачены моторесурсы. Конечно, ни танки, ни гвардейские дивизионы, ни артиллерия не смогли принять сколько-нибудь активного участия в наступлении на направлении главного удара армии.

В ходе операции войска армии получили богатый боевой опыт наступательных действий, в особенности маневра без дорог, обхода и охвата. Личный состав дивизий закалился в боях и, главное, убедился в том, что фашистов можно успешно бить.

Ведь большая часть дивизий, действовавших в составе армии, была только что сформирована и совершенно не имела боевого опыта. Командный состав на 70% был призван из запаса и, естественно, также не имел боевого опыта.

Отлично действовала в этой операции 249-я стрелковая дивизия, которая наступала на главном направлении

и весьма успешно решила задачи по овладению городами Пено, Андреаполь, Торопец, за что была переименована в 16-ю гвардейскую и награждена орденом Ленина.

Что можно сказать о действиях остальных соединений армии в этот период? 360-я стрелковая дивизия, наступая на крайнем правом фланге, обеспечила успех Торопецкой операции и захват Торопца. 332-я стрелковая дивизия, тесно взаимодействуя с 249-й стрелковой дивизией, упорно преследовала отходящие части противника и захватила г. Западная Двина, уничтожив там подразделение 512-го железнодорожного батальона и остатки других частей.

334-я стрелковая дивизия, действуя на левом фланге, продвигалась медленно из-за отставания соседа слева — 22-й армии, надежно обеспечивая левый фланг армии. К 22 января она вышла на рубеж Мальцево, Ранцево, Федоровское.

358-я стрелковая дивизия, двигаясь во втором эшелоне, к исходу 19 января достигла района Павлово, Савино. 21-я стрелковая бригада, наступавшая за 334-й стрелковой дивизией к разгранлинии армии, к 20 января была выведена ночными маршами в армейский резерв и сосредоточилась в районе Васильево.

Коснусь кратко действий соседей за этот период. Правофланговые части левого соседа — 22-й армии — не сумели в достаточной степени использовать наш успех и продвигались крайне медленно. К 21 января непосредственно примыкавшая к нам 179-я стрелковая дивизия приближалась к рубежу Жегорино, Куманичная.

Действия правого соседа 3-й ударной армии были также недостаточно успешны. К 21 января ее правый фланг оставался на прежнем рубеже. В центре одна стрелковая дивизия продвинулась на 60 км, окружила гарнизон г. Холм и вела с ним затяжные уличные бои. Левофланговые соединения армии, не встречая сильного сопротивления противника, продвинулись до 80 км. В результате фронт армии растянулся на 200 км. Несмотря на некоторое продвижение, отставание от 4-й ударной армии достигало 60 км, что создавало угрозу нашему правому флангу со стороны Великих Лук.

Таким образом, из-за отставания соседей оба наши фланга, особенно правый, требовали выделения сил для их обеспечения, а это можно было сделать лишь за счет ослабления армии на направлении главного удара.

К утру 22 января сложилась следующая обстановка. Противник, сосредоточивая в районе Витебска новые силы, имел целью задержать продвижение частей армии и организовать оборону на рубеже Велиж — Демидов, чтобы преградить нам путь на Витебск — Рудню. Велись оборонительные работы в районах Велиж, Витебск, Демидов, Рудня и в других. Противник боялся потерять рокады: Невель — Велиж, Демидов — Духовщина — Ярцево и Витебск — Смоленск. Резервы перебрасывались сюда из глубокого тыла.

Во второй половине января в Витебске начала выгружаться свежая 83-я пехотная дивизия. Из района Лиозно, Рудня в район Демидов выдвигалась 330-я пехотная дивизия. Кроме этой дивизии, в район Рудни и Витебска подходили еще две новые дивизии; усиливалась оборона и в районе Великих Лук. Стремясь во что бы то ни стало остановить или задержать наше продвижение, противник привлек большое количество авиации, которая проявляла наибольшую активность на главном направлении Торопец, Велиж.

К 22 января войска армии вышли на рубеж Старая Торопа — Нелидово. Из-за бездорожья, снежных заносов и отсутствия горючего артиллерия отстала на 60—80 км, а тылы еще больше; отставали и танки. Коммуникации растягивались, необходимо было сделать хотя бы короткую паузу, прежде чем начать новую операцию.

Одной из аксиом оперативного искусства является — в ходе успешно развивающегося наступления не давать противнику опомниться, привести себя в порядок, подбросить резервы. Причем одна наступательная операция зачастую перерастает в другую. В предвидении этого необходимо своевременно усиливать войска, решительно развивающие успех.

В описываемый период резервы Северо-Западного фронта были крайне ограничены, и войска, успешно наступавшие в течение длительного времени, усилить было нечем. Необходимо было сделать хотя бы небольшую паузу в наступлении, чтобы предоставить войскам воз-

можность привести себя в порядок, подтянуть отставшие части и тылы, упорядочить коммуникации. В противном случае новое наступление могло не дать желаемого результата.

ГЛАВА 9

НОВАЯ ОПЕРАЦИЯ

(Схемы 9, 10 и 11)

Передышки войска 4-й ударной армии, однако, не получили. С утра 22 января армия по приказу Ставки была передана в Калининский фронт. Командующий Калининским фронтом генерал-полковник Конев И. С. потребовал от 4-й ударной армии продолжать энергичное наступление, выйти в глубокий тыл и перерезать коммуникации немецкой группы армий «Центр», не дать войскам этой группы отойти на тыловые оборонительные рубежи и во взаимодействии с другими армиями Калининского и Западного фронтов создать условия для их уничтожения. Для выполнения этих задач 4-я ударная армия должна была развивать наступление в направлении Торопец — Велиж — Рудня и выйти в район Рудня к 29 января. Это был приказ на новую операцию.

Таким образом, Торопецкая операция без какой-либо паузы переросла в новую — Велижскую операцию.

Дивизии получили следующие задачи: «360-й стрелковой дивизии наступать в направлении Полонейка и овладеть рубежом Пухново, Полонейка; 48-й стрелковой бригаде наступать вдоль р. Западная Двина и выйти на рубеж (иск) Полонейка, Лепаково; 39-й стрелковой бригаде овладеть Ильиным и выйти на рубеж Винокурово, Романово; 332-й стрелковой дивизии наступать в направлении Гороваха, выйти на рубеж Кукуева, оз. Путное; 334-й стрелковой дивизии сосредоточиться в районе Ущане, Земцы. 51-й стрелковой бригаде двигаться во втором эшелоне за 360-й стрелковой дивизией;

358-й стрелковой дивизии двигаться во втором эшелоне за 332-й стрелковой дивизией и перейти в район Гороваха; 249-я стрелковая дивизия с приданными частями, выведенная в армейский резерв, сосредоточивалась в районе Макеево, Старая Торопа; 21-я стрелковая бригада также была в армейском резерве».

24 января 39-я стрелковая бригада атаковала Ильино, но безуспешно, так как противник сильно укрепил населенный пункт, а достаточной разведки произведено не было. Атакующим пришлось преодолевать оборонительный рубеж глубиной до 700 м по снегу без поддержки артиллерии (она отстала во время движения). Только ночью командование бригады организовало разведку. После этого атакующие подразделения были подтянуты вплотную к окраинам Ильино. На рассвете атаку повторили. На этот раз бригада быстро овладела окраинами поселка. Завязался бой.

Преодолев упорное сопротивление гитлеровцев, бригада к полудню 25 января очистила Ильино от гитлеровцев и продолжала движение на юг.

48-я стрелковая бригада, действовавшая в направлении Лепаково, 26 января уничтожила группу противника до 160 человек в Хухово и во второй половине дня подошла к Крестам, оборонявшимся 3-м истребительным отрядом и 2-й ротой 579-го ландшютцбатальона (всего здесь было до 1000 гитлеровцев). Командир бригады полковник Куприянов, несмотря на категорическое требование командования армии не ввязываться в бои за укрепленные пункты, а, заслоняясь от них, продолжать энергичное движение вперед, решил внезапной атакой уничтожить противника в Крестах. Из-за слабой организации разведки силы гарнизона, а также характер обороны и огневой системы противника установлены не были. 26 января бригада, наступая одним батальоном с северо-запада, другим — с северо-востока и востока, а третьим — с юга, окружила Кресты. Батальоны начали бой, но наступление против сильно укрепившегося противника успеха не имело.

На следующий день подошла 39-я стрелковая бригада. Полковник Куприянов попросил помощи, в связи с этим на Мархлево был направлен 2-й батальон 39-й бригады. Батальон ворвался в Мархлево с юго-востока, но попытки продвинуться дальше не увенча-

лись успехом. 39-й бригаде удалось, однако, перерезать дорогу Кресты — Велиж.

Безуспешные бои за Кресты еще раз показали, что не следует ввязываться в бои за изолированные укрепленные пункты.

28 января штаб армии потребовал от командиров 48-й и 39-й стрелковых бригад прекратить бесполезные бои и продолжать движение в обход этого населенного пункта. Задача овладения Крестами была возложена на 358-ю стрелковую дивизию, двигавшуюся во втором эшелоне.

48-я стрелковая бригада, оставив заслон на северо-западной окраине Крестов, начала движение на юг в направлении р. Западная Двина. 39-я стрелковая бригада, оставив один батальон и усиленную роту в Мархлево и в районе Починок, Рубежник, главными силами также двинулась на юг и уже к исходу следующего дня вышла в район западнее Рудня.

Следует отметить, что трехсуточные бои этих бригад под Крестами позволили противнику укрепить Велиж, что не могло не повлиять на дальнейшее развитие наступления армии и привело к затяжным боям за Велиж. Если бы не произошло указанной трехдневной задержки, Велиж, по всей вероятности, был бы взят с ходу.

358-я стрелковая дивизия, двигавшаяся за бригадами в направлении Западная Двина, Ильино, по приказу командования армии выслала 24 января 1191-й стрелковый полк с задачей овладеть ст. Земцы и разобрать железную дорогу. В дальнейшем полк должен был прикрывать левый фланг армии и, продвигаясь на юг, выйти в район Демидов.

28 января 358-я стрелковая дивизия подошла к Крестам и сменила здесь части 48-й и 39-й стрелковых бригад, за исключением 1-го батальона 39-й бригады, который перехватывал дорогу из Крестов на Велиж[1]. Дивизия начала готовиться к атаке Крестов.

Командование гарнизона Крестов, поняв, какая ему угрожает опасность, запросило помощи. В ночь на 29 января 3-й батальон 257-го пехотного полка, усилен-

---

[1] Архив МО СССР, оп. 4570, д. 47, л. 54.

ный артиллерией, был направлен из Велижа на помощь гарнизону Крестов.

Отбросив роту 1-го батальона 39-й бригады, занимавшую Починок, вражеский батальон сумел прорваться к Крестам. Однако 1-му батальону 39-й стрелковой бригады удалось, выйдя в район Починок, закрыть выход из Крестов на юг. Этой же ночью 1187-й стрелковый полк 358-й стрелковой дивизии двумя батальонами подошел к Крестам с юго-запада и запада. Одновременно 1-й батальон 1189-го стрелкового полка этой же дивизии подошел к Крестам с севера. Этим было завершено окружение противника в Крестах. С утра одновременной атакой всех трех батальонов 1187-го и одного батальона 1189-го стрелковых полков Кресты были полностью очищены от противника.

В боях за Кресты враг потерял свыше 1000 человек убитыми и ранеными (были убиты командир 257-го пехотного полка Шустер и 17 офицеров). Мы захватили 4 орудия, 20 пулеметов, 35 минометов, 5 тракторов, 25 автомашин и много боеприпасов. Наши потери убитыми и ранеными составили около 200 человек.

По окончании боя, вечером 29 января, 358-я стрелковая дивизия сосредоточилась в районе Починок.

В это время на правом фланге армии 360-я стрелковая дивизия, оставив один батальон для прикрытия Торопца, двинулась лесными дорогами на юг. Почти не встречая сопротивления, дивизия 29 января подошла к Велижу с северо-запада и запада и атаковала его. Утром 30 января части ворвались на окраину города.

На крайнем правом фланге армии, обеспечивая его, уступом за 360-й стрелковой дивизией двигалась в направлении Прилуки, Яковлево, Церковище 51-я стрелковая бригада. В ночь на 29 января бригада освободила Усвяты, захватив там богатые трофеи [1].

249-я стрелковая дивизия, сыгравшая главную роль в Торопецкой операции, теперь выводилась в армейский резерв для приведения себя в порядок (она перемещалась с левого фланга армии на правый в район Лосочи).

---

[1] В Усвятах было взято: 5 зерноскладов (360 тонн зерна), 2 склада льноволокна, 2 склада веломашин, 57 лошадей, 53 головы крупного рогатого скота, 3 трактора, горючее и т. п. (Архив МО СССР, оп. 4570, д. 47, л. 55).

Надо сказать, что к этому времени активизировались действия партизан. Так, 24 января они заняли ст. Кунья, перерезав железную дорогу Великие Луки, Старая Торопа, чем отчасти содействовали обеспечению правого фланга армии на этом направлении.

На левом фланге армии 332-я стрелковая дивизия, уничтожая мелкие группы противника (остатки 253-й пехотной дивизии), двигалась на Романово; 29 января она вышла в район Рудня.

23 января я приказал командиру 334-й дивизии выйти в район поселка Земцы и выделить для овладения Нелидовом усиленный стрелковый батальон. Дело в том, что в Нелидово были обнаружены эшелоны противника. Разведка дивизии установила, что поселок занят не менее чем полком противника. Ясно, что при этих условиях необходим был удар по Нелидово силами всей дивизии. Я дал на это согласие. 24 января дивизия вышла к Нелидово. Общая численность его гарнизона достигла 3000 человек.

В ночь на 25 января группа партизан проникла в Нелидово и сумела вызвать панику во вражеских подразделениях. Это помогло дивизии уже к 10 часам утра захватить Нелидово. Здесь было взято 3 железнодорожных эшелона, 300 автомашин, 11 орудий, продовольственные склады и много других трофеев.

Оставив в Нелидово до подхода 22-й армии (в полосу наступления которой входил этот населенный пункт) один батальон, 334-я стрелковая дивизия вышла во второй эшелон армии и к 29 января сосредоточилась в районе Ильино, Соковичино.

В это время наш левый сосед — 22-я армия — вел бои 179-й стрелковой дивизией на рубежах Красный Факел, Селы, медленно продвигаясь к Нелидово. 186-я стрелковая дивизия этой армии двигалась на юг, ведя бои за Сковоротынь, 119-я стрелковая дивизия вела бои за г. Белый. Разрыв между правофланговой 179-й стрелковой дивизией 22-й армии и левым флангом 4-й ударной армии достигал уже 110 км и заставлял нас не только держать свой гарнизон в Нелидово, но и выделять дополнительные силы для обеспечения своего левого фланга.

Правый сосед — 3-я ударная армия — также очень отстал. К концу января соединения армии вели бои на

250-километровом фронте от Ватолино до Великих Лук. Не сумев преодолеть в районе Великих Лук сопротивление противника, армия вынуждена была перейти к обороне. Таким образом, оба фланга 4-й ударной армии остались открытыми: правый сосед отставал на 100 км, левый — на 110 км.

И все-таки 4-я ударная армия упорно двигалась вперед, преследуя и уничтожая остатки разбитых частей противника, ломая сопротивление арьергардов отходящих частей и передовых отрядов, выбрасываемых вперед от подтягиваемых резервов. За восемь дней боев с 22 по 30 января армия продвинулась с боями на 100—115 км и вышла в район Велижа. За это время мы разгромили значительные силы противника, уничтожили несколько тысяч гитлеровцев и захватили много трофеев.

При выходе на рубеж Велиж, Усвяты, Красный Луг армия сохраняла в центре свою главную группировку, которая не утратила своей боеспособности, несмотря на то, что войска армии не получили за это время ни одного человека пополнения. Естественно, что сильная утомленность личного состава и потери во время операции значительно ослабили силы армии. Так, в 249-й стрелковой дивизии осталось не более 1400 штыков, в 48-й стрелковой бригаде — 1500 штыков. Непрерывное 21-дневное наступление, в ходе которого было пройдено 250—300 км по труднодоступной бездорожной местности, в условиях отрыва от баз снабжения, при систематическом отставании артиллерии и тылов, при нехватке боеприпасов и горючего, а часто и продовольствия, давало себя знать. Для осуществления дальнейших ударов армии была необходима оперативная пауза, чтобы привести войска в порядок и перегруппировать их. Но командование фронтом потребовало немедленного овладения Суражем, Велижем и Демидовом с последующим движением вперед [1].

---

[1] Еще 27 января по этому поводу в штаб фронта было направлено донесение, в котором, в частности, ставились вопросы о подвозе боеприпасов, так как с горючим дело обстояло плохо, и о выделении средств связи, поскольку чрезмерная растянутость линий связи, вызванная быстрым продвижением войск вперед, повлекла за собой большой расход средств связи.

Фашистское командование поняло, что дальнейшей целью нашего наступления является выход в район Витебск — Орша — Смоленск. Этот район был важным узлом коммуникаций и местом нахождения баз снабжения, связующим звеном между группами армий «Центр» и «Север», здесь располагались также крупные штабы.

В связи с угрозой выхода наших войск в этот район гитлеровцы начали поспешно перебрасывать сюда свежие дивизии с запада.

Здесь сосредоточивались крупные силы в составе 6—7 пехотных дивизий.

Общая численность противника перед фронтом 4-й ударной армии в городах Сураж, Велиж и Демидов без подходивших резервов равнялась 6000—7000 человек. Наши войска несколько превосходили по численности противника, но личный состав их был сильно измотан в непрерывных боях и маршах. Войска оторвались от баз снабжения, особенно плохо обстояло дело с боеприпасами.

Надо сказать, что в то время штаб армии не имел, да и не мог иметь, полных данных о составе противника перед нашим фронтом и его намерениях, так как масштабы мероприятий противника выходили далеко за рамки возможностей армейской разведки.

В этой обстановке командование армии приняло следующее решение: действовавшим на правом фланге с целью его обеспечения 249-й стрелковой дивизии и 51-й бригаде наступать на Витебск и с ходу овладеть им. На Рудню удар планировалось нанести силами четырех дивизий и двух бригад, в резерв выводилась одна бригада.

Слева наступление армии на Демидов обеспечивали одна стрелковая дивизия и одна стрелковая бригада.

Одновременно до сведения командования фронта доводилось, что неоднократные попытки установить связь с соседями остались безуспешными, а фланги армии открыты, а также о том, что у армии нет данных о противнике в районе Витебск, Рудня, Смоленск и на подступах к ним, а также и на наших флангах. Получить эти сведения за отсутствием авиаразведки не представлялось возможным (Архив МО СССР, оп. 4570, д. 47, лл. 52—53).

30 января на основании этого решения был отдан соответствующий оперативный приказ, в котором конкретизировались боевые задачи соединений.

Вот как развивались боевые действия в соответствии с этим приказом.

Командир дивизии генерал-майор Тарасов Г. Ф., выполняя поставленную задачу, приказал приданной ему 51-й стрелковой бригаде взять Сураж, а 249-й стрелковой дивизии — овладеть Витебском. Этот опытный и отважный генерал совершил в данном случае ошибку. Он полагал, что в Сураже имеются лишь небольшие, утратившие боеспособность силы противника, и не хотел терять времени на бой с ними, боясь, что противник, воспользовавшись этим, усилит свою группировку в Витебске. Рассуждения генерала Тарасова сами по себе были верны, но он не учел возможности быстрого изменения обстановки. В Сураже и в самом деле войск вначале было мало, а затем гитлеровцы подтянули туда значительные силы. А Сураж нужно было обязательно захватить, так как это позволило бы отрезать велижскую группировку противника от резервов, подходивших из глубины, а также надежно обеспечить фланг армии (это приобретало особенно важное значение в случае, если бы нам не удалось взять Витебск).

Двигаясь по лесам без особой разведки, 249-я стрелковая дивизия не заметила выдвижение 277-го полка противника, выгрузившегося в Витебске, на Сураж в тыл дивизии. Когда об этом стало известно командованию армии, 249-й стрелковой дивизии было приказано прекратить движение на Витебск. Но командир дивизии не смог своевременно получить этого приказа и продолжал движение.

Передовые части дивизии 3 февраля обнаружили развернутые дивизии противника на окраине Витебска. Тарасов прекратил движение, чтобы разобраться в обстановке. Но в это время он получил, наконец, мой приказ о прекращении движения на Витебск. Командир дивизии решил быстро оторваться от противника. Это ему удалось, и к утру 5 февраля дивизия вышла в район Островский (западнее Суража).

Из-за ошибки, допущенной командиром 249-й стрел-

ковой дивизии, гарнизон в Сураже усилился еще одним полком. Поэтому бои по овладению городом вначале одной 51-й стрелковой бригадой, а затем и 249-й стрелковой дивизией успеха не принесли, так как противник имел теперь здесь уже до двух свежих полков полного состава и, таким образом, вдвое превосходил наши части по численности.

Таким образом, со 2 февраля силы армии начали рассредоточиваться и втягиваться в затяжные бои со свежими силами противника. Соседи ничем не могли помочь нам. Увидев, что сил для захвата Суража недостаточно, я приказал 51-й стрелковой бригаде занять оборону севернее Суража, а 249-ю стрелковую дивизию вывел в армейский резерв для отдыха и приведения частей в порядок.

360-я стрелковая дивизия совместно с 48-й стрелковой бригадой утром 30 января атаковала Велиж. Полки 360-й стрелковой дивизии овладели северо-западной и юго-западной окраинами, а 48-я стрелковая бригада вышла к восточной окраине города. Солдаты и офицеры противника, боявшиеся окружения, всячески стремились вырваться из блокированного города (с этой целью они даже переодевались в женское платье).

Командование противника пыталось деблокировать окруженных с помощью авиации. Одновременно немцы превратили город в крепость, особенно в районе расположения трех церквей и райвоенкомата. Несмотря на сильное воздействие авиации и контратаки, наступление продолжалось до 2 февраля. Нам удалось полностью овладеть северо-западной частью города до р. Западная Двина (360-я стрелковая дивизия) и занять несколько кварталов, расположенных вдоль Смоленского шоссе (48-я стрелковая бригада). На этом продвижение прекратилось в связи с почти полным отсутствием боеприпасов.

В это время остальные части армии, выполняя поставленные задачи, успешно продвигались в направлении Рудня.

3 февраля 332-я стрелковая дивизия, развивая наступление, завязала бой на окружение Демидова, но взять его не смогла из-за отсутствия артиллерийских снарядов.

Задержка наших войск на рубеже Демидова позволила противнику перебросить сюда из района Рудни 330-ю пехотную дивизию (она завязала бои с 332-й дивизией).

358-я стрелковая дивизия, действовавшая по обеспечению левого фланга, 2 февраля вышла на рубеж Понизовье, Титовщина.

ГЛАВА 10

ИТОГИ ДЕЙСТВИЙ 4-Й УДАРНОЙ АРМИИ

В начале февраля 4-я ударная армия вынуждена была раздробить свои силы по трем направлениям и вести затяжные бои с подтянутыми противником свежими частями.

Соседние армии, отставшие от нас более чем на 100 км, не только не могли помочь нам, но и сами нуждались в помощи. 3-я ударная армия в это время продолжала бои за Холм и на подступах к Великим Лукам, а 22-я армия левофланговыми частями вела малоуспешные атаки против гитлеровского гарнизона в г. Белый. Необеспеченность флангов 4-й ударной армии требовала затраты сил на прикрытие их, особенно в районе Нелидово, а также вызывала необходимость иметь значительные резервы на случай прорыва противником нашего фронта и выхода на армейские коммуникации. Для этих целей была в полном составе использована 334-я стрелковая дивизия, создавшая оборону в районах Нелидово и Ильино.

Предназначавшиеся для пополнения армии две дивизии — 155-я и 158-я стрелковые — были еще в пути переданы 22-й армии. 4-я ударная армия, на которую легла вся тяжесть осуществления нескольких наступательных операций на направлении главного удара фронта, не получила ни одного человека пополнения, несмотря на то, что Ставка и командование фронта заверяли нас в том, что, если армии удастся прорвать обо-

рону противника, она получит столько подкрепления, сколько будет ею запрошено.

С 6 февраля положение на фронте армии стабилизировалось, и бои стали носить частный характер.

Таким образом, выход армии в район Велиж — Сураж — Демидов и боевые действия на этом рубеже притянули к себе крупные стратегические резервы противника, предназначенные им для весеннего наступления.

За период с 9 января по 5 февраля войска 4-й ударной армии провели две операции: Торопецкую и Велижскую. В результате успеха этих операций войска армии вклинились в стык между группой армий «Центр» и «Север», перерезав две рокады: Великие Луки — Торопец — Нелидово — Невель; Велиж — Духовец — Ярцево. Армия вышла в такой район, который являлся наиболее выгодным для нанесения ударов по флангу и тылу войск противника, действовавших как на московском, так и на ленинградском стратегических направлениях.

Важным результатом боев явилось и то, что 4-я ударная армия оказалась гораздо ближе от «треугольника» магистралей Витебск — Орша — Смоленск, чем действующие на московском направлении немецкие армии.

Торопецкая операция была завершена точно в поставленные армии сроки. Велижская операция не получила полного развития главным образом из-за отставания соседей и недостаточного пополнения армии личным составом, материальной частью и боеприпасами.

Нужно иметь в виду, что Велижская операция последовала непосредственно за Торопецкой, без паузы, поэтому материальное обеспечение этой операции было крайне слабым.

За 22 дня наступления войска прошли с боями по прямой 250—300 км, освободили около 3000 населенных пунктов и ряд городов, нанесли серьезное поражение крупным силам противника в составе до восьми дивизий.

Только убитыми враг потерял не менее 11 000 — 12 000 человек, не считая без вести пропавших.

Армия за время наступления захватила большие трофеи: около 300 орудий, такое же примерно количество

минометов, около 400 пулеметов, свыше 1200 автомашин, 2000 лошадей, около 1000 мотоциклов, около 1000 велосипедов, 300 железнодорожных вагонов, около 100 платформ, богатейшие склады боеприпасов и продовольствия. За время операций было сбито 40 самолетов противника. Наши потери в обеих операциях были в несколько раз меньше потерь противника.

Наступательные операции 4-й ударной армии позволили накопить ценный опыт в организации наступления в сложных условиях местности и климата.

Особенно поучительными во всех отношениях были действия 249-й стрелковой дивизии, фактически явившейся ударной силой армии, действовавшей на наиболее ответственных участках и сумевшей успешно выполнить те задачи, которые ставились перед ней командованием армии.

Нельзя не отметить также действий 360-й стрелковой дивизии, накопившей опыт в преодолении малодоступной местности и ведении боя в лесах против хорошо укрепленных опорных пунктов и заранее подготовленных оборонительных рубежей противника.

Следует сказать несколько слов о работе штабов. Штабы частей и соединений, принимавших участие в операциях, были различны по составу и подготовленности; наиболее сколоченными и работоспособными оказались штабы тех соединений, войска которых уже имели боевой опыт.

Самым слабым звеном являлись штабы бригад и полков, которые, за небольшим исключением, были укомплектованы офицерами, не имевшими опыта штабной работы. Поэтому особое значение в ходе операции приобретал вопрос руководства и контроля за работой этих штабов сверху.

Штаб 4-й ударной армии в основном был скомплектован из хорошо подготовленных и работоспособных офицеров и проявил себя как слаженный аппарат, способный оперативно и правильно решать задачи, выдвигаемые командованием.

Опытным, энергичным и всесторонне подготовленным показал себя начальник штаба армии генерал-лейтенант Курасов В. В., серьезно и вдумчиво руководивший работой всех отделов штаба.

4-я ударная армия перед началом наступления получила для усиления два отдельных танковых батальона: 141-й (в составе 4 танков КВ, 7 танков Т-34, 20 танков Т-60) и 171-й (в составе 12 танков МК-2, 9 танков МК-3, 10 танков Т-60). Всего было 62 танка, из них 30 легких.

Танки прибыли в армию с наполовину израсходованными моторесурсами, при этом некоторые танкисты плохо знали новую материальную часть. Танки МК-3 были не приспособлены для движения по глубокому снегу, на траки их гусениц пришлось наваривать шипы «кустарным» способом.

Условия местности и климата не позволяли широко использовать танки, маневр танков был крайне затруднен.

Несмотря на все трудности в использовании танков, 141-й танковый батальон неплохо взаимодействовал с 249-й стрелковой дивизией в боях за Охват, Луги, Олексино, Великое Село и Андреаполь. Особенно хорошо показал себя, как и раньше, наш замечательный танк Т-34.

171-й танковый батальон почти не участвовал в боях, так как вначале был придан по указанию штаба фронта 360-й стрелковой дивизии, наступавшей на правом фланге армии, а затем, получив приказ переместиться на центральный участок, уже не смог догнать успешно наступающие там войска.

Неблагополучно обстояло дело и с противовоздушной обороной. Вся наша зенитная артиллерия состояла всего из пяти дивизионов 25-мм и 37-мм орудий и двух батарей 76-мм орудий. Отсутствовали средства связи для сети оповещения (служба ВНОС пользовалась командной связью). Зенитная артиллерия постоянно отставала от пехоты и страдала от недостатка боеприпасов, правда, частично эта нужда зенитчиками преодолевалась за счет использования немецких 37-мм снарядов. Нельзя не сказать, что из 29 самолетов, сбитых зенитчиками в тот период, 19 приходилось на долю 615-го отдельного артиллерийского зенитного дивизиона, которым командовал капитан Кальченко.

В распоряжении армии имелось, как уже говорилось, всего 53 исправных самолета. Превосходство в воздухе было все время у противника. Недостаток сил для обору-

дования аэродромов вблизи линии фронта приводил к отрыву нашей авиации, и без того малочисленной, от наступающих войск. К сожалению, это не позволило накопить и обобщить сколько-нибудь значительного опыта в использовании авиации при проведении наступательных действий в условиях зимы и сложной лесистой местности.

Ценный опыт был накоплен по использованию лыжных батальонов, хорошо проявивших себя в ряде боев, в частности при захвате Старой Торопы.

Проведение обеих операций, особенно Торопецкой, позволило в дальнейшем усилить лыжную подготовку в войсках.

Большое внимание в период подготовки и проведения операции было уделено партийно-политической работе. Как только был получен приказ о переходе в наступление, политические работники быстро довели его содержание до каждого бойца и командира. 8 января, в канун наступления, работники политотдела армии после соответствующего инструктажа разъехались в соединения. Во время операции они находились на ответственных участках, обеспечивая высокий наступательный порыв, оказывая помощь политработникам частей в развертывании агитационной работы и направлении всей партполитработы на успешное обеспечение боевых приказов командования. Большое внимание уделялось руководству повседневной партработой в ротных партийных и комсомольских организациях, а также помощи в налаживании снабжения боеприпасами и продовольствием.

Во всех частях и подразделениях были проведены партийные и комсомольские собрания с вопросом о роли коммунистов и комсомольцев в предстоящем наступлении.

Особо следует сказать о политотделе 249-й стрелковой дивизии, который в ходе всей операции работал гибко и целеустремленно. Будучи все время в курсе событий, политотдел решал конкретные задачи. Его представители в частях не просто контролировали работу политработников, а действительно обеспечивали выполнение боевых задач на определенном участке.

Политотдел армии большое внимание уделял налаживанию работы тылов. Учитывая то огромное значение, которое имеют в этом деле дороги, политорганы тыло-

вых частей оказывали помощь командованию по обеспечению ремонта и восстановлению дорог.

Было в работе политорганов и немало недостатков, обусловленных в основном малым опытом большинства политработников.

Необычайно высокий наступательный порыв, мужество, самоотверженность и преданность социалистической Родине — вот что было действительно массовым явлением в 4-й ударной армии во время наступления. Нельзя не вспомнить опять о мужественной, стойкой и дисциплинированной 249-й стрелковой дивизии. За время наступления она еще более закалилась, из ее рядов вышло немало героев: лейтенант Мишкин — мастер неожиданных налетов на врага, подполковник Назаренко и майор Андреев — боевые командиры авангардных частей, батальонный комиссар Гаврилов, политрук Черенков — настоящие политические руководители и вожаки солдат. Отличились также рядовые воины и младшие командиры, такие, как сержант Великотный, сержант Фартфуддинов, уничтожившие десятки гитлеровцев, разведчики Девяткин, Маликов, Прилепин и Поляков, истребившие только в одном бою до 70 вражеских солдат. Замечательную находчивость проявила группа артиллеристов: под сильным пулеметным огнем они подползли к брошенной немцами 105-мм батарее и, повернув орудия, открыли огонь по врагу. Больше сотни немецких снарядов выпустили отважные артиллеристы, уничтожив 6 пулеметных точек и 10 автомашин противника.

И в тех случаях, когда создавалось тяжелое положение, воины не теряли самообладания, отважно сражались и наносили врагу тяжелые потери. В одном из боев больше роты гитлеровцев при поддержке пулеметного и минометного огня атаковали во фланг батарею лейтенанта Дедова. Командир батареи повернул орудия и встретил немцев залпами. В результате было уничтожено до 50 вражеских солдат и 2 миномета. Фашисты бежали без оглядки. Отважно дрались воины 332-й стрелковой дивизии, хорошо действовал личный состав 358-й, 360-й стрелковых дивизий и других соединений армии.

Войска 4-й ударной армии освободили от немецких захватчиков несколько сотен населенных пунктов. С

радостью встречали жители городов и сел возвращение родной Советской Армии.

Мы помогали местным организациям восстанавливать советские и партийные органы, налаживать хозяйство, наводить порядок. Местные жители оказывали материальную помощь частям армии. Так, в селе Беглово колхозники обеспечили целый батальон продовольствием на два дня, в деревне Колпино Заборовского сельсовета население передало нам (360-й стрелковой дивизии) 20 пудов ржи, 86 пудов картофеля и фураж и выделило 13 лошадей для его подвоза; в деревне Гришино колхозники приняли решение починить мосты и расчистить дороги, чтобы обеспечить возможность быстрейшего продвижения войск.

Проводилась в армии работа и среди солдат противника. Лыжники и разведчики только одной 334-й стрелковой дивизии разбросали в расположении противника 350 000 листовок и газет. Хорошо было поставлено это дело и в 249-й дивизии. В период наступления в составе армии работала присланная политуправлением фронта мощная радиоустановка, которая провела не один десяток передач для войск противника. В программу таких радиопередач входили выступления пленных, обращение советского командования к немецким солдатам с призывом сдаваться в плен и т. д. Судя по показаниям военнопленных, эти радиопередачи очень интересовали солдат противника: бывали случаи, когда они прекращали огонь, вылезали из блиндажей и слушали передачи.

Наши разведчики не раз наблюдали, как немецкие солдаты тайно от начальства подбирали листовки, читали их, а затем прятали. У убитых и пленных находили наши листовки, спрятанные в вещах или в документах. Пленные, однако, говорили, что они боялись делиться с кем-либо содержанием листовок, так как это грозило расстрелом.

После первых же мощных ударов Советской Армии солдаты противника начали думать о войне по-иному. В их среде стала снижаться дисциплина, участились случаи добровольной сдачи в плен.

Но в целом части и соединения армии противника все еще обладали весьма высокой боеспособностью.

В тылах немецких войск, действовавших перед фронтом армии, имелось несколько партизанских отрядов. В состав Пеновского отряда за месяц его боевой деятельности вступило до сотни человек, на боевом счету этого отряда было немало уничтоженных вражеских автомашин, взорванных мостов, убитых немецких солдат и офицеров. Сережинский партизанский отряд совершил налет на немецкий гарнизон в деревне Усадьба и уничтожил там 40 немецких автомашин.

Штаб и политотдел армии держали тесную связь с партизанскими отрядами, ставили им боевые задачи, руководили их политической работой среди населения. В партизанские отряды посылались специально подготовленные товарищи. Действуя на коммуникациях противника, партизаны проводили также большую работу среди местного населения.

Особенно усилилась деятельность партизан, когда развернулось наше наступление. Партизаны выходили из лесов, чтобы оказать непосредственную помощь советским частям. Они охраняли села от противника, стремившегося сжечь все при своем отступлении.

Огромную работу проделали в ходе операции тылы армии. О сложности их деятельности нет надобности много говорить. Можно прямо сказать, что материальное обеспечение армии, особенно продовольствием, а частично и горючим и даже боеприпасами, производилось за счет противника.

13 февраля, когда войска армии успешно завершили Торопецкую и Велижскую операции, я сдал армию генерал-лейтенанту Голикову Ф. И. и отправился в госпиталь (на чем все время настаивали врачи).

Многие участники Торопецкой и Велижской операций были заслуженно награждены. Награды получили большинство командиров рот и батальонов, все командиры полков и дивизий. Особо отличившийся в боях командир 249-й дивизии получил два ордена. Награды получили командующие родами войск, начальник штаба тов. Курасов, член Военного совета тов. Рудаков.

С тех пор прошло много лет, но я и теперь горжусь, что мне выпала честь командовать 4-й ударной армией, успешно участвовавшей в Торопецкой и Велижской опе-

рациях и выполнившей поставленные перед ней задачи в невероятно трудных условиях.

Я был помещен в госпиталь, который разместился в здании Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева, в тот самый, где я лечился после ранения на Брянском фронте.

Уход здесь был по-прежнему замечательный. Большую заботу и внимание проявили ко мне врачи и другие медицинские работники.

За время моего пребывания в госпитале меня посетили многие товарищи: военные, партийные и советские деятели, с которыми мне довелось вместе работать или близко соприкасаться по службе, по партийной и советской работе. Так, у меня побывали товарищи П. К. Пономаренко, К. В. Киселев и другие — из Белоруссии; А. Ю. Снечкус, М. Н. Гедвилас, Ю. И. Палецкис и другие — из Литвы; из военных были товарищи А. В. Хрулев, Н. Н. Воронов, Ф. Н. Федоренко, Е. А. Щаденко и другие.

Много я получал записок и писем, они были разного содержания, но одно общее роднило их — это прежде всего желание скорее добиться победы над врагом. Во многих письмах высказывалось патриотическое желание принять личное участие в приближении победы. У меня сохранилось одно из таких писем, и я позволю себе привести его здесь, оно небольшое, но весьма выразительное.

«Дорогой Андрей Иванович!

Шлю привет и самые лучшие пожелания. Желаю скорее выздоравливать. Андрей Иванович, убедительно прошу, помоги мне, пожалуйста, выбраться из глубокого тыла. Я пойду на любую работу, пойду командиром дивизии, заместителем командира кавкорпуса (есть теперь такие). Стыдно сидеть, хочу воевать. Ты меня знаешь, знаешь не сегодня; всю свою жизнь я работаю честно для Родины и партии и думаю, что хорошо буду воевать. Очень тебя прошу, позвони Ефиму Афанасьевичу Щаденко или т. Румянцеву, попроси назначить меня в действующую армию.

Я буду тебе очень благодарен. Начинаются активные действия на фронте, а я сижу в тылу.

Если ты уже поправился, забери меня к себе, буду работать хорошо. Очень прошу, помоги выбраться. Еще раз привет, извини за просьбу.

Твой П. Рыбалко.

20.5.42. Казань».

Я, конечно, помог тов. Рыбалко, и он вскоре был направлен на фронт. Воевал он действительно очень хорошо и заслуженно продвигался по службе. К концу войны он командовал танковой армией, получил военное звание Маршала бронетанковых войск, был дважды удостоен звания Героя Советского Союза. После войны тов. Рыбалко стал командующим бронетанковыми войсками Советской Армии. Так замечательно развернулись у него командирские качества, способности и талант военачальника.

В госпитале часто бывали бригады московских артистов, выступавшие в клубе, а для лежачих больных — прямо в палатах, бывали у нас рабочие московских заводов и колхозники из подмосковных сел. Приходили в палату совсем незнакомые люди, но разговор завязывался, и через пять — десять минут казалось, что говоришь с близким тебе человеком. Мысли-то были у всех одни — разбить врага.

Во всем этом была видна забота нашей партии о людях, временно вышедших из строя.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От автора 3

Часть первая. **Западный фронт**

Глава 1. Война началась 5
Глава 2. В 22-й армии 27
Глава 3. Бои за Смоленск 41

Часть вторая. **Брянский фронт**

Глава 4. Новый фронт создается 71
Глава 5. Удар по танковой группе Гудериана 82
Глава 6. Бои на орловско-курском направлении 99

Часть третья. **4-я ударная армия**

Глава 7. Снова на фронте 126
Глава 8. Наступление 147
Глава 9. Новая операция 170
Глава 10. Итоги действий 4-й ударной армии 180

Еременко Андрей Иванович

НА ЗАПАДНОМ НАПРАВЛЕНИИ

Редактор полковник *Алексеев М. А.*

Технический редактор *Аникина Р. Ф.* Корректор *Шестакова Н. Е.*

Сдано в набор 16.09.58 г. Подписано к печати 27.12.58 г.

Г-40314.

Формат бумаги 84×108 $^{1}/_{32}$—6 печ. л. = 9,84 усл. печ. л. + 12 вклеек—2 $^{1}/_{2}$ печ. л. = = 4,1 усл. печ. л. = 11,584 уч.-изд. л.

Военное издательство Министерства обороны Союза ССР

Москва, К-9, Тверской бульвар, 18.

Изд. № 7/1208. Зак. 1317.

1-я типография

Военного издательства Министерства обороны Союза ССР

Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Цена 7 р. 75 к.

Необходимые исправления в оглавлении

Строка	Напечатано	Следует читать
5	27	26
6	41	39
8	71	70
9	82	81
10	99	100
12	128	127

Зак. 1317.

7 р. 75 к.

А. И. ЕРЕМЕНКО НА ЗАПАДНОМ НАПРАВЛЕНИИ